СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчак Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Дозволено Цензурою Кiевъ 1 Февраля 1894 г.

Разсказы крестьянъ с. Пекарей о Т. Г. Шевченкѣ.

Для уясненія процесса образованія народныхъ произведеній, касающихся общественной или политической жизни, большую услугу можетъ оказать изученіе тѣхъ изъ нихъ, которыя сложились среди народа по поводу событій и лицъ современныхъ, или близкихъ намъ по времени, имѣвшихъ общественный характеръ и такъ или иначе соприкасавшихся съ народной жизнью. Народъ, чуткій ко всему, что имѣетъ какое нибудь отношеніе къ его жизни, старается дать извѣстнымъ фактамъ то или другое объясненіе, толкуетъ ихъ по своему. Одни изъ фактовъ, болѣе мелкіе, привлекаютъ народное вниманіе не надолго, скоро забываются; другіе, затрогивающіе существенныя стороны жизни, болѣе возбуждаютъ народную мысль, оставляютъ по себѣ глубокіе слѣды, и народное толкованіе ихъ, въ видѣ пѣсенъ, разсказовъ, легендъ, анекдотовъ и т. п., даетъ богатый матеріалъ, какъ для характеристики народнаго міровоззрѣнія, такъ и для уясненія техники возникновенія и развитія такого рода народныхъ произведеній.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи интересно прежде всего опредѣлить, что собственно въ данномъ фактѣ или дѣятельности извѣстнаго лица обратило на себя вниманіе народа, что дало поводъ къ возникновенію толкованій въ той или другой формѣ. Далѣе, если и нужно признать, что народная мысль имѣетъ выработанные временемъ и международнымъ общеніемъ основные пункты, составляющіе иногда цѣлыя схемы, то интересно прослѣдить, какъ располагается между ними новый ма-

теріалъ, какъ реальные факты перемѣшиваются съ вымыслами, перерабатываются сообразно съ установленнымъ взглядомъ, дополняются старыми. Затѣмъ, имѣя дѣло съ событіями современными, фактическая сторона которыхъ извѣстна намъ въ подробностяхъ, будетъ легко въ данномъ случаѣ установить исходный пунктъ, откуда получила начало та или другая версія, легко будетъ прослѣдить интенсивность ея распространенія. Наконецъ, матеріалъ, собранный при такихъ условіяхъ, дастъ мѣсто для сопоставленій на будущее время, дастъ возможность, путемъ сравненія, установить, что сохранилось, что отпало, что развилось.

Не смотря на то, что поле для такого рода наблюденій очень обширно, до сихъ поръ въ этомъ направленіи сдѣлано немного. Въ то время какъ тщательно собираются произведенія народа, въ которыхъ можно отыскать хотя малѣйшую черту, характеризующую прошлую его жизнь, произведенія, выражающія взглядъ народа на факты современной жизни, оставляются безъ вниманія. А между тѣмъ жизнь идетъ своимъ путемъ, новые факты наслаиваются на старые, свѣжесть ихъ утрачивается...

Среди лицъ, дѣятельность которыхъ относится къ недавнему прошлому, большой популярностью среди малорусскаго народа пользуется имя Т. Г. Шевченка. Какъ можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, попавшимъ въ литературу, разсказы о Шевченкѣ широко распространены по всей территоріи Украины. А между тѣмъ на нихъ не обращено должнаго вниманія, и печатный матеріалъ почти отсутствуетъ. Мнѣ извѣстна всего одна замѣтка, касающаяся настоящаго вопроса; эта замѣтка въ 2 страницы А. Смоктія—„Взглядъ народа на Шевченка [1]", замѣтка очень цѣнная; затѣмъ, М. Васильевымъ сообщена [2]) „Народная пѣсня о Шевченкѣ", записанная въ Лебединѣ, чигиринск. у., отъ кантониста, по содержанію не представляющая ничего интереснаго и, повидимому, происхож-

[1]) „Кіевск. Стар." 1882 г, августъ.

[2]) „Кіевск. Стар. 1885 г., сентябрь.

денія не чисто народнаго. Вотъ и все. Въ 1893 г. мной записано нѣсколько разсказовъ, касающихся Шевченка. Мѣсто записей—село Пекари, черкасск. у., лежащее на правомъ берегу Днѣпра, 7 верстъ ниже г. Канева. Село это, по отношенію къ Т. Г. Шевченкѣ, находится въ особыхъ условіяхъ. Незадолго до своей смерти Т. Г. побывалъ въ Пекаряхъ; немного выше села находится его могила. Это посѣщеніе поэтомъ Пекарей, затѣмъ устроенныя ему торжественныя похороны, конечно вызвали особое вниманіе окрестныхъ жителей; въ результатѣ явилось много разсказовъ о самомъ поэтѣ, его похоронахъ, объ устроенной надъ его прахомъ могилѣ.

Многіе изъ крестьянъ с. Пекарей видѣли Шевченка, входили съ нимъ по разнымъ поводамъ въ сношеніе, такъ что разсказы ихъ, наряду съ фактами, переработанными народомъ по своему, носящими иногда легендарный характеръ, даютъ въ то же время возможность извлечь также нѣкоторыя черты, имѣющія дѣйствительно біографическій интересъ.

На нихъ я прежде всего и остановлюсь, замѣтивъ при этомъ, что мной записано очень немного разсказовъ, а ихъ существуетъ среди крестьянъ с. Пекарей несомнѣнно гораздо больше: каждый болѣе или менѣе пожилой обыватель можетъ разсказать что нибудь о Шевченкѣ, такъ что впереди остается еще много неисчерпаннаго матеріала. Пока привожу то, что успѣлъ записать.

I.

1. „Шевченка я бачывъ, якъ оце васъ бачу. Я бувъ ще хлопцемъ, та мы пидъ Княжою [1]) складалы каминь. А Шевченко ходывъ зъ управляющимъ пана Парчевского, ото его булы Пекари, Хмельна и... (онъ назвалъ еще много другихъ селеній), зъ Оксентіемъ Тельмешенкомъ. А дидъ Прохиръ, той що державъ шынкъ пидъ Княжою на Пластунци [2]), водывъ ихъ по шпыляхъ. Ото воны прышлы до насъ, такъ и тыква була

---

[1]) Княжа гора—урочище возлѣ Пекарей.

[2]) Такъ называлась долина съ лѣвой стороны Княжей горы, шынкъ стоялъ у самаго берега Днѣпра.

у ныхъ. Оксентій, управляющый, и каже до мене: „покинь, та прынесы воды на Княжу“. А мени не хотилось, уже було нерано, не докладу осьмыны; а Оксентій прыказуе: „иды, панъ дасть грошей“. Та мы тоди булы паньски, не можна було не послухать. А Шевченко каже: „иды, я тоби дамъ пивкарбованця“. Ото я набравъ воды и вынисъ на Княжу, тай не вирю, щобъ панъ давъ грошей. А воны сыдять на Княжій, на самому шпылечку, Шевченко и давъ мени два четвертака, такихъ грошей вже теперъ нема. Ото я радію, бижу зъ горы, тай кажу другому, що зо мною складавъ каминь: бачъ, панъ давъ пивкарбованьця. Та тоди я ще не знавъ, хто то такый за панъ. Дидъ Прохиръ проводывъ ихъ, тай иде до дому нызомъ, я й пытаю: хто це за панъ? Винъ каже: „це Шевченко. ото що казалы, що буде въ Пекари“.

Ото воны ходылы скризь по шпыляхъ, а Шевченко бильшъ усего облюбовавъ гору Черрече, де теперъ ёго могыла. винъ казавъ: „оце могыла Пидковы, оттутъ и мене поховайте“.

А Шевченко бувъ не дуже высокый, боридка у него невелычка, сывенькая.

Въ Пекаряхъ винъ жывъ не довго, побувъ дни два чи тры, у людей не бувъ, а побувъ у попа Маковецького.

Пидъ Княжою есть долына Пластунка, теперъ тамъ яръ, а першъ була така гарна долына, тамъ бувъ шынкъ, державъ ёго дидъ Прохиръ, тай баба тамъ ёго була. Горилка тамъ дуже дешева, осьмына стоила два шагы, а въ Каневи 4 шагы. На Зелены Святкы сходылысь туды хлопци и дивчата, та и стари, зъ Канева, бралы въ тому шынку горилку, да росходылысь по долыни; ото пылы, а потимъ захожувалысь бытця. Въ тымъ шынку бувавъ и Шевченко.

Переихавъ винъ на ту сторону въ Прохоривку, тамъ ходять бабы въ чорныхъ хусткахъ и запаскахъ, то винъ прыказувавъ и нашимъ: „ходить бабы въ намиткахъ та плахтахъ“; а теперъ, якъ бы въ намитци пройты по селу, то затюкалы-бъ; и плахты уже позакыдалы“. (*Отъ Васыля Галушковського*).

2. „Шевченка Тараса я бачывъ, якъ оце васъ бачу. Я бувъ побережныкомъ-козакомъ, стеригъ лиса паньского. Винъ (Шев-

ченко) прыиздывъ, та ходывъ скризь по сихъ горахъ, то я ёго водывъ, а винъ давъ мени карбованця и товарышу моему побережныку давъ тежъ карбованця. А вси урочыща винъ знавъ,— выйме кныжечку подывытця, тай каже: „оце Княжа гора, оце Марьина“... (*Отъ дида Мусія Селюка, онъ-же Шпылевый*).

3. „Якъ сестру замижъ отдавалы, то Шевченко бувъ у насъ и въ хати, просывъ, щобъ писни спивалы, зъ давнихъ писень; ото спивають, а винъ запысуе.

Козырокъ у него бувъ билый, чемерочка тежъ била.

Балакучій бувъ“. (*Отъ дида Мыколы Кырыляки*).

4. „Шевченка я не бачывъ, а знаю, що его перевозылы въ Прохоривку, а становый за нымъ въ погоню. Взявъ въ Пекаряхъ чоловика 5, та въ Прохоривци его й нагналы [1]). То Шевченко ничого не сказавъ, давъ ще на водку нашимъ 5 карбованцивъ; це казалы оти, що перевозылы. А въ Межиричи показавъ становому бумагу, то становый сказавъ: везить его, куды хоче.

Я ёго не бачывъ, а добре ёго знае дидъ *Опанасъ Дьяченко*, винъ и писни спивае, якъ пьяненькый, що Шевченко ёго научывъ“. (*Отъ Вакулы Пархоменка*).

Къ сожалѣнію, во время моего посѣщенія дида Опанаса онъ былъ не особенно разговорчивъ, отъ него я узналъ лишь слѣдующее:

5. „Шевченко хотивъ заводъ бумажный строить, тамъ, пидъ Велыкимъ Городыщемъ, казавъ, що тутъ на гору машина буде бигать; тамъ и сторожъ бувъ, въ курини сидивъ, дидъ Перехрыстъ, стеригъ лиса; Шевченко ёму жалованье платывъ, а якъ попхавъ, то прыславъ гроши; за нымъ ни отъ стильки не осталось (дидъ показавъ на суставъ пальца).

Якъ иде Шевченко по селу, то якъ йде хто, винъ одийде трохы, подывыця, и рысуе“.

Лѣтомъ 1859 г. Т. Г. совершилъ свое послѣднее путешествіе по милой ему Украинѣ [2]). Побывалъ онъ, прежде все-

[1]) Шевченка арестовалъ приставъ Добржанскій, когда поэтъ ѣхалъ къ Максимовичу на званный обѣдъ, нарочно для него устроенный (Чалый).

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ путешествіи и о хлопотахъ Ш. о покупкѣ усадьбы приводятся здѣсь по книгѣ М. Чалаго—„Жизнь и произведенія Т. Шевченка“, К. 1882 года.

го, въ родной Кириловкѣ, оттуда отправился въ Корсунь къ Варѳоломею Григ. Шевченку, у котораго пробылъ около 2-хъ мѣсяцевъ, затѣмъ, въ срединѣ іюля направился къ М. А. Максимовичу въ его хуторъ Мыхайлову гору. Мыхайлова гора лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра за м. Прохоровкой; какъ разъ насупротивъ этого мѣстечка въ Днѣпръ впадаетъ р. Рось, и тутъ, подъ горой и отчасти на гористомъ берегу, живописно раскинулось село Пекари. 20 іюля, при переправѣ изъ Пекарей въ Прохоровку къ Максимовичу, Шевченко былъ арестованъ и отправленъ по начальственнымъ инстанціямъ въ Мошны, Черкассы и, наконецъ, въ Кіевъ. Такимъ образомъ, посѣщеніе поэтомъ Пекарей имѣло мѣсто между 15 и 20 іюля. Цѣль посѣщенія Пекарей и его окрестностей заключалась въ пріисканіи усадебнаго мѣста, гдѣ бы можно было построить хату и среди роскошной украинской природы доживать свой вѣкъ, о чемъ Т. Г. мечталъ еще во время ссылки, далеко отъ родины:

„А я такъ мало, небагато
Благавъ у Бога — тилько хату,
Одну хатыночку въ гаю,
Та дви тополи коло неи,
Та безталанную мою...
Мою Оксаночку, щобъ зъ нею
У-двохъ дывытыся зъ горы
На Днипръ шырокый, на яры
Та на ланы золотополи,
Та на высокыи могылы,—
. . . .
. . . .
Я тилько хаточку въ тимъ раю
Благавъ, и доси ще благаю,
Щобъ хочъ умерты на Днипри
Хочъ на малесенькій гори“ [1]).

Правый берегъ Днѣпра, начиная отъ г. Канева до с. Пекарей, отличается своей живописностью. Онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ горъ, достигающихъ значительной высоты и раздѣленныхъ глубокими оврагами. Горы то круто обрываются въ Днѣпръ, то немного отходятъ отъ него, спускаясь нѣсколькими террасами. Если и теперь, когда вся эта мѣстность почти

[1]) „Хатына“, 1850 р. Надъ Каспіемъ.

лишена растительности, она привлекаетъ вниманіе какъ своей грандіозностью, такъ и разнообразіемъ поверхности, то какіе чудные виды должна была представлять она лѣтъ 30 тому назадъ, когда обнаженныя теперь урочища были покрыты дремучимъ лѣсомъ—„предвичнымъ гаемъ", какъ говоритъ поэтъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи. Втеченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, этотъ „предвичный гай", эта краса днѣпровскихъ береговъ, былъ вырубаемъ 7 или 8 разъ, и до послѣдняго времени отъ него уцѣлѣли небольшіе молодые лѣски, да кое гдѣ разбросанныя старыя груши и липы, напоминавшія о быломъ величіи; наконецъ, зимой 1892—93 г. и эти послѣдніе остатки были уничтожены, лѣсъ выкорчеванъ [1]).

Мѣстность эта приглянулась поэту: „все мыни снытця ота благодать—и Днипро и темный лисъ пидъ горою", писалъ онъ послѣ Варѳоломею Шевченку; для выбора усадебнаго мѣста Т. Г. и совершалъ экскурсіи, о которыхъ разсказываютъ крестьяне.

Если идти отъ с. Пекарей вверхъ, то сначала берегъ представляетъ изъ себя высокія крутизны,обрывающіяся прямо въ Днѣпръ, версты полторы выше, сейчасъ за урочищемъ называемымъ Княжей горой, обрывъ берега имѣетъ всего 6—7 саж. въ вышину, и на такой высотѣ расположенъ рядъ террасъ, раздѣленныхъ оврагами; такія террасы лежатъ подъ слѣдующими за Княжей горой урочищами—Марьиной горой, Малымъ Городыщемъ и Велыкимъ Городыщемъ; надъ террасами, уже сравнительно на большую высоту, поднимаются горы, но не крутыми обрывами, а отлогими скатами. Среди окружающихъ высокихъ горъ, террасы эти, будучи невысоко подняты надъ водой и представляя болѣе или менѣе ровную поверхность, наиболѣе удобны для устройства усадьбы.

Одна изъ такихъ террасъ, именно терраса, лежащая у подошвы Велыкого Городыща, и была выбрана поэтомъ, какъ разсказываетъ дидъ Опанасъ Дьяченко, для своей усадьбы.

Что именно эта мѣстность, а не Чернеча гора, на которой погребенъ поэтъ, была облюбована имъ, вопреки общепринятому

---

[1]) Молодыя поросли лѣса сохранились ближе къ г. Каневу, на городской землѣ.

въ послѣднее время мнѣнію, которому подпалъ Васыль Галушковскій (см. разск. 1), на это, кромѣ разсказа дида Опанаса, указываетъ и слѣдующее: с. Пекари принадлежало помѣщику Парчевскому и, при покупкѣ земли, лежащей надъ Велыкимъ Городыщемъ, которое относилось къ пекарскому имѣнію, Шевченку пришлось имѣть дѣло съ Парчевскимъ; вслѣдствіе невольнаго отъѣзда въ Петербургъ, Т. Г. поручилъ устроить дѣло съ покупкой усадьбы Варѳоломею Шевченку, который и взялся за хлопоты, но тутъ препятствіе явилось со стороны того-же Парчевскаго, начавшаго, по выраженію Варѳ. Гр.—„крутыть хвостомъ“ [1]) Варѳ. Г. началъ поиски другого мѣста. Предлагалъ онъ Тарасу Г. основаться и у м. Триполья, на крутомъ берегу Днѣпра, и у с. Рудяковъ, на лѣвомъ берегу; Максимовичъ уступалъ Т. Г. часть своей усадьбы,—но все это было не то, чего требовалось поэту. По поводу предложенія Максимовича онъ пишетъ Варѳ. Г.: „Выдно Днипро та здалека, а мени его треба коло порога. А тымъ часомъ дбай дубовый, березовый, ясеневый, кленовый и лыповый лисъ: мени тилько и треба, щобъ робоча була дубова, та круглый ганокъ стеклянный на Днипро. *Лисъ зложи коло Пекаривъ, нехай сохне*“. Наконецъ Варѳ. Гр. остановился на живописной мѣстности, лежащей у предмѣстья Канева—Монастырекъ, и Варѳ. Гр. пишетъ поэту: „*вышче по Днипру отъ того миста, де ты самъ выбравъ, коло Пекаривъ*, на правомъ же берези—мижъ Каневомъ и Пекарями, на высокій гори: есть лисочокъ, посередъ того лисочка—полянки, далеченько отъ города; внизу килько рыбачихъ хатокъ. На тій гори дуже багато дычокъ—яблонь и грушъ—садочокъ можно розвесты. А любый, староденный Днипро буде здаватьця тоби пидъ ногами. Кринышна вода не подалеку, и рыба що ранку буде свижа, бо рыбалки попередъ поригъ возытымуть у городъ“. Это была гора Чернеча, принадлежавшая г. Каневу; дѣло о покупкѣ и этой усадьбы затянулось, и поэту

---

[1]) Личность этого Парчевскаго вполнѣ выяснилась вскорѣ послѣ смерти Т. Г. По его доносу возникло цѣлое дѣло о нѣкоторыхъ лицахъ, оставшихся въ Пекаряхъ послѣ погребенія поэта. („Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка“ Н Билыко „Кіевск. Стар.“ 1886, апрѣль).

такъ и не пришлось ужъ болѣе любоваться роскошнымъ видомъ открывающимся съ нагорнаго берега на Заднѣпровье,—Чернеча гора приняла лишь бренные останки его.

Изъ этихъ данныхъ о покупкѣ усадьбы ясно, что выбранный Шевченкомъ участокъ земли пе Чернеча гора, а мѣсто, лежащее ниже ея. Дидъ Опанасъ Дьяченко указываетъ на террасу, лежащую подъ горою „Велыке Городыще", какъ на выбранную поэтомъ; намъ кажется, нѣтъ никакихъ данныхъ для сомнѣнія въ правдивости этого сообщенія; припомнимъ слова самого Т. Г.: „все мени снытця ота благодать—и Днипро, и темный лисъ *пидъ горою*", они также говорятъ въ пользу этого сообщенія.

Интересно упоминаніе Опанаса о томъ, что „Шевченко хотивъ заводъ бумажный строить"; любопытно было-бы выяснить, имѣлъ ли въ виду Т. Г. что нибудь подобное.

Упоминаемый затѣмъ дидъ Перехрыстъ, сторожившій лѣсъ по порученію Т. Г., уже покойникъ, и разсказъ его о Шевченкѣ для насъ потерянъ.

Вышеприведенные разсказы крестьянъ не прибавляютъ ничего особенно новаго къ біографіи поэта, но они интересны, какъ рисующіе личность поэта при непосредственныхъ сношеніяхъ его съ тѣмъ народомъ, истиннымъ пѣвцомъ котораго онъ былъ. Между прочимъ, здѣсь заслуживаетъ вниманія одна черта—это щедрость Т. Г.;—скорбя душой о судьбѣ всего народа, поэтъ, при встрѣчахъ съ отдѣльными единицами его, старался, чѣмъ могъ, облегчить ихъ тягостное существованіе.

II.

Перехожу къ тѣмъ изъ разсказовъ, въ которыхъ личность Шевченка является освѣщенной народной психологіей. [1])

Шевченко-поэтъ, Шевченко-художникъ мало интересуютъ народъ; все вниманіе его обращено на Шевченка-человѣка, на то, чѣмъ жилъ этотъ человѣкъ. Народной массой, обладающей,

[1]) При разборѣ этихъ разсказовъ, они, для большаго удобства, распредѣлены по отдѣльнымъ группамъ.

не смотря на кажущееся отсутствіе безпристрастнаго анализа, способностью по достоинству оцѣнить все, что имѣетъ къ ней отношеніе, этой чуткой народной массой было понято и то, что составляетъ основу поэзіи Шевченка, была понята его безграничная любовь къ простому люду, находившемуся подъ гнетомъ неволи. Обстоятельство это, въ связи съ совпавшимъ по времени подготовленіемъ къ великой реформѣ и самимъ осуществленіемъ реформы, въ корень измѣнившей строй народной жизни, оставили глубокій слѣдъ въ народѣ, были причиной, сдѣлавшей имя Шевченка популярнымъ, давшей ему мѣсто среди народныхъ героевъ.

Эти факты дѣйствительной жизни служатъ основаніемъ. При изложеніи ихъ была приложена схема, выработанная прежде; сообразно ей измѣнены частные эпизоды, случайно прибавлены новые, неимѣющіе реальной основы, и, такимъ путемъ, вокругъ имени Шевченка образовался цѣлый циклъ разсказовъ.

Со смерти Шевченка прошло 33 года. Теперь трудно опредѣлить тотъ моментъ, съ котораго начали циркулировать въ народѣ разсказы, касающіеся его личности; но начало ихъ относится ко времени, когда Шевченко былъ еще живъ; объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство, касающееся именно данной мѣстности; вотъ что пишетъ, между прочимъ, Максимовичъ къ поэту въ Петербургъ изъ Михайловой Горы [1]: „Не забывайте насъ и хоть изрѣдка отзывайтесь къ намъ сюда, на берега Днѣпровскіе, гдѣ, въ окрестностяхъ Михайловой горы, вы оставили о себѣ живѣйшія и самыя сердечныя воспоминанія. *А на правой сторонѣ Днѣпра вы стали лицомъ миѳическимъ, о которомъ идутъ уже баснословія и легенды, наравнѣ съ преданьями старыхъ временъ.*"

Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, крестьяне с. Пекарей знакомы съ дѣйствительными фактами изъ біографіи Шевченка,—въ основѣ большинства легендарныхъ разсказовъ ихъ все таки лежатъ реальные факты. Знакомство это можно объяснить, помимо вообще быстраго распространенія въ массѣ

---

[1]) Письмо отъ 6 октября 1859 г.

разнаго рода свѣдѣній, еще также и специальнымъ участіемъ лицъ (какъ напр. Григ. Ник. Честоховскаго), знакомившихъ жителей этого села съ біографіей поэта.

Обращаюсь къ разсказамъ. Начну съ того: кто такой Шевченко по мнѣнію народа? Это прежде всего человѣкъ необыкновенный, такъ какъ выбиться изъ крестьянской среды, (народъ знаетъ о принадлежности къ ней Шевченка), выбиться притомъ, во время господства крѣпостнаго права, могъ только человѣкъ, выдающійся изъ ряда простыхъ смертныхъ. При болѣе тѣсной характеристикѣ Шевченка, мы встрѣчаемся съ нѣсколькими опредѣленіями: Шевченко „лыцарь дуже велыкій бувъ", причемъ, онъ надѣляется сверхъестественными качествами, присущими старымъ героямъ народныхъ сказаній; такъ напр., онъ обладаетъ способностью превращенія: „оце винъ такый буде лыцемъ, заразъ, черезъ часъ миста, винъ и переминывся". Нужно замѣтить, что это мнѣ сообщалъ человѣкъ, видѣвшій Шевченка, у котораго поэтъ былъ въ хатѣ; онъ, конечно, не могъ замѣтить въ немъ ничего необыкновеннаго, но здѣсь мы встрѣчаемся съ вліяніемъ массы, съ силой массоваго вѣрованія. Подобное же опредѣленіе приводится Смоктіемъ, въ вышеуказанной замѣткѣ, въ записанномъ имъ въ звенигородск. у. кіевск. губ. разсказѣ; Шевченко тутъ названъ „велыкимъ характерныкомъ",—названіе, прилагаемое малорусскимъ народомъ ко всѣмъ лицамъ, обладавшимъ по его мнѣнію сверхъестественной силой. Болѣе реальный характеръ носитъ слѣдующее затѣмъ опредѣленіе—„мудрыцей бувъ велыкій", и совсѣмъ реальное, дающее возможность прослѣдить, какъ, съ измѣненіемъ условій жизни, измѣняется и взглядъ народа на ту внѣшнюю форму, въ которую облекается его герой, именно, что Шевченко „бувъ велыкій началныкъ". Слѣдствія, вытекающія отсюда, очень интересны, какъ дающія понятіе о взглядѣ народа на тѣ блага, какія являются соединенными съ обладаніемъ властью: „винъ (Шевченко) въ Каневи, въ казначействи, бравъ грошей скильки хтивъ". Затѣмъ, неограниченное право пить сколько угодно, не платя при этомъ денегъ. По этому поводу разсказывается слѣдующее: „Позвавъ его прыставъ въ Межиричи (мѣстечко

черкасск. у.). Ото въ Межиричахъ винъ зайшовъ въ шынкъ; тамъ сыдять пять чи симъ чоловика; пиднеслы и ему, а винъ и имъ поставывъ; одну кварту выпылы, потимъ другу; а жыдъ вылявъ, вылявъ, тай пыта людей: якый це панъ? А люде кажуть: и мы не знаемъ. Жыдъ и каже: пане, заплатить за горилку, а Шевченко его за чуба, тай наклавъ ему добре. Жыдъ заразъ посыла до прыстава. Шевченко щось напысавъ и тежъ пославъ до прыстава. А прыставъ прыказавъ: нехай цей чоловикъ и цилу бочку выставыть, то грошей зъ его брать не можна, бо винъ бувъ вылыкій началныкъ. То жыдъ вже просывъ у его прощенія. А Шевченко и стыхы склавъ:

Якъ бы водка не пьяна,
То бъ я еи не пывъ,
Якъ бы Лейба не дурень,
То бъ я его не бывъ.

Вотъ еще одинъ разсказъ, на тему общераспространенную и любимую народомъ—это переодѣваніе лицъ, власть имѣющихъ, въ простую одежду. Дѣло въ данномъ случаѣ касается дѣйствительнаго факта—ареста Шевченка въ то время, какъ онъ изъ с. Пекарей переправлялся въ лежащее насупротивъ м. Прохоровку, гдѣ жилъ М. А. Максимовичъ: „его тутъ доганялы, прыставъ хотивъ его заарештувать, винъ переихавъ на той бикъ, та одягся, и у его булы нашывки на плечахъ, то тоди вже прыставъ пиднявъ два пальци. А такъ винъ ходывъ у каптанци“...

Обыкновенно зачатіе и появленіе на свѣтъ такого рода выдающихся людей происходитъ по народнымъ понятіямъ не обычнымъ путемъ. По отношенію къ Шевченку я не встрѣтилъ разсказовъ, трактующихъ объ этомъ, быть можетъ, вслѣдствіе малаго числа записанныхъ мною разсказовъ. Зато юность Шевченка обставлена различнаго рода случаями, уже въ то время указывавшими, что мы имѣемъ дѣло не съ простымъ смертнымъ. Замѣчу, что въ основу многихъ изъ нихъ положены факты, въ дѣйствительности имѣвшіе мѣсто въ юности Шевченка и занесенные въ его біографію.

Выучился грамотѣ Шевченко слѣдующимъ образомъ: „винъ пасъ гусы, а паньски диты учылысь въ школи, а Тарасъ пидийшовъ пидъ викно, да такъ и научывся“.

Слѣдующіе затѣмъ разсказы имѣютъ соотвѣтствіе съ дѣйствительными фактами біографіи: „Якъ Шевченко бувъ малый, то батько ставъ дилыть землю, другимъ братамъ его давъ, а ему не давъ, и сказавъ: це такый, що ему земли не треба“. Въ статьѣ Кониcскаго—„Дѣтство и отрочество Шевченка [1])“ объ этомъ говорится слѣдующее: „Отецъ Шевченка, будучи на смертномъ одрѣ, сказалъ: „Сынови Тарасу зъ мого хозяйства ничого не треба, винъ не буде абы-якимъ чоловикомъ; зъ его буде або щось дуже добре, або велыке ледащо; для его моя спадщина, або ничого не значитыме, або ничого не поможе“.

Далѣе въ нашемъ разсказѣ передается, какъ Шевченко ушелъ изъ дому: „Ото винъ пишовъ; иде, иде, ажъ ось чоловикъ оре, тай пытае его: куды йдешъ? А Шевченко каже: иду шукать концця краю, бо небо стоить на чотырехъ сохахъ, и тамъ конецъ краю“. Эпизодъ этотъ очень близокъ къ дѣйствительности; въ той же статьѣ Кониcскаго о немъ сообщается такъ: „разъ, лежа въ саду подъ деревомъ и углубясь въ созерцаніе яснаго голубаго неба и находящейся въ полѣ противъ сада „могилы“, Шевченко—мальчикъ задался вопросомъ: а что тамъ за горою?“—и, рѣшивши, что тамъ должны быть тѣ желѣзные столбы, „которые подпираютъ небо“, онъ рѣшился отправиться къ нимъ и посмотрѣть, „какъ тамъ они подпираютъ небо“. И вотъ онъ пошелъ“. Но едва не заблудился и, благодаря лишь встрѣтившимся чумакамъ, вернулся домой.

Въ разсказѣ, мной записанномъ, путешествіе Шевченка на этомъ не прекращается: „А то ще хлопцемъ иде винъ, а чоловикъ руба дуба“... Далѣе слѣдуетъ извѣстный разсказъ „Сира кобыла“, въ которомъ крестьянинъ, желая срубить дерево, росшее надъ обрывомъ, что бы предупредить паденіе дерева въ оврагъ, привязываетъ вершину его къ своей лошади; въ результатѣ и дерево и лошадь очутились въ „кручѣ“. Въ этомъ разсказѣ, случайно связанномъ въ данномъ случаѣ съ именемъ Шевченка, послѣдній совѣтуетъ привязать дерево къ лошади. „Такъ винъ таки штуки скризь превозносывъ“, добавилъ раз-

[1]) Русская Мысль, 1893, мартъ.

сказчикъ. Шевченко пошелъ дальше: „шовъ винъ шовъ, до того дійшовся, що дойшовъ до маляра, и взявъ его за учителя; тай ставъ лучше малювать якъ малярь. Прыйшовъ до того маляра бильшій началныкъ, малярь показуе партретъ, що напысавъ Шевченко, то началныкъ прыставъ до маляра: отдай мени Шевченка; то малярь и продавъ его ему; а помищикъ ставъ отбирать; а винъ потомъ дойшовъ до такого розуму, що никого не було его розумнійше“. И этотъ разсказъ построенъ на фактахъ дѣйствительныхъ, здѣсь сокращенныхъ и облеченныхъ въ простую форму.

Юность прошла; періодъ подготовленія къ той дѣятельности, въ которой должно проявиться истинное назначеніе героя, закончился. Наступаетъ время дѣйствовать. Въ чемъ же выразилась, по мнѣнію народа, дѣятельность Шевченка? Какія качества требовались отъ этой дѣятельности для того, чтобы, благодаря ей, Шевченко сталъ въ ряду другихъ народныхъ героевъ? Условія, предлагаемыя въ настоящемъ случаѣ народомъ своему герою, остаются тѣми-же, каковыми они были съ давнихъ временъ:—это любовь къ народу, близкое участіе въ его нуждахъ, борьба за его интересы. Все это народъ видитъ и въ дѣятельности Шевченка. Въ дѣятельности героевъ, относимыхъ къ прошлому времени, когда интересы политической жизни были не чужды народу, когда, какъ это было, напр., въ Малороссіи во время борьбы ея за свою самобытность, они были дѣломъ общенароднымъ, въ дѣятельности героевъ важное, иногда преобладающее мѣсто занимаютъ подвиги, относящіеся къ сферѣ этой политической жизни. Въ послѣднее-же время интересы народа съузились, ограничились сферой своей внутренней жизни. Въ чемъ-же здѣсь выразилась дѣятельность Шевченка? Припомнимъ, что дѣло идетъ объ эпохѣ найболѣе обострившихся отношеній между крестьянами и ихъ владѣльцами. Шевченко, признаваемый народомъ „своимъ“, олицетворяетъ собою сѣрый людъ, ведетъ борьбу за его освобожденіе.

Такимъ образомъ „воля“ и является тѣмъ событіемъ народной жизни, которое, благодаря своему огромному значенію для народа, привлекло его вниманіе къ Шевченку и служитъ

источниковъ возникновенія цѣлаго ряда разсказовъ, соединенныхъ съ его именемъ.

Дѣятельность героя закончилась; пора уходить со сцены. И въ этомъ случаѣ, по отношенію къ Шевченку, мы встрѣчаемся со старымъ мотивомъ. На мои разспросы о похоронахъ Шевченка, одинъ изъ разсказчиковъ говорилъ: „Якъ ховалы, то я бувъ биля самои могилы; бачывъ—ховалы труну, такъ чорною клеенкою покрыта, а чи винъ бувъ въ труни, чи не було, про те не знаю". Немного спустя, болѣе откровеннымъ тономъ разсказчикъ категорически заявилъ: „та ни, тамъ его не було, винъ и доси живый десь ходыть". На мой вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, онъ продолжалъ: „вы-жъ повынны знать,—якъ чоловика ховають, то труну открывають, а тутъ и труны не открывалы, и пипъ вичнои памяти не спивавъ; чоловика можно и въ чотырехъ понести, а ту труну везло дивчатъ такъ отъ якъ до сеи лыпы", при этомъ онъ указалъ на стоявшую довольно далеко липу. Въ литературу попало нѣсколько подобного-же рода разсказовъ. Въ статьѣ Кузьмичевскаго „Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ"[1]) мы встрѣчаемъ слѣдующій варіантъ: „недавно одинъ галичанинъ, посѣтившій кіев. губ., сообщилъ, что тамъ существуетъ легенда о безсмертіи Тараса Шевченка, что будто онъ находится въ Сибири, прикованный къ столбу, что столбъ этотъ уже подгнилъ, а когда сгніетъ совсѣмъ, то Шевченко воротится къ своимъ". Уже извѣстный намъ Галабурда такъ говорилъ о смерти Шевченка: „Тарасъ три раза умиравъ, та не вмеръ: винъ и теперъ жыве, а поховали тилько его прозваніе [2]).

Не только личность Шевченка, но также и могила его привлекла народное вниманіе, дала поводъ возникновенію разсказовъ и легендъ.

Напримѣръ, въ разсказѣ, записанномъ Смоктіемъ о могилѣ Шевченка говорится такъ: „велыкій характерныкъ" Шевченко ѣздилъ по свѣту и отбиралъ у пановъ „разни листы"; послѣ

[1]) „Кіевск Стар." 1887, августъ, стр. 711

[2]) Билыкъ—„Тревога и т. д. стр. 724.

его смерти, „труна“, въ которой онъ долженъ былъ бы быть, оказалась полной „разныхъ спысивъ-бумагъ“, его же самого не было. „Кажуть, що пısля хтось-то хотивъ ту могылу роскопаты, та забрать списи та у того чоловика одибрало руки и ноги, то винъ и покынувъ докопуваты“.

Существуетъ также среди крестьянъ с. Пекарей, какъ это мнѣ передавали нѣкоторыя лица, повѣріе, что въ могилѣ закопаны ножи, о томъ же упоминается и въ статьѣ Билыка. Быть можетъ причина возникновенія этого повѣрья лежитъ въ ознакомленіи крестьянъ поклонниками Шевченка съ его произведеніями, между которыми могли быть сообщены и „Гайдамакы“.

Есть также разсказы, которые и мнѣ приходилось слышать, что Шевченко погребенъ въ разныхъ мѣстахъ [1]).

Записанные разсказы составляютъ несомнѣнно самую незначительную часть обращающагося въ народѣ матеріала. Остается только пожелать, чтобы изслѣдователи нашего народнаго быта, да и вообще всѣ, кому дорога память Шевченка, обратили вниманіе на этотъ въ высшей степени интересный предметъ [2]).

III.

Воспоминанія о Шевченкѣ вызываютъ въ памяти разсказчиковъ воспоминанія и о другихъ лицахъ и событіяхъ, близкихъ по времени.

Крестьяне хорошо помнятъ „Грыця“. Такъ они называютъ Григ. Ник. Честоховскаго, сопровождавшаго гробъ Шевченка изъ Петербурга и оставшагося послѣ похоронъ для присмотра и приведенія въ порядокъ могилы поэта. Григ. Ник. (теперь уже покойникъ) знакомилъ окрестныхъ жителей съ произведеніями и біографіей Шевченка; благодаря доносу о немъ и возникло вышеупомянутое дѣло, подробно изложенное въ статьѣ И. Билыка. Какъ можно судить по разсказамъ, Гр. Ник. пользовался симпатіей

---

[1]) См. также вышеуказанную замѣтку Смоктія.

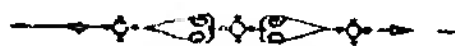
[2]) Страницы „Кіевской Старины“ всегда открыты для подобнаго рода сообщеній. *Редакц.*

крестьянъ. Особенно много разсказывала о „Грыцѣ" баба Опанасыха—жена Опанаса Дьяченка; распространялась она особенно о томъ, какъ она „ляха воювала". „Ляхъ", экономъ помѣщика Парчевскаго, хотѣлъ отобрать подаренныя ей Честоховскимъ какія-то двѣ книжечки, но баба ни за что ихъ не отдавала; дѣло дошло до рукопашной, и экономъ былъ съ позоромъ выгнанъ изъ хаты; за эти книжечки и дидъ Опанасъ сидѣлъ три дня въ расправѣ, и голодомъ его морили—все разспрашивали, что̀ говорилъ имъ „Грыць". Вмѣстѣ съ „Грыцемъ" бывалъ въ Пекаряхъ и какой то „билый панычъ", о которомъ я могъ всего лишь узнать, что „штаны у него наче спидныця—сыни".

Разсказчики мои по большей части—„диды", которымъ хорошо памятны времена крѣпостного права, и жутко иногда становилось, слушая эти безхитростныя повѣствованія о дѣлахъ недавняго прошлаго. Особенно памятенъ жителямъ с. Пекарей экономъ пом. Парчевскаго нѣкто Буркотъ, отличавшійся положительнымъ звѣрствомъ: „ото побачыть чоловика, та такъ, зъ доброго дыва, и почне быть; бье, бье, покы не втомыться"... Памятны также и времена, близкія къ освобожденію: одинъ „чоловикъ" заговорилъ о „во̀лѣ" (въ то время подготовлялась реформа), его сейчасъ бить: „два дни бьють, а третій дають одійты,—завернуть въ рядно, тай положать, а потимъ знову два дни бьють... Такъ и забылы до смерти"...

„Не дай Боже, закончилъ одинъ изъ разсказчиковъ, щобъ на це знову повернулось... Мы скажемъ тоди царю: ты нашъ батько, а мы твои диты,—покыдай насъ лучше въ Днипро, а не давай въ неволю"...

Ник. Бѣляшевскій.

КОЛЛЕКЦІЯ РИСУНКОВЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Слѣдившимъ за накопленіемъ біографическаго матеріала о жизни Шевченка извѣстно, что знакомые высылали ему на мѣсто ссылки бумагу и другія принадлежности для рисованія; извѣстно также, что онъ много тамъ рисовалъ; но о судьбѣ самихъ рисунковъ въ печати сообщалось мало, или почти ничего. Имѣвъ случай пересмотрѣть довольно большую коллекцію рисунковъ поэта минувшей осенью въ Харьковѣ, я считаю себя обязаннымъ познакомить съ нею и другихъ интересующихся всѣмъ, что касается жизни поэта.

Коллекція, о которой я говорю, содержитъ въ себѣ 281 номеръ отдѣльныхъ рисунковъ, набросковъ, мазковъ на бумагахъ разнаго достоинства и разныхъ цвѣтовъ. Есть тутъ и тщательно отдѣланные и оконченные рисунки карандашемъ и мокрою тушью на бѣлой, розоватой, желтой, сѣрой, синей, зеленоватой, болѣе свѣтлой, болѣе темной рисовальной бумагѣ (кремъ, коричневаго, кофейнаго, оранжеваго, шоколаднаго, молочнаго цвѣта и т. п.); иногда фонъ искусственно разцвѣченъ въ разные тоны одного цвѣта, иногда цвѣтъ его зависитъ отъ цвѣта самой бумаги; есть наброски разными легкими тѣнями мокрой туши; изрѣдка попадаются акварели; есть нѣсколько офортовъ; есть наброски перомъ и черниломъ, краснымъ карандашемъ на клочкахъ бумаги, одинъ—даже на печатномъ листѣ съ текстомъ стиховъ въ честь Николая Ивановича Уткина [1]) въ день его пятидесятилѣтняго юбилея (12 декабря 1859 г.); очень рѣдко

[1]) Стихотвореніе начинается словами: „Суровъ и жесткъ стальной рѣзецъ“.

попадаются рисунки сухою тушью; большинство же ихъ (226 изъ 281) сдѣлано чернымъ карандашемъ.

Разсказываютъ, что послѣ смерти поэта А. О. Козачковскій собралъ всѣ эти рисунки и передалъ впослѣдствіи на сохраненіе генералу Каховскому, завѣдывавшему просвѣтительными учрежденіями Соляного городка въ Петербургѣ. Видѣлъ ихъ затѣмъ любитель малорусской старины В. В. Тарновскій, который понаклеивалъ по два, по три, по четыре рисунка, смотря по ихъ величинѣ, на листы картона большого формата. Въ настоящее время коллекція имѣетъ видъ нѣсколькихъ громадныхъ папокъ, въ которыхъ рисунки, наклеенные на картонахъ, уложены въ порядкѣ и переложены листиками тонкой папиросной бумаги. Одна изъ дамъ, живущихъ отчасти въ Харьковѣ, отчасти въ Петербургѣ, присылала всю эту коллекцію въ Харьковъ Б. Г. Филонову съ предложеніемъ купить ее; но такъ какъ послѣдній не нашелъ возможнымъ уплатить спрашиваемую за нее сумму (3000 руб.), а другихъ охотниковъ на ея покупку въ Харьковѣ не нашлось [1]), то онъ ее и отправилъ обратно въ Петербургъ.

Какова бы ни была дальнѣйшая судьба этой коллекціи, т. е. будетъ ли она раскуплена по частямъ частными лицами, или поступитъ цѣликомъ въ какой-нибудь музей, ея содержаніе въ настоящемъ видѣ интересно, съ одной стороны, для опредѣленія достоинствъ и недостатковъ Шевченка, какъ живописца, что могли-бы сдѣлать спеціалисты въ этой области искусства, а съ другой—какъ матеріалъ для его біографіи, такъ какъ въ рисункахъ, имѣющихъ иногда хронологическія даты, можно видѣть окружавшую поэта обстановку, имъ самимъ увѣковѣченную на бумагѣ. Конечно, жаль будетъ, если коллекція не сохранится въ цѣломъ своемъ видѣ; уже и теперь въ ней не хватаетъ нѣкоторыхъ рисунковъ, бывшихъ въ ней прежде. Объ этомъ можно судить изъ надписи, сдѣланной на одной изъ обертокъ, слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Спеціалистъ художникъ Васильковскій опредѣлилъ стоимость собственно рисунковъ рублей въ 300; даже при утроенной цѣнѣ, въ силу того, что эти рисунки сдѣланы великимъ поэтомъ, никто не могъ за коллекцію дать болѣе 1000 рублей.

„Г. Праховъ не возвратилъ многихъ работъ Т. Г. Шевченка: 1) Домъ Хмельницкаго въ Субботовѣ; 2) Домъ Мазепы въ Батуринѣ; 3) Хмельницкій у хана; 4) Вирсавія (офорты) и проч". И затѣмъ, другимъ почеркомъ, приписка, сдѣланная, очевидно, г—жею Каховскою: „Это—запись моего покойнаго мужа, какіе рисунки Т. Г. Шевченки взяты профессоромъ А. В. Праховымъ и не возвращены по моему письму".

Можетъ быть, и раньше нѣкоторые рисунки были извлечены кѣмъ-либо. Поводъ такъ думать даетъ нумерація, сдѣланная на самихъ рисункахъ. Какъ выше сказано, они теперь наклеены на картоны, на которыхъ поставлены нумера правильно отъ 1 до 281; но и на самихъ рисункахъ есть, кромѣ надписей, разныя цифры, иногда двойныя помѣтки разнаго рода и т. п., напр.: *B. 4, 32, 40, № 81 I, № 73—20 коп., № 71—10 к., 0 № 9, № 103 III, № 86—1, 1, 2, 5, 3, № 102 VIII, № 102 V 1 р. № 102, XI* и т. п. Особенно много рисунковъ съ двойной нумераціей при цифрахъ *116* и *117*. Съ первою основною цифрою мы насчитали 37 рисунковъ, а со второю—142, между тѣмъ вторыя цифры при первыхъ указываютъ, что подъ 116 и 117 основными нумерами было когда-то гораздо больше рисунковъ; такъ, при № 117 встрѣчаются № 117—155, № 117—156, № 117—157, № 117—161, № 117—162 и т. д. съ пропусками до № 117—178; при № 116 есть вторыя цифры—44, 77 97 и т. п. Также недостачу можно предполагать при № 102, при которомъ вторыя цифры обозначены римскими знаками.

Знакомясь болѣе подробно съ тѣмъ, что имѣется въ коллекціи въ настоящее время, и даже не зная техническихъ особенностей рисованія Шевченка, можно сказать, что нѣкоторые рисунки принадлежатъ не ему. Таковъ, напр., рисунокъ № 25 на листѣ сѣрой бумаги, сдѣланный сухою тушью и изображающій голову мертваго поэта съ надписью: „Воскрес. 26 февр. 1861. Мастерск. возлѣ ризничей академ. церк. АБ". Есть и другіе рисунки и наброски, характеръ исполненія которыхъ не похожъ на обычный Шевченковскій, а подписи почеркомъ не его

руки тоже заставляютъ сомнѣваться, его ли это рисунки. Напр., на рисункѣ № 25 (№ 116—11) подъ большимъ деревомъ подписано: „Вьязъ—дерево, росте въ Украіні", или подъ другимъ рисункомъ деревьевъ подъ № 104 (№ 103, III) подписано: „Любымі Тарасові вербы на Смоленскім кладовыщі". Спеціалистъ техникъ, познакомившись съ способомъ рисованія самого поэта, конечно легко можетъ отличить его рисунки отъ чужихъ; но между ними есть очень много и такихъ, которые и для непосвященнаго въ тонкости техники рисованія, но знающаго почеркъ Т. Г. Шевченка, отклоняютъ всякое сомнѣніе въ томъ, что это именно его работа. Таковы—офорты, на которыхъ есть подписи слѣдующаго содержанія: *Гравир. Т. Шевченко 1858* (№ 270), *1859 Т. Шевченко* (№ 271), *Ira Aldridg. 1858* (портретъ Айра Ольдриджа) *Т. Шевченко 25 декабря* (№ 277), *Баронъ Петръ Карловичъ Клодтъ 1861* и обратная подпись *Т. Шевченко* (№ 278: 122 II), *Өедоръ Антоновичъ Бруни* съ подписью на оборотѣ *Т. Шевченко 1860* (№ 280), изображеніе купающейся дѣвы съ евнухомъ и съ подписью: *Карлъ Брюловъ 1831. Гравир. Т. Шевченко 1861* (№ 281); или портретъ самого Шевченка въ шапкѣ съ подписью: *Т. Шевченко* (№ 279: 41, I).

Особенно интересны тѣ рисунки карандашемъ, гдѣ есть собственноручныя подписи самого живописца-поэта его характернымъ почеркомъ. Они самаго разнообразнаго содержанія, хотя громадное большинство ихъ составляетъ ландшафты и виды Восточной природы. Если классифицировать всѣ рисунки, то оказывается слѣдующее: этюдовъ, изображеній натурщиковъ и натурщицъ, торсовъ, разныхъ частей тѣла въ разныхъ положеніяхъ, головокъ, сценъ, жанровъ въ общеевропейскомъ стилѣ и т. п. можно насчитать 52, изображеній изъ міра растительнаго (деревья, травы) и животнаго (лошади, коровы и т. п.)—17; всѣ остальныя картинки относятся или къ Украинѣ (Кіевской, Полтавской и Черниговской губерніямъ около 40), или къ ея исторіи (8), или наконецъ къ мѣстностямъ по Волгѣ, за Волгой и Каспійскимъ моремъ (162), гдѣ поэту-живописцу пришлось провести большую часть жизни.

Бѣдная природа, песчаные кучугуры, скалы, песчаные и скалистые берега рѣчекъ съ шхунами, трембаками и лодками, биваки съ котелкомъ, палаткою, топографами съ ихъ инструментами, группы солдатъ или татаръ съ верблюдами, лошадьми у возовъ или у сторожекъ, виды крѣпостей, селеній, городовъ, могометанскихъ кладбищъ, сакли, аулы, камни и скалы—вотъ большинство темъ, которыя предлагала поэту-живописцу окружающая его природа. А вотъ имена мѣстностей, подписанныя на рисункахъ рукою самого живописца-поэта въ алфавитномъ порядкѣ:

Агаспеяръ (на четырехъ рисункахъ), *Аджи-бай*, *Ак-кубукъ*, *Акъ-тумъ-сукъ*, въ *Астрахани*, *п. Баликово*, *Бишъ-Кумъ*, *о. Борса-Кильмесъ* (на двухъ рисункахъ), *В. Б. полуостровъ Бусай*, *Джанъ-гысъ-агачъ*, *уроч. Джанъ-такты-булакъ*, *Джула-Даса-Малъ*, *Дустанъ*, *Дустанова могила*, *Ерендыкъ*, *Иргизъ*, *Казань*, *противъ Казани*, *Камышинъ*, *Казъ-зунды*, *Кайракъ-тау*, *Кара-бутакъ* (два рисунка), *Кара-тамакъ З. Б.*, *Кизылъ-булакъ*, *Кизылъ-Джанъ* (три рисунка), *Кочакъ* (два рисунка), *Кудукъ-кштанъ*, *Г. Кулатъ*, *долина Кугусъ*, *на полуост. Куланды*, *ю. ч. полуострова Куланды*, *Куланды* (два рисунка, на одномъ приписка: *11 сентября*), *о. Кучъ-Аралъ*, *В. Б. Куянъ-суюкъ*, *В. Б. о. Меньшикова*, *С. Б. о. Николая*, *о. Обручева*, *О. № 10*, *Оренбургъ 1857 Безтрави смутни горы*, *Раимъ*, *уроч. Раимъ съ запада*, *Саратовъ*, *Сокисорекъ горы 31 іюля*, *Siun-Kuhl* (два рисунка), *пристань на Сыръ-Дарьѣ въ 1848*, *Сюпъ-куккъ*, *Тарлы*, *Тарла*, *Токмакъ-атысе-аулъс*, *х. Туршъ*, *Тюбе-коранъ*, *Ургунъ-Мурунъ*, *Усь-чека*, *Ханга-баба*, (четыре рисунка съ такою подписью), *Царевъ-курганъ* (два рисунка), *В. Б. Чеканъ-Аралъ*, *Чиръ-Кала и Кокъ-суйру*.

На большей части изъ этихъ восточныхъ ландшафтовъ и отчасти жанровъ стоитъ № 117 или 116. Но эти же нумера встрѣчаются и на рисункахъ изъ другой стороны и съ другимъ содержаніемъ; напр. №-ромъ 117—175 обозначенъ Печерскій монастырь, №-ромъ 117—178—*Пророкъ Илія*. Впрочемъ, сюжеты на украинскіе мотивы обозначены другими ординарными нумерами. Съ надписями, сдѣланными рукою самого Шевченка, такихъ рисунковъ немного: *На Орели*, *въ Решетиловкѣ* (два рисунка),

въ Седневи, *коло Седнева*—вотъ, кажется, и всѣ помѣченные имъ самимъ; но есть сдѣланныя другимъ почеркомъ опредѣленія разныхъ мѣстностей украинскихъ, напр.: „Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ", „Киевъ зъ боку Днiпра", „у Киiвi" „надъ Россю 1859 року iюль", „смерть Хмельницкаго" и т. п. Украинскіе ландшафты и жанры не отличаются тою степенью отдѣлки, акуратностью выполненія и законченностью, какія замѣтны на всѣхъ рисункахъ съ темами восточной природы. Это—зачастую лишь наброски, повторяемыя въ другихъ экземплярахъ съ измѣненіями или съ большею отдѣлкою. Рисунокъ двухъ дивчатъ подъ большою вербою, изъ которыхъ одна несетъ коромысло ведеръ на плечѣ, а другая держитъ букетъ цвѣтовъ, повторяется три раза, при чемъ прическа ихъ и подробности въ складкахъ запасокъ измѣнены; изображеніе ихъ есть и въ видѣ офорта. Также повторяется нѣсколько разъ лежащая полуголая женщина то съ папироской въ рукѣ, то спящая, панночка въ локонахъ, наброски историческихъ жанровъ (Хмельницкій передъ ханомъ, другой—съ подписью самого Шевченка: *Умирающій Мазепа, а коло ёго Карлъ XII)* и др.

Изъ жанровъ народной малорусской жизни, изображающихъ то верховыхъ, то пѣшихъ парубковъ, то музыкантовъ, то танцующихъ, то пьяныхъ, то бандуриста, окруженнаго слушающими, то группы ѣдущихъ паровыцъ; особенное вниманіе по рельефности обращаетъ на себя сцена на дворѣ, изображающая выходящую изъ хаты невѣсту, мужика съ шкаликомъ, пьяную бабу, ребенка и собаку. Жанровыя сцены съ католическими монахами, купальщицами, Самсономъ и т. п., кажется, несамостоятельны.

На одномъ изъ такихъ набросковъ, изображающемъ какого-то старика (можетъ быть султана) рядомъ съ голою дѣвою, рукою Шевченка подписано: „*Мовлялы Кiяны ужасть!*" (№ 100). Менѣе всего отдѣланы и закончены сцены изъ академической жизни, изображающія студію съ рисующими учениками. Это—по большей части шутки съ надписями подъ фигурами сидящихъ, въ родѣ: „увы!" „Оце—кобзарь Шевченко".

Изъ рисунковъ церковно-археологическаго характера (чаши, кресты и т. п.) найбольшее вниманіе обращаетъ на себя изображеніе мокрою тушью большого каменнаго креста, стоящаго въ Музеѣ. Надпись, вырѣзанная на немъ, довольно ясно читается на рисункѣ: „а дѣлалъ крестъ Харько Безпальчій мельникъ съ товарищемъ своимъ Марты...“ и еще: Σей крестъ здѣ на мѣстѣ семъ убіено Свѧтаго Σтрастотерпца Христова Божиѧ великого кнѧзѧ россійского вѡдрузи Григоріи Бутовичъ прѡтопѡпъ Переяславскій. Споспѣшествовалъ въ ѡномъ Селивана Кириловича былѡго головы Стрѣлецкѡго, лѣта ѡтъ сотворенія міра ҂ꙁ҃рѻа ѡт Р. Х. ҂ахѯ҃а маꙗ в днѧ“. (№ 55, 4, № 90). Есть рисунки монастырей (Воздвиженскаго въ Полтавѣ), церквей и т. п.

При перелистываніи рисунковъ, указывающихъ на ту или другую обстановку жизни поэта и переносящихъ насъ изъ Кіева то въ Казань, то на Аралъ, то въ Академію Художествъ, изображающихъ то Днѣпръ съ кіевскими горами, то дворъ сельской хаты, спрашиваешь себя невольно: будутъ ли среди этой массы рукотворныхъ памятниковъ поэта хоть какіе-нибудь намеки на тѣхъ героевъ его поэмъ и стихотвореній, которые онъ носилъ, по собственному своему признанію, „неначе цвяшокъ въ сердце вбытый“, которыхъ онъ считалъ своими „сынами“, своими кровными „дитьмы“, своими „слезами“? Гдѣ же то море, по которому плавалъ Пидкова и козаки, гдѣ—лѣса съ ихъ гайдамаками, гдѣ степы, шляхы, могылы, тополи, тѣ Катерыны, Наймычкы, Тытаривны, Сотныки, гетьманы, конфедераты, неофиты, утопленны, прычинны, чернеци и черныци, которыхъ такъ образно умѣлъ „вымережаты“ въ своихъ „виршахъ“ поэтъ?

Ознакомленіе со всѣмъ сборникомъ рисунковъ Шевченка приводитъ къ заключенію, что поэтъ едва ли и пытался когда-нибудь самъ изобразить карандашемъ на бумагѣ то, что вынашивалъ въ себѣ въ формѣ поэтическихъ образовъ. Въ живописи онъ былъ лишь фотографомъ окружающей природы, къ которой и сердце его не лежало. „И тамъ—степы, и тутъ—степы, та тутъ не такыйи!“—признавался онъ Козачковскому,

сравнивая природу, которую приходилось ему изучать въ качествѣ живописца, съ любимою природою Украины:

...—„бурьянъ, писки, талы...
И хочъ бы на смихъ де могыла
О давнимъ давни говорыла!“

Въ созданіи жанра онъ не пошелъ дальше ученическихъ пробъ, шутокъ, набросковъ, въ которыхъ при всемъ желаніи найти какую-либо художественную идею, мы уловить ея не въ состояніи,—до такой степени неопредѣленна композиція рисунковъ.

А между тѣмъ намъ приходилось когда-то слышать мнѣнія о Шевченкѣ, какъ о живописцѣ не послѣдней пробы, или, по крайней мѣрѣ, подававшемъ надежды на роль первокласснаго художника. Такого мнѣнія, напр., держался товарищъ его по Академіи, бывшій впослѣдствіи учителемъ Кіевской 2-й гимназіи, Иванъ Максимовичъ Сошенко, который утверждалъ, что увлеченіе „Наймычками“, „Катерынами“, „Гайдамаками“ и т. п. отвлекало Шевченка отъ настоящей его дороги и испортило ему карьеру художника-живописца.

Не будемъ вспоминать тѣхъ сценъ и положеній, которыя въ поэзіи Шевченка употребляются для лучшаго уясненія читателю созданныхъ имъ типовъ души человѣческой и проявленій ея дѣятельности и которыхъ напрасно будемъ искать въ коллекціи его рисунковъ; возьмемъ то стихотвореніе его, которое побѣдило другого великаго мастера—Тургенева и за свою картинность переведено на многіе языки—„Вечиръ“. Отчего Шевченко, какъ живописецъ, не могъ, или даже не имѣлъ побужденій, взяться за изображеніе на бумагѣ подобной идиллической сцены, не говоря уже о такихъ, которыя внушаются художнику-живописцу изъ области малорусской жизни его „Петрусемъ“, „Княжною“, „Видьмою“, стихотвореніемъ „Дивчата на луци греблы“, „На велыкдень на соломи“ и т. д. и т. д.? Лучшій изъ извѣстныхъ жанровъ Шевченка—картинка „Це дило треба розжуваты“—характерна въ смыслѣ этнографическомъ, но такъ далека отъ всего имъ написаннаго по содержанію и направле-

нію, какъ можетъ быть далека развѣ музыка Оффенбаха отъ ораторій Генделя или концертовъ Бортнянскаго, какъ далеки Рембрандтовскіе и Рубенсовскіе сатиры съ нимфами въ лѣсу отъ идеалистическихъ картинъ Рафаэля или Корреджіо. Поэтъ глубокой міровой печали, смѣло, ярко и широко заявленной имъ въ „Иванѣ Гуссѣ", „Неофитахъ", „Гайдамакахъ", „Маріи" и т. д.,—бралъ карандашъ для того, чтобы изобразить группу студентовъ Академіи Художествъ, мужиковъ, татаръ, представшихъ передъ его глазами, оставляя въ сторонѣ свою міровую скорбь и какъ бы не подозрѣвая возможности тѣ же идеи свои воплощать въ образы средствами живописи.

Такое общее впечатлѣніе оставляетъ по себѣ обширная коллекція рисунковъ, о которой мы говоримъ. Представляя изъ себя матеріалъ для біографіи поэта и для опредѣленія спеціалистами его роли въ технической области живописи, она невольно наводитъ на мысль: отчего такъ мало до сихъ поръ пользовались наши художники-живописцы темами изъ „Кобзаря" Шевченка? Отчего тѣ фигуры, которыя такъ рельефно обрисовала его поэзія и о возможности изобразить которыя на бумагѣ или полотнѣ онъ самъ даже и не помышлялъ, остаются чуждыми для цѣлой плеяды художниковъ-живописцевъ нашего времени?

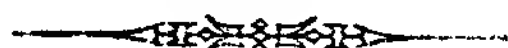
Напрашиваются и другіе вопросы: отчего до сихъ поръ у нашихъ живописцевъ не является охоты издать если не весь „Кобзарь" съ иллюстраціями, то хотя бы избранныя стихотворенія съ картинками, соотвѣтствующими по достоинству тексту? Покойный художникъ Н. Л. Скадовскій, основавшій въ Одессѣ кружокъ южнорусскихъ живописцевъ, началъ-было брать сюжеты изъ „Кобзаря"; пробы его въ видѣ акварелей были на выставкѣ его произведеній въ Москвѣ и Одессѣ; но ранняя смерть его положила конецъ этому начинанію...

Такому кружку, какъ Одесскій, всего приличнѣе было бы пріобрѣсти и коллекцію рисунковъ, о которой мы говоримъ. Изъ всѣхъ разсказовъ о способахъ продажи ея, циркулировавшихъ въ Харьковѣ въ концѣ прошлаго года, самый печальный будетъ

тотъ, если коллекція окажется разыгранной въ лотерею и притомъ не цѣликомъ, а враздробь. Въ послѣднемъ случаѣ лица, хранившія ее до настоящаго времени въ цѣлости, сдѣлаютъ непростительный шагъ по отношенію къ достоянію, которое по всѣмъ соображеніямъ должно бы быть общественнымъ.

А. Русовъ.

Харьковъ, 7 января 1894.

Архивная справка о составѣ Кіевскаго „общества" въ 1782—1797 годахъ.

Въ жизни г. Кіева конца прошлаго столѣтія нельзя не отмѣтить двухъ метаморфозъ, происшедшихъ въ составѣ так. наз. „общества", т. е. высшаго, интеллигентнаго класса его: одна такая перемѣна произошла въ 1782-мъ, а другая въ 1797-мъ годахъ. Собранныя мною изъ архивныхъ документовъ свѣдѣнія о личномъ составѣ разнаго рода присутственныхъ мѣстъ, открытыхъ въ Кіевѣ въ январѣ м-цѣ 1782 г. согласно „Учрежденію о губерніяхъ", даютъ основаніе заключить, что въ этотъ періодъ времени съ 1782 по 1797-й годъ, т. е. въ теченіе 15-ти лѣтъ, Кіевъ по составу служилаго класса, по характеру жизни этого общества и по языку былъ вполнѣ малороссійскимъ городомъ.

До открытія Намѣстничества мѣстечко Печерскъ представляло изъ себя укрѣпленный лагерь, имѣвшій съ Подоломъ лишь официіальныя связи. Общество состояло преимущественно изъ военно-служащихъ великороссіянъ. Подольское мѣщанство со своимъ магистратомъ, живя совершенно отдѣльною отъ пришлаго Печерскаго населенія жизнію, въ высшей степени непріязненно относилось къ лѣвобережному малороссійскому управленію, всегда стремилось освободиться отъ всякой зависимости отъ этого послѣдняго, предпочитая ему „вѣдомство" кіевскихъ губернаторовъ. Непріятно было кіевскому мѣщанству испытывать зависимость отъ Глухова, ѣздить туда по разнаго рода тяжебнымъ дѣламъ, принимать оттуда комиссаровъ, ревизоровъ, слѣдователей изъ малороссійской старшины. Но послѣдовавшее

въ 1775 году присоединеніе Кіева къ Малороссіи не могло уже огорчать въ прежней мѣрѣ кіевлянъ, такъ какъ въ это время совершенно измѣнились уже порядки управленія въ Малороссіи и ожидалось введеніе новыхъ губернскихъ учрежденій, при чемъ не Глухову, а Кіеву предстояло сдѣлаться центромъ управленія.

Открытіе Намѣстничества произошло въ январѣ 1782 года, и въ составъ его вошла почти вся нынѣшняя полтавская губернія и два уѣзда черниговской (остерскій и козелецкій). Въ Кіевъ съѣхалось так. наз. малороссійское шляхетство для выбора того множества должностныхъ лицъ, какое установлено было „Учрежденіемъ о губерніяхъ". [1]) Кромѣ служащихъ по выборамъ, требовалась масса канцелярскихъ чиновниковъ, въ составъ которыхъ и потянулись лѣвобережные малороссіяне изъ полковыхъ и сотенныхъ канцеляристовъ и вообще изъ грамотнаго козачества.

Составъ кіевскаго общества и характеръ жизни его рѣзко измѣнился. Достаточно познакомиться съ личнымъ составомъ служащихъ въ Палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда, въ Верхнемъ Земскомъ судѣ, Совѣстномъ судѣ, Верхней расправѣ, Губернскомъ магистратѣ, Кіевскомъ уѣздномъ судѣ, чтобы представить себѣ болѣе или менѣе ясно общую физіономію кіевскаго общества. Мнѣ удалось собрать свѣдѣнія почти обо всѣхъ этихъ губернскихъ учрежденіяхъ, о личномъ составѣ ихъ, относящіяся главнымъ образомъ къ 1787-му году. Въ имѣвшихся у меня въ рукахъ формулярныхъ спискахъ весьма интересно обозначеніе сословія и имущественнаго положенія. Болѣе ранніе списки заключаютъ въ себѣ больше разнообразія въ терминологіи сословной, а затѣмъ большинство списковъ 90-хъ годовъ устанавливаетъ терминъ—„изъ малороссійскаго шляхетства". При обозначеніи имущественнаго положенія строго различаются „крестьяне" и „малороссійскіе подданные".

---

[1]) Во 2-мъ вып. моихъ „Истор. матер. изъ архива Кіев. Губ. Пр." помѣщены довольно обстоятельныя свѣдѣнія о выборахъ, происходившихъ въ Кіевѣ въ 1785 г. на второе трехлѣтіе.

Ф. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ, [1]) въ которыхъ находимъ нѣсколько весьма любопытныхъ замѣчаній о жизни г. Кіева въ концѣ прошлаго столѣтія, нѣсколько иронически относясь къ помѣщикамъ малороссіянамъ, поселявшимся въ Кіевѣ, свидѣтельствуетъ, что они, „частію обязанные служить по выборамъ, частію привлекаемые пріятностями общежитія, начали чаще и въ большемъ количествѣ появляться", при чемъ де они имѣли одинаковые съ крестьянами своими вкусы, „одинаковые обычаи, одинаковую пищу, такъ-же всему предпочитали борщъ и галушки, столь же нѣжно любили свиней, въ одеждѣ сохраняли ту-же запорожскую неопрятность". Надо думать, что и языкъ въ этомъ высшемъ „шляхетскомъ" обществѣ, не говоря уже о массѣ служилаго класса, былъ народный малороссійскій. На это находимъ указаніе въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Вигеля. Говоря о ближайшихъ знакомыхъ своей семьи, [2]) онъ упоминаетъ, между прочимъ, штабъ-лѣкаря Евстафія Яковлевича Яновскаго, который „малороссійскимъ нарѣчіемъ съ жаромъ разсказывалъ происшествія своей Украины". Характеризуя одну изъ дамъ высшаго чиновнаго круга, жену губернскаго совѣтника Пражевскаго, урожденную Сахновскую, онъ говоритъ, что „каждое слово, на выразительномъ малороссійскомъ нарѣчіи ею произнесенное, подтверждало то, что глаза ея говорили". Упоминая о вдовѣ Веселицкой, собиравшей у себя все кіевское общество, Вигель замѣчаетъ, что де „постоянное ея веселонравіе, приличная ея лѣтамъ шутливость и *украинскій ея языкъ* дѣлали ее для *всѣхъ пріятно-оригинальною*".

На кіевскихъ балахъ того времени танцовали обыкновенно и „малороссійскую метелицу, и голубца, и козачка".

Съ приливомъ въ Кіевъ лѣвобережнаго малороссійскаго шляхетства увеличилось, конечно, и число учащихся въ Кіевской Академіи изъ этой среды. Надо думать, что господствовавшій въ житейскомъ обиходѣ учащагося юношества народный малороссійскій языкъ и вызвалъ со стороны назначеннаго въ

---

[1]) „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля" изд. 1864 г. ч. 1-я.

[2]) Отецъ его занималъ должность оберъ-коменданта, т. е. являлся вторымъ лицемъ послѣ генералъ-губернатора, а затѣмъ—послѣ Намѣстника.

1789 году митрополита кіевскаго Самуила особыя заботы о великороссійскомъ выговорѣ въ Академіи, о которыхъ упоминаетъ Аскоченскій.

Припоминая вообще всѣхъ лицъ, бывавшихъ въ домѣ отца и составлявшихъ высшее кіевское общество, Вигель съ большимъ увлеченіемъ распространяется о высокихъ нравственныхъ качествахъ этого общества: „мнѣ кажется, говоритъ онъ, что нигдѣ еще въ Россіи не собиралось въ одно время столь много добрыхъ, умныхъ и честныхъ людей, какъ тогда въ Кіевѣ“. Онъ дѣлаетъ рѣзкій приговоръ лишь объ одномъ прокурорѣ губернскомъ, Григ. Ив. Краснокутскомъ: „его никто не могъ упрекнуть въ мздоимствѣ, но чрезмѣрное самолюбіе и безпокойный нравъ дѣлали его привязчивымъ и сварливымъ. Онъ былъ бѣденъ и гордъ, чистъ и золъ“.

Во главѣ высшихъ губерн. учрежденій стояли природные малороссіяне.

1). Предсѣдателемъ Уголовной Палаты былъ Иванъ Гаврилович *Вишневскій*, который владѣлъ значительнымъ богатствомъ, имѣлъ въ переяславскомъ и золотонош. у. 1668 душъ „малорос. подданныхъ“. Начавъ службу въ 1757 г. въ лейбъ-гвардіи, онъ вышелъ въ отставку полковникомъ и въ 1779 г. вступилъ членомъ въ Малорос. Коллегію, оставаясь до ея закрытія 12-го окт. 1781 г., когда былъ назначенъ совѣтникомъ въ Палату Уголов. Суда.

Женатъ былъ на дочери Степана Томары Ульянѣ и имѣлъ двухъ сыновей (Степана и Гавріила), которые, числясь въ Измайловскомъ лейбъ-гвардіи полку, проживали сначала дома, а затѣмъ учились въ Вѣнѣ. По словамъ Вигеля, возвращеніе ихъ изъ чужихъ краевъ „отняло у кіевскихъ родителей желаніе посылать дѣтей заграницу“. Дочерей было у Вишневскаго пять. Вигель называетъ Вишневскаго „человѣколюбивѣйшимъ изъ судей, человѣкомъ начитаннымъ и просвѣщеннымъ“.

2). Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ Григорій *Иваненко*, бывшій Переяславскимъ полковникомъ и въ этомъ званіи участвовавшій въ турецкомъ походѣ, командуя трехтысячнымъ козачьимъ отрядомъ. Женатъ на дочери Ширая и имѣлъ 5 взрослыхъ сыновей. Объ имущественномъ его положе-

ніи въ формулярномъ спискѣ сказано: „имѣніе, какое было, роздалъ сыновьямъ службы ради Государевой, имѣетъ же у себя во услуженіи крѣпостныхъ 6 душъ купленныхъ“.

3). Послѣ Иваненка предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ Иванъ Григорьевичъ *Туманскій,* который, по словамъ Вигеля, „дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. Онъ судилъ по справедливости, слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся, и не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ“.

Туманскій „вступилъ въ службу“ въ 1758 г. въ С.-Петербургскую Академію Наукъ студентомъ, а съ 1761 г. въ званіи коллежскаго переводчика началъ дѣйствительную службу и, пробывъ 7 лѣтъ сенатскимъ секретаремъ, въ 1777 г. назначенъ былъ членомъ Малорос. Коллегіи, исправляя разныя порученія гр. Румянцева. Съ открытіемъ Кіевск. Намѣстничества назначенъ былъ первымъ кіевскимъ прокуроромъ, въ каковой должности и оставался до назначенія своего въ предсѣдатели Гражданской Палаты.

4). Предсѣдателемъ Верхняго Земскаго Суда съ открытія его состоялъ Петръ Ивановичъ *Симоновскій,* имѣвшій 266 душъ „малороссійскихъ подданныхъ въ м. Кобыжчѣ“. „За возвращеніемъ изъ иностранныхъ земель отъ училищъ“, началъ службу въ 1753 г. въ Войск. Ген. Канц. въ качествѣ переводчика, былъ затѣмъ сотникомъ Кобыжскимъ, съ 1764 судьею земскимъ, а съ 1772 непремѣннымъ членомъ при Генер. Судѣ, до его закрытія. Женатъ б. на дочери Кобыжскаго сотника Семена Мандрыки и имѣлъ трехъ сыновей.

5). Предсѣдателемъ Совѣстнаго Суда и впослѣдствіи губернскимъ предводителемъ дворянства былъ Демьянъ Демьяновичъ *Оболонскій,* богатѣйшій человѣкъ между всѣми губернскими чиновниками. За нимъ числилось въ уѣздахъ хорольскомъ, городискомъ, лубенскомъ и глуховскомъ 3411 душъ „малороссійскихъ подданныхъ“. Онъ былъ членомъ Генер. Суда, два года состоялъ при гр. Румянцовѣ и участвовалъ въ турецкомъ походѣ, 7 лѣтъ былъ затѣмъ въ Лубенскомъ полку предводите-

лемъ шляхетства, а съ открытіемъ Кіев. Намѣстничества избранъ былъ совѣстнымъ судьею.

Бывши губ. предводителемъ дворянства, Оболонскій, уже пожилой тогда, но видный и здоровый человѣкъ, по словамъ Вигеля, „лѣтомъ обыкновенно живалъ въ деревнѣ, и только по зимамъ пріѣзжалъ, какъ онъ говаривалъ, покормить бѣдняковъ. Говорятъ, у него столъ не накрывался и не раскрывался,—цѣлый день пили и ѣли. Два раза въ недѣлю пировалъ у него весь городъ; по тогдашнему обычаю, всѣ съѣзжались предъ обѣдомъ и разъѣзжались послѣ ужина".

Губернскимъ предводителемъ дворянства въ первое трехлѣтіе былъ надв. сов. Закревскій, а во второе [1])—гвардіи подпоручикъ Василій Капнистъ.

Второстепенныя должности въ губернскихъ судебныхъ учрежденіяхъ были также заняты преимущественно, а канцелярскія исключительно, лѣвобережными малороссіянами.

а) Въ *Уголовной Палатѣ* состояли совѣтниками:—Федоръ Семеновичъ *Максимовичъ*, имѣвшій за собою въ м. Чернухахъ 40, да въ другихъ мѣстахъ 49 душъ „малороссійскихъ подданныхъ", началъ службу свою съ 1735 г. въ Лубенскомъ полку, продолжалъ въ Генер. Войск. Канцеляріи, былъ полковымъ ессауломъ, а съ открытіемъ Кіевскаго Намѣстничества опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ Казенную Палату, откуда перешелъ, согласно выбору дворянства, въ Уголовную совѣтникомъ же.—Ив. Ив. *Гулакъ* въ переяславскомъ и золотоношскомъ уѣздахъ имѣлъ 100 душъ „малороссійскихъ подданныхъ", служилъ раньше въ Переяславскомъ Земскомъ Судѣ, въ Малороссійской Коллегіи, былъ полковымъ ессауломъ, дворянскимъ засѣдателемъ Переяславскаго уѣзднаго суда, земскимъ исправ-

---

[1]) Въ уѣздные предводители, которые по службѣ нерѣдко посѣщали Кіевъ и живали въ немъ подолгу, на второе трехлѣтіе избраны были: Кіевскаго уѣзда—тит. сов. Федоръ *Мигай*, Остерскаго—поруч. Моисей *Иваненко*, Козелецкаго—кол. ас. Федоръ *Туманскій*, Переяславскаго—надв. сов. Петръ *Лукашевичъ*, Пирятинскаго—ротм. Степанъ *Тарнавскій*, Лубенскаго—бунч. тов. Данило *Новицкій*, Городискаго—бунч. тов. Антонъ *Кодинецъ*, Золотоношскаго—бунч. тов. Иванъ *Максимовичъ*, Хорольскаго—секундъ-маіоръ Гаврило *Родзянко*, Голтвянскаго—тит. сов. Федоръ *Базилевскій* и Миргородскаго—обозный Моисей *Зарудный*.

никомъ, а съ 1789 года избранъ въ совѣтники Уголовной Палаты.

б) Въ Гражданской Палатѣ, кромѣ председателя (сначала Иваненка, затѣмъ Туманскаго), совѣтники и ассесоры были изъ великороссіянъ, но секретаремъ состоялъ сынъ сотника Степанъ Васильевичъ *Жученко*, имѣвшій въ голтянскомъ и полтавскомъ уѣздахъ 134 души малороссійскихъ подданныхъ.

в) Въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ въ 1-мъ департаментѣ изъ пяти засѣдателей было четыре человѣка малороссіянъ:

Матвѣй Федоровичъ *Хильчевскій*, избранный отъ хорольскаго уѣзда, гдѣ владѣлъ 325 д. малорос. подданныхъ, былъ раньше сотникомъ, участвовалъ въ турецкой войнѣ. Женатъ на дочери полковника Милорадовича и имѣлъ сына Николая, находившагося „дома въ изобученіи латинскаго и нѣмецкаго языковъ.“

Федоръ Андреевичъ *Думитрашко-Райча*, выбранъ отъ остерскаго уѣзда, служилъ раньше въ Войск. Генер. Канцеляріи и Малорос. Коллегіи, имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ 503 д. подданыхъ, женатъ на дочери компанейскаго полковника Игната Чесника; Василій Осиповичъ *Танскій*—отъ козелецкаго у., участвовалъ раньше въ коммиссіи о разборѣ дворянства, имѣлъ 154 д. подданныхъ, женатъ на дочери П. И. Симоновскаго Елисаветѣ.

Влад. Матв. *Лаховичъ*, войсковой товарищъ, 28 л.

Во 2-мъ департаментѣ изъ пяти засѣдателей лѣвобережныхъ малороссіянъ было трое.

Степанъ *Барановскій*, бывшій долгое время кіевскимъ полковымъ асауломъ и судьей, затѣмъ 6 лѣтъ Козелецкимъ головой, 9 лѣтъ дворянскимъ предводителемъ, по открытіи Намѣстничества состоялъ первое трехлѣтіе засѣдателемъ Совѣстнаго Суда, а съ 1785 года 70-тилѣтнимъ старикомъ избранъ въ настоящую должность. Въ разныхъ мѣстахъ имѣлъ 336 душъ малорос. подданныхъ, женатъ былъ на дочери Басинскаго протопопа и имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ двое уже состояли на службѣ, а двое—„лейбъ-гвардіи капралы обучаются въ кіевской академіи“.

Иванъ *Новицкій*, два сына котораго тоже учились въ кіевской академіи.

Иванъ Яким. *Ломачевскій*, начавшій службу въ кіевскомъ городскомъ судѣ, бывшій затѣмъ секретаремъ Уголовной Палаты.

Секретарями Верх. Зем. Суда были: въ 1-мъ департ. Ив. Конст. *Балабанъ*, изъ дворянъ лубенскаго уѣзда, а во 2-мъ деп. Павелъ *Хохуленко*, сынъ сотеннаго атамана изъ миргородскаго уѣзда.

г). Въ составъ Совѣстнаго Суда, кромѣ двухъ лицъ, выбранныхъ кіевскимъ мѣщанствомъ (Сем. Вас. *Балабухи* и Григ. Вас. *Радзицкаго*) входили исключительно лѣвобережные малороссіяне. Такъ во второе трехлѣтіе въ немъ засѣдали:

1. Фед. Ив. *Кодинецъ*, служившій раньше въ Малорос. Коллегіи, бывшій первое трехлѣтіе засѣдателемъ въ Верх. Зем. Судѣ, имѣлъ 117 душъ малорос. подданныхъ.

2. Пав. Ив. *Невтровскій* началъ службу въ Золотоношскомъ зем. судѣ, продолжалъ въ Переяславской полковой канцеляріи, участвовалъ въ числѣ войск. тов. въ турецкомъ походѣ, начальствовалъ надъ Бубновскою сотней; пробывъ первое трехлѣтіе засѣдателемъ Верх. Зем. Суда, избранъ въ настоящую должность; имѣлъ въ золотоношскомъ уѣздѣ 160 душъ „малорос. подданныхъ. Въ 90-хъ годахъ былъ назначенъ въ Казенную Палату директоромъ домоводства.

3. Ив. Григ, *Бобровникъ*, изъ козачьихъ дѣтей, имѣлъ за собой въ переяславскомъ уѣздѣ 5 д. малорос. подданныхъ.

4. Возный Ив. Мих. *Мартосъ*, начавшій службу въ Вороньковскомъ сотенномъ правленіи.

Въ должности секретаря Совѣстнаго суда состоялъ Мих. Григ. *Москаленко-Александровскій*, „изъ дворянства", имѣлъ въ городискомъ уѣздѣ 35 душъ малорос. подданныхъ; за окончаніемъ въ академіяхъ и благородныхъ пансіонахъ разныхъ наукъ отъ 779 г. находился при сотенномъ Ирклеевскомъ правленіи въ числѣ сотенныхъ старшинъ [1]), съ 780 г. при письмен-

[1]) Въ 1787 г. ему показано 29 лѣтъ, значитъ 17 лѣтнимъ юношей онъ былъ „въ числѣ сотенныхъ старшинъ".

ныхъ дѣлахъ Малорос. Коллегіи, съ 782 г. въ засѣданіи Совѣстнаго Суда по выбору отъ расправы, а съ 785 г. въ настоящей должности".

Прокуроръ и стряпчіе были всѣ изъ малороссіянъ. Уѣзднымъ стряпчимъ былъ Мих. Леонт. *Бѣлякъ*, при Верх. Зем. Судѣ Андр. Ил. *Бережецкій* и Вас. Петр. *Кодратьевъ*, при Губ. Магистратѣ—Романъ Троф. *Сладковскій*.

Съ учрежденіемъ Намѣстничества и кіевское мѣщанство, въ роли выборныхъ лицъ въ нѣкоторыхъ новыхъ учрежденіяхъ, было, такъ сказать, „подвышено въ чинѣ," какъ тогда выражались. Особое значеніе получили чиновники изъ мѣщанъ, благодаря учрежденію Губернскаго Магистрата, въ которомъ разсматривались дѣла всѣхъ городовыхъ магистратовъ губерніи. Такимъ образомъ выбранныя кіевскимъ мѣщанствомъ лица являлись въ Губернскомъ магистратѣ высшею инстанціей для всѣхъ городовъ лѣвобережной Малороссіи.

Предсѣдателями Губ. Магистрата были весьма заслуженные люди: въ 1-мъ департаментѣ Яковъ *Давидовскій*, бывшій когда то писаремъ магистрата кіевскаго, въ 1772 г. городскимъ головою, а во 2-мъ деп.—Николай *Осинскій* изъ дворянъ Переяславскаго уѣзда, имѣвшій 25 душъ подданныхъ.

Засѣдателями были: а) въ 1-мъ деп. Георгій *Рыбальскій*, впослѣдствіи войтъ кіевскій, Федоръ *Донецъ*, прошедшій раньше всѣ должности въ прежнемъ кіевскомъ магистратѣ, и Семенъ *Подольскій*; б) во 2-мъ деп. Григ. *Балабуха*, Романъ *Яруцкій* и Александръ *Лебединскій*, который, по окончаніи наукъ въ кіевской академіи, долго служилъ въ канцеляріи прежняго магистрата и, въ качествѣ повѣреннаго по городскимъ дѣламъ, ѣздилъ въ Петербургъ по порученію магистрата.

Секретарями въ Губ. Маг-тѣ служили образованные молодые люди: Данило *Чмеліовскій*, по окончаніи наукъ въ кіевской академіи служившій для исправленія (веденія) польскихъ переписокъ въ пограничной экспедиціи, и Василій *Вербицкій*, сынъ протопопа, служившій раньше адвокатомъ при Малорос. Коллегіи.

Въ Верхней Расправѣ, кромѣ предсѣдателя Ивана Фед. *Траскина*, секундъ-маіора изъ солдатскихъ дѣтей, во второе трехлѣтіе засѣдателями состояли исключительно лѣвобережные малороссіяне: Дм. Андр. *Котляревскій* изъ дворянъ Миргородскаго у., имѣвшій въ м. Сорочинцахъ 6 душъ подданныхъ; полковой канцеляристъ Пав. Степ. *Пирскій*; сотенный атаманъ Семенъ Ильичъ *Гречуха*, сынъ сотника; сот. ат. Вас. Матв. *Петренко-Дубина* „изъ малорос. шляхетства", имѣвшій въ золотоношскомъ у. 22 д. малорос. подданныхъ; козакъ Ефимъ Фед. *Добриковъ*, въ формулярѣ котораго, имѣвшемся у меня, зачеркнуто „изъ козачихъ дѣтей" и написано: „дворянинъ". Секретаремъ состоялъ Осипъ Дм. *Котляревскій*, служившій раньше въ Малорос. Коллегіи.

Въ административныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, куда присутствующіе члены назначались не по выборамъ, тоже оказалось значительное число лицъ изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ. Такъ, въ Намѣстническомъ правленіи въ 90-тыхъ годахъ были: Николай Ивановичъ *Ергольскій* и Прокофій Федоровичъ *Пражевскій*, о которыхъ упоминаетъ и Вигель, говоря, что они „строгимъ безкорыстіемъ, умомъ, знаніемъ дѣлъ и какою то природною важностію, безъ примѣси чванства, могли бы оба украсить Сенатъ, еслибы въ немъ засѣдали". Жена Пражевскаго была двоюродная сестра извѣстнаго Безбородьки.

Въ Казенной палатѣ (въ 90-тыхъ годахъ) изъ шести первыхъ чиновъ ея трое было малороссіянъ: вышеупомянутый Павелъ *Певѣровскій*, директоръ домоводства, второе лице послѣ предсѣдателя (князя Хованскаго); Никифоръ *Данилевичъ*, кол. сов., начавшій службу въ Стародубской полковой канцеляріи, бывшій затѣмъ при Высоч. Дворѣ „келлермейстеромъ", а по открытіи въ Кіевѣ Намѣстничества—директоромъ банковой конторы; кол. сов. Василій *Чернявскій*, служившій долго въ вѣдомствѣ Коллегіи ин. дѣлъ.

Что касается канцелярій всѣхъ названныхъ присутственныхъ мѣстъ, то онѣ состояли исключительно изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ, преимущественно молодыхъ людей, которые потянулись въ Кіевъ, надо думать, главнымъ образомъ ради

утвержденія своего шляхетства обычными россійскими чинами. Многіе изъ этихъ молодыхъ людей владѣли значительнымъ числомъ „малороссійскихъ подданныхъ“ и, очевидно, служили не ради жалованья, котораго нерѣдко и не получали.

Въ Палатѣ Уголовнаго Суда (въ 1794 году) изъ 18-ти канцелярскихъ только трое было изъ великороссіянъ. Все это были очень молодые люди: старшему изъ нихъ было 34, младшему—16 лѣтъ. Образовательный цензъ указанъ только трехъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ Переяславской Семинаріи. Большинство показано въ имущественномъ отношеніи не отдѣленнымъ отъ родителей, только двое самостоятельно уже показаны владѣльцами малорос. подданныхъ: одинъ имѣлъ 52, одинъ 24 души муж. н.

Въ Палатѣ Гражданскаго Суда (1787 г.) было 22 канцелярскихъ и всѣ изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ, тоже молодые люди около 20 лѣтъ, въ большинствѣ владѣвшіе уже въ разныхъ мѣстахъ „подданными“.

Въ Верх. Зем. Судѣ канцелярскихъ служащихъ было 21 и изъ нихъ только одинъ изъ великороссіянъ, служившій раньше въ бывшей Кіев. Губ. Канцеляріи. Въ Верхней Расправѣ было 10 канцеляристовъ и изъ нихъ одинъ изъ служившихъ раньше въ Кіев. Губ. Канц. великороссіянъ.

Канцелярію Совѣстнаго Суда составляли всего 4 человѣка и всѣ изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ. Рѣзкая перемѣна въ составѣ всего этого служилаго общества произошла въ 1797 году, когда г. Кіевъ сдѣлался было на нѣкоторое время главнымъ городомъ Брацлавской губерніи и когда затѣмъ отъ него отдѣлены были лѣвобережные малороссійскіе уѣзды, а кіевская губернія образована примѣрно въ нынѣшнемъ ея видѣ присоединеніемъ частей брацлавской и волынской губерній. „Впродолженіе 1797-го года, говоритъ Вигель, число русскихъ чиновниковъ и малороссійскихъ дворянъ начало примѣтно въ немъ уменьшаться, а число пановъ въ той же пропорціи увеличилось“. „Помѣщики малороссійскіе, изъ коихъ одни служили, другіе пріѣзжали пожить въ Кіевѣ, удалились изъ него почти до единаго. Преобладаніе Польши съ каждымъ годомъ

увеличивалось, но и сами поляки, служившіе по выборамъ, жили въ немъ съ семействами только два мѣсяца въ году, во время контрактовъ, а въ остальное время навѣщали ихъ иногда въ деревняхъ. Два полка, стоявшіе въ немъ на квартирахъ, нѣсколько оживляли пустынный видъ его". Первые губернскіе выборы вновь образованной Кіевской губерніи въ 1797 году назначены были послѣ контрактовъ, происходившихъ въ этомъ году еще въ г. Дубно.

Эти выборы рѣзко измѣнили личный составъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Кіевѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнился и составъ канцелярій.

А. Андріевскій.

КІЕВЪ ТРИСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Тогдашній проектъ благоустройства Кіева и его авторъ бискупъ Юзефъ Верещинскій [1])

Юзефъ Верещинскій былъ сначала нареченнымъ (номинатомъ), а потомъ и дѣйствительнымъ Кіевскимъ католическимъ бискупомъ въ самомъ концѣ шестнадцатаго вѣка—съ 1589 г. по день своей смерти 1—11 февраля 1599 года. Уроженецъ Холмской Руси, онъ происходилъ изъ стариннаго русскаго, но окатоличившагося и ополячившагося дворянскаго рода. Родовымъ гнѣздомъ русскихъ дворянъ Верещинскихъ было село Верещинъ въ нынѣшнемъ влодавскомъ уѣздѣ сѣдлецкой губерніи, извѣстное по Ипатской лѣтописи еще съ 1204 года, когда оно было отдано въ удѣлъ одному изъ галицкихъ князей Александру Всеволодовичу, двоюродному брату знаменитаго Даніила, короля Галицкаго, вмѣстѣ съ Угровскомъ, Столпьемъ и Комовомъ [2]). Галицко-волынскій лѣтописецъ считаетъ его поселеніемъ русскимъ и причисляетъ его къ Украйнѣ: „Данилу же возвратившуся къ домови и ѣха с братомъ и прия Берестий, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпъе, Комовъ и всю Украйну" [3]). Православныхъ дворянъ Верещинскихъ мы начинаемъ знать съ половины пятнадцатаго вѣка (1456), когда одинъ изъ нихъ Маско (Матвѣй) Верещинскій былъ холмскимъ земскимъ подсудкомъ. Въ 1481 г. Богданъ Верещинскій былъ свидѣтелемъ по дѣлу холмскаго православнаго епископа Герасима съ дворяниномъ Николаемъ Долотомъ. Этотъ же Богданъ и братъ его Дмитрій (по про-

---

[1]) Въ настоящей книгѣ помѣщаемъ только предисловіе къ проекту, а самый проектъ будетъ напечатанъ въ слѣд. книгѣ.—*Ред.*

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871, стр. 483.

[3]) Тамъ-же, стр. 489—490. Подъ 1213 годомъ.

звищу Волчокъ) Верещинскіе были основателями (фундаторами) *православной* церкви въ с. Верещинѣ [1]) и отъ нихъ произошли всѣ позднѣйшіе Верещинскіе. Въ 1510—1519 г. г. встрѣчается въ актахъ Іоаннъ Верещинскій. Наконецъ, съ 1522 года мы начинаемъ знать дѣда Юзефа Верещинскаго Федора (Хведора, по прозвищу Храпка) Верещинскаго, женатаго на Малгоржатѣ (Татьянѣ, Марусѣ—трехъименной) Сосновской и имѣвшаго отъ нея четырехъ дѣтей—трехъ сыновей: Андрея (Андрушка, по прозвищу Дзивиса), Станислава (Евстафія, Осташа), Николая (Дмитрія) и одну дочь: Марусю. Федоръ Верещинскій умеръ около 1540-го года.[2]).

Андрей Федоровичъ Верещинскій былъ отцемъ бискупа Юзефа Верещинскаго, и сынъ въ рѣчи, произнесенной надъ гробомъ отца, подробно разсказываетъ исторію совращенія его изъ православія въ католичество и всѣ обстоятельства его жизни. Этотъ разсказъ такъ характеренъ и интересенъ, что мы не можемъ не привести его цѣликомъ.

„Покойный отецъ мой происходилъ изъ дворянскаго дома герба Корчакъ, который домъ—самый старинный въ землѣ холмской. Отцомъ его былъ Федоръ Верещинскій изъ Верещина, а матерью Малгоржата Сосновская изъ Сосновицъ, герба Наленчъ. Обое родители его были греческой вѣры. Отецъ его, будучи человѣкомъ добрымъ и простымъ, остался при томъ, что оставили ему родители и что Господь Богъ ему далъ за его старанія и заботливость. Имѣя значительныя способности, онъ не хотѣлъ тянуться къ урядамъ. Въ поддержаніи своего домашняго хозяйства онъ имѣлъ дѣльнаго и заботливаго товарища въ лицѣ своей жены и матери моего усопшаго теперь родителя. Мать родителя моего имѣла двухъ родныхъ братьевъ: одинъ изъ нихъ, по имени Иванъ, былъ владыкой холмскимъ, т. е.

[1]) Съ 1875 г. возстановлена православная церковь въ с. Верещинѣ и принадлежитъ къ Влодавскому благочинію. См. Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ, 1880, № 7.

[2]) Свѣдѣнія о Верещинскихъ почерпнуты изъ XIX тома Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Археографическою Коммиссіею, вышедшаго въ 1892 г. подъ редакціею В. М. Плоцанскаго.

епископомъ греческой вѣры, а другой, по имени Григорій, противъ воли родителей отрекся отъ греческой вѣры и присталъ къ вѣрѣ костела вселенскаго христіанскаго, т. е. костела римскаго; ему дали имя Георгій (Гурко). Хотя онъ былъ уже взрослымъ, но сталъ учиться начаткамъ вѣры и чтенію, а потомъ достигъ въ этомъ такого совершенства, что сдѣлался капелланомъ [1]). Кзендзъ Бучацкій, бискупъ холмскій, видя въ немъ дарованія, присущія настоящему капеллану, далъ ему канонію [2]) холмскую и при томъ оффиціальную прелатуру [3]). Кромѣ того, паны Гнѣвоши добровольно предоставили ему плебанію Олексовскую въ Радомскомъ повѣтѣ надъ р. Вислою [4]). Тогда вышеназванный оффиціалъ, узнавъ, что сестра его, выданная замужъ за Федора Верещинскаго, беременна, сталъ сильно раздумывать о томъ, какъ-бы съ помощью Божіею и при его стараніи окрестить этого первенца, при первомъ появленіи его на свѣтъ, въ вѣру древняго вселенскаго костела. Владыка холмскій, узнавши объ этомъ, очень чесалъ голову, какъ-бы воспрепятствовать намѣренію брата своего, ксендза. Къ тому-же онъ самъ думалъ о томъ, какъ-бы окрестить новорожденное дитя въ вѣру греческую. Но слово Божіе гремитъ въ ушахъ нашихъ; волѣ Божіей и провидѣнію Его святому трудно противиться. Какъ скоро ксендзъ-оффиціалъ узналъ, что сестра его родила сына, то прежде чѣмъ Его Милость Владыка Холмскій выбрался изъ дому, кзендзъ-оффиціалъ пріѣхалъ уже вскачь подъ предлогомъ навѣщенія больной сестры и, выбравши удобное время, тайно похитилъ малютку изъ колыбели, въ сопровожденіи тѣхъ, кто ему помогалъ въ этомъ, тотчасъ окрестилъ его и далъ ему имя Андрей. Исполнивши эту спасительную обязанность, онъ поспѣшно выѣхалъ, уходя отъ гнѣва родителей ребенка, а еще болѣе отъ гнѣва Его Милости князя Владыки холмскаго, своего роднаго брата,

---

[1]) Капелланомъ въ католической церкви называется священникъ.

[2]) Канониками называются лица, засѣдающія въ совѣтѣ бискупа и служащія при каѳедральномъ костелѣ.

[3]) Оффиціалъ является помощникомъ бискупа по судебнымъ дѣламъ. Прелатура—это титулъ, а не должность.

[4]) Олексовъ находится въ нынѣшнемъ козеницкомъ уѣздѣ въ 23 верстахъ отъ г. Козеницъ. Плебаніей называется приходъ.

который выѣхалъ уже изъ дому съ тѣмъ, чтобы окрестить ребенка въ греческую вѣру. Князь Владыка, когда пріѣхалъ и узналъ о совершеніи крещенія надъ ребенкомъ, то поднялъ страшный крикъ въ домѣ. Родители младенца также были очень сердиты на этотъ поступокъ ксендза-оффиціала, но такъ какъ они увидѣли, что того, что сдѣлалось, нельзя уже раздѣлать, то, наконецъ, успокоились. Только дитя это не пользовалось расположеніемъ родителей, а князь Владыка холмскій наотрѣзъ не захотѣлъ ничего о немъ знать. Впослѣдствіи и родителей онъ убѣдилъ, чтобы они ничего не ожидали отъ сынка, а отца такъ настроилъ, что онъ терпѣть не могъ ребенка, постоянно жалуясь на оффиціала, что тотъ сдѣлалъ сына *бисовымъ ляхомъ*. Однако милая мать напослѣдокъ уже объ этомъ нисколько не сокрушалась, а все предоставила волѣ Божіей, полагая, что все это могло случиться только по волѣ милостиваго Господа Бога и по святому Его провидѣнію. Поэтому она постоянно заботилась, какъ-бы выполнить свои материнскія обязанности и няньчила, колыхала и кормила свое дитя. А когда ему исполнилось 8 лѣтъ, то она нашла *дьяка*, который училъ его русской грамотѣ, а потомъ Владыка холмскій, по желанію своей сестры, взялъ его къ себѣ и онъ учился у него грамотѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. Ксендзъ-оффиціалъ очень боялся, чтобы князь Владыка какъ-нибудь не соблазнилъ его въ греческую вѣру. Онъ началъ разсуждать, что и крещеніе мало поможетъ, если дитя будетъ колебаться въ вѣрѣ, потому-что и во взрослыхъ людяхъ крещеніе безъ вѣры и вѣра безъ крещенія не имѣютъ никакого значенія и силы сами по себѣ. Поэтому онъ остановился мыслью на томъ, чтобы отбить дитя отъ князя Владыки и исполнилъ это: однажды онъ пріѣхалъ къ князю Владыкѣ, вызвалъ къ себѣ Андрея въ укромное мѣсто и такъ его уласкалъ пріятными разговорами, что на другой день утромъ ребенокъ пѣшкомъ убѣжалъ съ разсыльнымъ изъ Холма въ Красноставъ. Съ этого времени онъ сдѣлался ненавистнымъ не только отцу, но и князю Владыкѣ, и ни отецъ, ни князь Владыка не пускали его болѣе на свои глаза. Напротивъ, ксендзъ-оффиціалъ, считая себя виновнымъ въ нерасположеніи къ Андрею его родителей и иныхъ

пріятелей (онъ лишился не только любви ихъ, но и заботы о себѣ), изо всѣхъ силъ старался дать ему хорошее образованіе, которое въ свое время послужило-бы ему обильной наградой за всѣ страданія, испытанныя отъ непріязни родителей. Поэтому, чтобы достичь цѣли, онъ далъ ему въ Красноставѣ преподавателя по своему выбору. Объ одномъ только безпокоился ксендзъ-оффиціалъ,—что Андрей былъ тупаго ума. Но онъ, видя заботливость своего дяди, вознаграждалъ невоспріимчивость тупаго ума прилежаніемъ, а природную неспособность настойчивостью. Такимъ путемъ онъ достигъ того, что отполировалъ свой умъ и возбудилъ въ своемъ дядѣ особенную любовь къ себѣ. Ксендзъ-оффиціалъ, увидѣвши не малые успѣхи его въ наукахъ, желалъ, чтобы Андрей сдѣлался послѣ него капелланомъ. На этомъ онъ настаивалъ, чтобы, передавши ему всѣ свои доходы отъ прихода, самому получить возможность поступить монахомъ въ Сѣцѣховскій монастырь [1]. Поэтому, когда ему исполнилось 19 лѣтъ, онъ сильно его уговаривалъ принять первое посвященіе. Уступая желанію дяди и отдаваясь волѣ Божіей, онъ въ 1529 году сдѣлался аколитомъ [2]. Въ томъ-же году ксендзъ-оффиціалъ умеръ въ Олексовской плебаніи, которая расположена въ одной милѣ отъ Сѣцѣховскаго монастыря. Онъ усиленно просилъ моего усопшаго отца не хоронить его нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, а только въ Сѣцѣховскомъ монастырѣ. За смертью дяди досталась моему отцу Олексовская плебанія, которою онъ цѣлый годъ завѣдывалъ, будучи аколитомъ. Затѣмъ, уважая достоинство и честь капелланскаго сана и сообразуясь съ своей природой, онъ, безъ всякаго посторонняго вліянія, самъ по себѣ, пожелалъ обратиться къ болѣе легкому дѣлу, которое онъ могъ-бы исполнять безъ угрызенія совѣсти. Порѣшивши это, онъ пересталъ извлекать доходы изъ плебаніи, а постарался жениться и взялъ себѣ въ жены дѣвушку 13 лѣтъ, дочь дворянина Николая Яросскаго изъ Ярошина, герба Равичъ. Ярошинъ этотъ расположенъ въ радомскомъ повѣтѣ надъ

---

[1]) Сѣцѣховскій монастырь находился на лѣвомъ берегу р. Вислы противъ нынѣшней крѣпости Ивангорода. Теперь онъ упраздненъ.

[2]) Аколитомъ у католиковъ называется причетникъ или псаломщикъ.

самою р. Вислою около г. Казимира. Матерью невѣсты была Анна Корачовна изъ Гржимоцина, герба Ужъ, который имѣетъ на головѣ золотую корону, а въ губахъ держитъ за хвостикъ зеленое яблоко, поле-же герба—красное. Этотъ Гржимоцинъ лежитъ въ одной милѣ отъ г. Радома. Моя мать была племянницей ксендза Браницкаго, бискупа Познанскаго, и по его совѣту была отдана 8 лѣтъ отъ роду въ г. Люблинъ, въ кляшторъ Пр. Дѣвы Маріи. Онъ хотѣлъ, чтобы она провела свои молодые годы не въ иномъ мѣстѣ, а въ школѣ, которая воспитываетъ молодыхъ дѣвушекъ въ духѣ богобоязни, святой жизни и всякихъ иныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Послѣ Господа Бога онъ вручилъ ее опекѣ почтенной и богобоязненной монахини Малечинской, ея родной тетки. При ней она провела пять лѣтъ, а потомъ взята была родителями изъ кляштора по случаю смерти тетки ея—монахини. Потомъ она прожила дома 3 мѣсяца и выдана была замужъ за моего отца. Едва онъ женился, какъ въ томъ-же 1531-мъ году объявленъ былъ походъ къ Обертыну [1]). Не желая оставаться извѣстнымъ только своей челяди да сосѣдямъ, онъ думалъ о томъ, чтобы своими заслугами прославить домъ своего отца и себя самого. Поэтому изъ любви къ Рѣчи Посполитой и для пріобрѣтенія доброй славы онъ, не щадя своего достоянія и жизни, на свой счетъ, за приданое жены, снарядилъ тринадцать конниковъ. На войнѣ, по милости Господа Бога, ему повезло: онъ возвратился домой къ женѣ въ добромъ здоровьи, поправилъ свои средства и достигъ въ домѣ прекраснаго благосостоянія. Полагая, что для родителей онъ не будетъ уже презрѣннымъ ляхомъ, а, напротивъ, будетъ имъ въ помощь и въ добрую славу, онъ не могъ уже долѣе утерпѣть, чтобы ихъ не навѣстить. Собравшись съ женой, онъ отправился къ нимъ. Родители были очень обрадованы его пріѣздомъ, вмѣняя ему въ честь, что онъ безъ содѣйствія ихъ прекрасно и удобно устроилъ свой домашній бытъ и что

---

[1]) Обертынъ мѣстечко въ нынѣшней Галиціи въ городенковскомъ уѣздѣ надъ рѣчкою Чернявою. Битва, о которой идетъ здѣсь рѣчь, происходила между поляками, предводимыми гетманомъ Яномъ Тарновскимъ, и Волохами подъ начальствомъ господаря Петра. 22 августа 1531 г. Волохи были разбиты на голову.

онъ такъ счастливо подвизался на войнѣ, какъ будто фортуна постоянно сопровождала *ляха*. Что ему особенно льстило, такъ это—то, что отецъ видѣлъ въ немъ человѣка, способнаго вывести его изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя онъ попалъ, благодаря спорамъ съ сосѣдями по имѣнію. Дѣйствительно, въ короткое время онъ по своей находчивости до всего добился и не только вывелъ отца изъ затрудненій, но напослѣдокъ и отстоялъ предковское имѣніе, которое было отдано родителями въ его завѣдываніе. Сосѣдей онъ присмирилъ, но потомъ они были расположены къ нему и обращались во многихъ случаяхъ.

Потомъ по желанію Щенснаго Спопковскаго, судьи, и Петра Горжковскаго, подсудка въ Холмѣ, близкихъ свойственниковъ ему по женѣ, онъ сдѣлался холмскимъ земскимъ коморникомъ [1]) и оставался въ этой должности нѣсколько лѣтъ чтобы разсмотрѣть и изучить судопроизводство, дабы, въ случаѣ избранія на болѣе высокую должность, не учиться праву на чужомъ имуществѣ. Когда затѣмъ вскорѣ вышеупомянутый судья умеръ, то на открытомъ воеводою русскимъ сеймикѣ въ Холмѣ онъ, по общему единодушному согласію, былъ выбранъ на должность подсудка всѣмъ собраніемъ Холмской шляхты. Славный король Сигизмундъ-Августъ не противился этому избранію, а, напротивъ, подтвердилъ его. Всѣ хорошо помнятъ, какъ мой отецъ исполнялъ обязанности подсудка, призванный на этотъ постъ. Ей Богу, заботливо, честно и безупречно рѣшалъ онъ дѣла шляхты въ землѣ Холмской! Я умалчиваю объ иныхъ дарахъ, какими милосердный Господь наградилъ его, каковы: искренность, вѣжливость, благочестіе и т. д. (съ этого мѣста сыну не пристойно перечислять ихъ). Особенностью его было то, что онъ никогда не позволялъ ни себѣ, ни другимъ въ его присутствіи сдѣлать что-нибудь злое, и я могу смѣло сказать, что, кромѣ битвы Обертынской, ему никогда не случалось обнажать противъ кого-либо свою саблю. Онъ не имѣлъ на своемъ тѣлѣ ни одной раны или царапины, кромѣ малень-

---

[1]) Коморникъ было должностное лицо, соотвѣтствующее по своимъ обязанностямъ нынѣшнему судебному приставу.

каго шрама на лбу, который остался у него отъ обертынскаго похода 1531-го года. Когда они расположились лагеремъ у Обертына, то Петрило, волосскій воевода, имѣя свѣдѣнія, что отряды Его Величества Короля равняются его войску, стремился какъ можно скорѣе напасть и послалъ впередъ нѣсколько тысячъ войска на рекогносцировку. Наши, предъувѣдомленные объ этомъ движеніи, на голову разбили передовой отрядъ у Гождзя. Въ этой-то битвѣ досталась и отцу моему рана копьемъ; одинъ Волошинъ угодилъ ему копьемъ въ голову такъ, что и шлемъ съ головы сорвалъ и оставилъ его простоволосымъ; но этого Волошина убилъ копьемъ Андрей Гнѣвошъ изъ Радомской земли, герба Равичъ, большой пріятель моего отца и тёзка.

Наконецъ, отецъ мой почти въ теченіе года находился подъ опаснымъ искушеніемъ этого свѣта, подъ искушеніемъ ереси: онъ колебался въ вѣрѣ. Какъ только онъ убѣдился въ этомъ, то прибѣгъ подъ защиту Господа Бога. Господь Богъ, не желая его погубить вмѣстѣ съ соблазнителями на этомъ свѣтѣ, спасъ его; онъ быстро вырвалъ его изъ этого Вавилона, какъ св. Петра и св. Павла, когда они тонули въ морѣ. Бросивши скоро заблужденія, которымъ онъ научился отъ сводницы, распутницы, волшебницы, синагоги сатанинской, еретицкой, онъ возвратился въ лоно истинной матери, святой церкви вселенской, христіанской, и въ той церкви оставался до самой своей смерти, твердо и стойко держась исповѣданія святой христіанской вѣры“ [1]).

Разсказывая такъ подробно біографію своего усопшаго отца, Юзефъ Верещинскій не упомянулъ о томъ процессѣ, кото-

---

[1]) Надгробная рѣчь, изъ которой переведена біографія Андрея Верещинскаго напечатана была въ Краковѣ въ типографіи Андрея Петроковчика въ 1585 году подъ какимъ заглавіемъ: Wizerunk na ksztalt kazania uczyniony Oewzgàrdzie Smierci y Swiàta tego nędznego: tudzież też o chwale onego wzdzęcznego a wiecznego Krolewstwa Niebieskiego. Wydany przez Księdzá Jozepha Wereszczyńskiego z Wereszczynà, z przeyzrzenia Bożego Opata Sieciechowkiego. I Ioan. 2. Synaczkowie moi nie miluycie tegoswiata àni tych rzeczy ktore są na swiecie. Это сочиненіе Верещинскаго не было переиздано. За доставленіе намъ копіи съ экземпляра, хранящагося въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, приносимъ благодарность доктору Кентржинскому. Біографія Андрея Верещинскаго изложена въ самомъ концѣ сочиненія

рый велъ его отецъ съ своими братьями о наслѣдствѣ. Между тѣмъ процессъ этотъ представляетъ значительный интересъ и ярко рисуетъ картину тѣхъ враждебныхъ отношеній, которыя возникали даже между ближайшими родственниками на почвѣ религіозной розни. Относящійся къ тому процессу актъ напечатанъ въ XIX-мъ томѣ Актовъ Вилепской Археографической Комиссіи, изданномъ г. Площанскимъ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Предки Верещинскихъ, братья Дмитрій-Волчокъ и Богданъ Верещинскіе, основали въ с. Верещинѣ *православную* церковь (sinagogam ruthenicam) и отдали въ пользованіе ея и состоящихъ при ней священниковъ часть полей, нивъ, садовъ, луговъ лѣсовъ и боровъ въ наслѣдственномъ имѣніи Верещинѣ. Около 1541 года одинъ изъ братьевъ Андрея Верещинскаго Станиславъ (Евстафій, Остапъ) Верещинскій завладѣлъ церковными землями и сталъ получать съ нихъ доходы. Мѣстный священникъ, боясь угрозъ самовольнаго пользователя, не посмѣлъ возбуждать дѣла о захватѣ и молчалъ. Тогда Андрей Верещинскій въ 1541-мъ году подалъ жалобу въ Холмскій земскій судъ, въ которой доказывалъ, что разъ одинъ изъ его братьевъ отнялъ у церкви подаренную ей ихъ предками землю, то въ такомъ случаѣ и онъ по натуральному праву долженъ получить участокъ изъ нея; между тѣмъ отвѣтчики, братья его Станиславъ (Евстафій, Остапъ) и Николай (Дмитрій) и сестра Маруся Верещинскіе не хотятъ дѣлиться съ нимъ предоставленными русской церкви землями; поэтому онъ проситъ судъ или постановить дѣлежъ означенной земли и назначить къ тому дѣлителей, или присудить ему уплату по стоимости присвоенной наслѣдственной части въ 40 гривенъ и вознагражденіе за понесенные убытки въ той-же суммѣ. Отвѣтчики заявили, что они считаютъ это дѣло подсуднымъ старостѣ (capitaneo loci), а не земскому суду, такъ какъ по статуту только староста имѣетъ право рѣшать споры между братьями о поляхъ, садахъ, борахъ и пр. Кромѣ того, такъ какъ дѣло идетъ о церковной землѣ, то защищать ее отъ постороннихъ захватовъ могутъ только священники или сами отвѣтчики, какъ патроны церкви. Поэтому

Верещинскіе просятъ судъ освободить ихъ отъ иска. Андрей Верещинскій отвѣчалъ на это, что всѣ дѣла, подсудныя старостѣ, подсудны и земскому суду. Что касается вопроса о церковныхъ земляхъ, то отвѣтчики первые нарушили ихъ цѣлость и хотятъ пользоваться ими въ ущербъ церкви. Потому и ему, Андрею Верещинскому, какъ родному брату отвѣтчиковъ, слѣдуетъ получить часть изъ отнятыхъ у церкви земель, тѣмъ болѣе, что онъ желаетъ основать въ Верещинѣ и обезпечить своею частью спорной земли католическій костелъ (ecclesiam cristianam). Для рѣшенія этото спора назначенъ былъ новый срокъ, но актовъ, изъ которыхъ видно было-бы окончательное постановленіе по этому дѣлу, не было напечатано г. Площанскимъ [1]).

Андрей Федоровичъ Верещинскій умеръ около 1580-го года.

Обращаемся теперь къ біографіи самого Юзефа Верещинскаго.—Такъ какъ отецъ его женился въ 1531 г., то можно предполагать, что рожденіе Юзефа Верещинскаго относится къ 1532 или 1533 году. Учился онъ въ Красноставѣ, въ школѣ, существовавшей при каѳедральномъ костелѣ, главнымъ образомъ подъ руководствомъ баккалавра Михаила Радрузіана, бывшаго потомъ соборнымъ проповѣдникомъ, каноникомъ и оффиціаломъ въ Красноставѣ [2]). Въ молодыхъ еще годахъ онъ принялъ духовный санъ и затѣмъ—святость поведенія, познанія въ наукахъ и строгое исполненіе обязанностей открыли ему путь къ высшимъ духовнымъ должностямъ. Подходя къ пятидесятилѣтнему возрасту, въ 1579 г., онъ былъ каноникомъ Холмской Капитулы въ Красноставѣ, а въ 1581 г. былъ избранъ братіей Сѣцѣховскаго Бенедиктинскаго кляштора въ аббаты на мѣсто отказавшагося отъ этой должности Каспара Козменьскаго, герба Ястребъ. Аббатомъ этого кляштора онъ оставался до самой своей смерти, и послѣ того, какъ въ 1589 г. онъ былъ назна-

---

[1]) См. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Комиссіею, т. XIX, 1892, стр. LXXVIII—LXXXIV предисловія и стр. 78—79 актовъ.

[2]) См. книгу Kazania Józefa Wereszczyńskiego biskupa Kijowskiego, wydane przez Ignacego Hołowińskiego arcybiskupa Mohilewskiego, metropolitę Rzymsko-Katolickich kościołów w Cesarstwie. Petersburg i Mohilew 1854. Стр. 7.

ченъ сначала нареченнымъ (номинатомъ), а потомъ (съ 1593 г.) и дѣйствительнымъ бискупомъ Кіевскимъ. Дѣятельность его въ Сѣцѣховскомъ кляшторѣ была очень оживленная. Историкъ этого кляштора ксендзъ Гацкій довольно подробно изображаетъ ее на основаніи бывшихъ у него подъ руками бумагъ Сѣцѣховскаго кляштора, хранящихся въ настоящее время въ архивѣ Губернскаго Правленія въ г. Радомѣ. Въ 1581 г. онъ пазначилъ новаго настоятеля въ каплицу Пресв. Маріи въ г. Радомѣ, Внесковскаго. Въ 1583 г. онъ подтвердилъ данныя Гордскому прежнимъ аббатомъ права на войтовство въ Волѣ-Кляшторной. Въ этомъ-же году онъ заботился объ исправленіи межевыхъ знаковъ по границѣ монастырской земли съ с. Одеховымъ и объѣзжалъ монастырскія имѣнія: Кобыляны, Пухачовъ, Яниковъ и Гарбатку. Любопытно, что, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, онъ не бросалъ и литературныхъ занятій, и написалъ предисловія къ приготовляемымъ для печати сочиненіямъ: 7 февраля въ Кобылянахъ къ соч. *Kazanie na dzień zaduszny*, 14 марта въ Пухачовѣ къ соч. *Instructia albo nauka o spowiedzi*, 10 апрѣля въ Яниковѣ къ соч. *Gosciniec pewny niepomiernym moczygębom a omierzłym wydmikuflom swiata tego* и 30 мая въ Гарбаткѣ къ соч. *Kazanie przy przyjmowaniu świętości małżeństwa*. Всѣ эти сочиненія были напечатаны въ Краковѣ въ типографіи Андрея Піотроковчика въ 1585-мъ году. Въ 1584-мъ году онъ отдалъ въ аренду монастырскую мельницу въ Кобылянахъ за единовременный взносъ и за ежегодную арендную плату. Въ 1585 г. призывалъ Андрея Карвицкаго, аббата вонхоцкаго, къ суду Краковской консисторіи за десятину съ Вавржишова и Ласковой Воли, неуплоченную за 1578—1580 гг. по 100 злотыхъ въ годъ. Въ 1586 г. онъ судился съ нѣкіимъ Богушемъ, старостою зволенскимъ, о земельныхъ границахъ. Въ томъ-же году онъ отдалъ въ аренду пухачовское имѣніе Мышковскимъ на два доживотья. Въ 1587 г. онъ подтвердилъ привиллегію на войтовство въ с. Бржезницѣ. Въ 1588 г. онъ устроилъ новое войтовство изъ десяти лановъ земли при с. Псарахъ и отдалъ его поэту Клёновичу съ позволеніемъ устроить въ его предѣлахъ фольваркъ Юзефовъ. Въ

1589 г. онъ выкупилъ изъ залога сс. Насиловъ и Шавловице послѣ 20-лѣтняго пользованія отъ Криштофа Гнѣвоша и отдалъ въ аренду Николаю Фирлею. Въ томъ-же году онъ отдалъ сс. Гарбатку и Рамбертовъ въ аренду Свижовскимъ, съ которыми потомъ завязался процессъ, длившійся до 1603 года. Въ томъ-же году онъ уступилъ часть доходовъ изъ аббатскихъ имуществъ для стола всей братіи. Въ 1590-мъ году онъ уступилъ Краковской Академіи права Сѣцѣховскаго монастыря на доходы съ коллегіаты св. Жиля [1]) и на Чыржицкія десятины. Въ 1592 г. онъ возобновилъ прежнія уступки въ пользу Краковской Академіи. Въ 1593 г. онъ рекомендовалъ кардиналу Радзивилу для замѣщенія пробощества въ с. Пухачовѣ монаха Яна Осуховскаго. Въ 1594 г. онъ снова велъ тяжбу съ Богушемъ о земельныхъ границахъ. Въ 1597 г. онъ пожаловалъ право избирать солтыса деревнѣ Кенпицамъ [2]). Изъ этого перечня дѣйствій Юзефа Верещинскаго по завѣдыванію монастырскимъ хозяйствомъ въ Сѣцѣховѣ видно, что онъ внимательно относился къ имущественнымъ дѣламъ монастыря, стремился разрѣшить въ пользу монастыря всѣ накопившіяся отъ времени тяжбы, старался поднять доходность монастырскихъ имѣній и не злоупотреблялъ правами аббата на доходы, а напротивъ дѣлился ими и съ братіей монастыря, и съ такими полезными, по его мнѣнію, учрежденіями, какъ Краковская Академія. Кромѣ того, имѣя въ виду возможность нападенія на монастырь непріятелей, онъ укрѣпилъ его въ видѣ замка и на снабженіе его оружіемъ назначилъ въ 1588 г. доходъ въ суммѣ 100 злотыхъ отъ войтовства Псары, отданнаго поэту Клёновичу [3]).

Какъ бискупъ Кіевскій, Верещинскій проявилъ также весьма живую дѣятельность. Попавши на пограничье, постоянно угрожаемое татарскими набѣгами, онъ, несмотря на свой пре-

---

[1]) Коллегіатой назывался родъ маленькаго монастыря изъ священниковъ, а не изъ монаховъ. Во главѣ ея стоялъ инфулатъ, соотвѣтствующій нашему протоіерею съ митрой.

[2]) См. книгу Benedyktyński klasztor w Sieciechowie według pism i podań miejscowych przez ks. Józefa Gackiego. Radom 1872. Стр. 68, 90, 92, 185—187, 235.

[3]) См. тамъ-же, стр. 20, 274—293.

клонный возрастъ (ему было въ 1589 г. 56 или 57 лѣтъ), втянулся въ военную жизнь. Въ письмѣ къ Яну Замойскому отъ 4 октября 1593 года онъ разсказываетъ интересныя подробности о тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ:

„Ясновельможный! Отдавая Вамъ мои услуги и желая Вамъ всякаго добра, поручаю себя милости Вашей, моего милостивого пана и благодѣтеля. Что касается возобновленія той распри, которая завелась у Кіевлянъ съ козаками, то я счелъ за лучшее предоставить рѣшеніе этого дѣла Вашей милости. Вскорѣ послѣ соглашенія съ покойнымъ княземъ Вишневецкимъ, возникла у Кіевлянъ снова распря съ Запорожскими козаками, потому-что Кіевляне били и жестоко мучили двухъ козацкихъ пословъ, которыхъ козаки послали къ Кіевскому уряду, чтобы имъ дали Вознаго для опредѣленія насилія и кривды, которыя они яко-бы испытали отъ князя Вишневецкаго. Замковый урядъ, не дѣлая уваженія козацкимъ посламъ, распорядился схватить ихъ и затѣмъ одного изъ нихъ уморили на пыткѣ, а другаго отпустили едва живымъ, и, не ограничиваясь этимъ, разграбили ихъ собственное имущество, а также имущество другихъ козаковъ. Обиженные этимъ Запорожскіе козаки, подплыли со всей своей артиллеріей къ Кіеву, требуя наказанія тѣхъ, которые были причиной и поводомъ побоевъ и жестокой пытки пословъ и разграбленія имущества ихъ товарищей. Кіевская шляхта, которая собралась тогда на Кіевскіе рочки, видя угрожающую ей большую опасность, отправила меня съ княземъ Кирикомъ Ружинскимъ [1]) послами къ козакамъ, съ тѣмъ, чтобы мы воспрепятствовали ихъ намѣреніямъ. Мы выѣхали на полторы мили внизъ по Днѣпру и стали ожидать ихъ въ одномъ урочищѣ, называемомъ *Лыбедь*. Считая себя безопаснымм въ этомъ урочищѣ, мы едва не поплатились жизнью, потому что въ полночь козаки, замѣтивши насъ черезъ своихъ лазутчиковъ и принимая за кіевскую стражу, хотѣли на насъ внезапно ударить. Предупрежденный объ этомъ съ помощью Божіей, я вмѣсто того, чтобы

---

[1]) Кирикъ Ружинскій—одинъ изъ выдающихся дѣятелей того времени. Подробности о немъ см. въ ст. И. П. Новицкаго „Князья Ружинскіе", Кіевская Старина, 1882, т. II, стр. 68—73.

отражать ихъ силой, приказалъ музыкантамъ заиграть на свирѣляхъ (szalamaie) псаломъ Давидовъ „Воспою Господу въ жизни моей“. Козаки узнали мой свирѣльный лозунгъ и Господь Богъ сохранилъ мою жизнь на честь и еще большее умноженіе хвалы Своей. Ихъ сабли и копья, пулгаки и сагайдаки, которые были приготовлены для пролитія нашей крови, воздержаны были отъ этого предпріятія, и такъ искусство смягчается искусствомъ, что мы съ княземъ Ружинскимъ при помощи Бога и свирѣльной мелодіи избѣжали вмѣстѣ съ нашими слугами страшной опасности. На другой день утромъ, когда Запорожскіе козаки подплыли къ намъ, то они поблагодарили Господа Бога, что не замочили по винѣ лазутчиковъ своего оружія въ нашей невинной крови. Послѣ исполненія церемоній мы стали уговаривать козаковъ, чтобы они не ѣхали въ Кіевъ такой толпой, а чтобы искали справедливости тамъ въ меньшемъ числѣ. Они не поддались на убѣжденія, чтобы не идти имъ всѣмъ въ Кіевъ, утверждая, что съ малымъ отрядомъ ихъ поступятъ точно также, какъ и съ послами. Всѣхъ ихъ было около 4-хъ тысячъ человѣкъ. Когда они стали подходить Днѣпромъ и берегомъ къ Кіеву, то кіевская шляхта, не желая пить пива, которое заварилъ замковый урядъ, разъѣхалась съ рочковъ по домамъ, а урядъ замковый заперся вмѣстѣ со всѣми мѣщанами въ замкѣ. Намъ стоило большаго труда и мы подвергались не малой опасности, пока мы помирили козаковъ съ замковымъ и мѣйскимъ урядомъ: козаки за свои труды и убытки, а также за пытку одного посла, за убійство другаго и за ограбленіе имущества ихъ товарищей согласились получить 1,200 злотыхъ польскихъ и заключили съ Кіевомъ вѣчный миръ безъ присяги, но съ обязанностью охранять славную столицу кіевскаго княжества, чтобы она не потерпѣла никакой обиды. Такимъ образомъ козаки выѣхали изъ Кіева безъ выстрѣла и безъ пролитія крови, обмѣнявшись съ Кіевомъ письменными договорами (я посылаю Вашей милости копію этого договора) и сдѣлавши жителямъ убытки только въ съѣстныхъ припасахъ, которыми они изобильно себя снабдили. Нужно сказать правду, что замковому уряду не слѣдовало такъ жестоко поступать съ послами, потому что права Божеское и че-

ловѣческое строго это воспрещаютъ. Своею жестокостью они (члены уряда) едва не довели до бѣды славной столицы кіевскаго княжества, а самихъ, себя едва не подвергли страшной опасности. Хорошо было-бы, если-бы Ваша милость вмѣстѣ съ цѣлымъ сенатомъ задали имъ добрую науку, чтобы они не предпринимали ничего подобнаго безъ разрѣшенія Его Величества Короля и безъ вѣдома своего бискупа или, по крайней мѣрѣ, воеводы кіевскаго. Иначе они когда нибудь подвергнутъ большой опасности славную столицу княжества кіевскаго. Было-бы хорошо и справедливо, чтобы замковый урядъ за свои глупые поступки возмѣстилъ кіевскимъ мѣщанамъ тѣ убытки, которые они потерпѣли отъ козаковъ. Можетъ быть, они будутъ отъ этого на будущее время болѣе мудрыми, ибо слѣдуетъ опасаться того, чтобы Кіевъ не опустѣлъ. Все это я поручаю Вашему милостивому усмотрѣнію и мнѣнію, а себя поручаю милостивому вниманію Вашему, мой панъ и благодѣтель. Писано въ Новомъ Верещинѣ 4 октября 1593 года.

P. S. Что касается другихъ новостей, то я увѣряю Васъ, милостивый государь мой, что мы можемъ снова ожидать Царя Перекопскаго съ иными царьками въ земли Его Величества нашего Короля; онъ захочетъ снова осуществить тотъ замыселъ, который онъ уже началъ приводить въ исполненіе. Въ этомъ году онъ былъ вынужденъ оставить свое намѣреніе по милости Всемогущаго Господа Бога и при усердномъ стараніи моемъ и тѣхъ рыцарей, которыхъ я имѣлъ болѣе трехъ тысячъ подъ своею хоругвею. Его увѣдомили, будто у меня было около 15,000 козаковъ и будто я могу дать ему отпоръ. Въ августѣ онъ прислалъ мнѣ черезъ плѣннаго словесный отвѣтъ и въ подарокъ книжку. Отвѣтъ былъ слѣдующій:

— За то, что ты, попъ, искалъ меня по полю и своими мнимыми козаками вынудилъ меня оставить мой замыселъ; что, благодаря твоему упрямству, я долженъ былъ подчиниться тебѣ и отойти съ того шляха, которымъ я вошелъ въ землю твоего государя и которымъ долженъ былъ возвратиться въ свое царство; за это, будь увѣренъ, ты скоро дождешься, что не будешь уже ѣздить за мной, ибо я найду тебя въ твоей церкви,

и въ знакъ этого посылаю тебѣ, какъ попу, книжку, которую я могъ раздобыть въ дорогѣ, написанную арабскимъ письмомъ; какъ она потоптана копытами моихъ коней, такъ твое тѣло поповское будетъ отдѣлено отъ костей ударами этихъ копытъ.— Подарокъ отъ Царя Перекопскаго я посылаю Вамъ, мой милостивый государь, желая только получить совѣтъ отъ Васъ, мой благодѣтель, и притомъ военную помощь. Иначе я до поры до времени долженъ буду, какъ Давидъ, скрываться въ горахъ и лѣсахъ отъ этого безбожнаго Саула. Къ князю Московскому я посылалъ гонца и побуждалъ его своей *Инструкціей*, чтобы онъ объявилъ войну Туркамъ, а между тѣмъ, чтобы сбилъ рога невѣрному Царю Перекопскому, которыми онъ сильно бодаетъ вѣрныхъ, но до сихъ поръ я не получилъ извѣстія о томъ, что онъ думаетъ, хотя я хорошо знаю, что онъ можетъ думать, и что онъ одобряетъ сочиненія, писанныя съ благословенія Господня, но только дума его еще не опредѣлилась и онъ не отправилъ обратно моего гонца. Я посылаю Вашей милости точную копію той *Инструкціи о поднятіи войны съ Турками*, которую я послалъ Московскому князю; изъ нея Вы убѣдитесь, что я писалъ ее не по замыслу человѣческому, а по вдохновенію Господню; я посылаю ее на цензуру Вашу и для полученія Вашего заключенія о ней. Я писалъ еще особо къ святѣйшему отцу (къ папѣ), чтобы онъ своимъ пастырскимъ жезломъ раздавилъ главу этому змѣю (мусульманству), но что же дѣлать, если по-старому Петръ спитъ, а Іуда бодрствуетъ. Писалъ я также и къ его величеству христіанскому императору, дабы онъ, согласившись съ его величествомъ нашимъ королемъ и съ великимъ княземъ Московскимъ, соединенными съ ними силами поднялъ войну съ Турецкимъ султаномъ (я издалъ по этому вопросу и книжечки въ стихахъ), но что-же дѣлать, если онъ ищетъ болѣе того, что относится къ нему, нежели того, что относится къ Господу Іисусу Христу. Духъ Господень принудилъ меня къ тому и показалъ мнѣ такую дорогу, что я, наконецъ, написалъ частное письмо къ великому князю Московскому съ иного рода иструкціей о поднятіи войны противъ Турокъ и для лучшаго свѣдѣнія посылаю ее Вамъ, мой мило-

стивый государь; если и онъ не будетъ выполнять воли Господней, которую Господь Богъ объявляетъ ему черезъ меня, свою ослицу, то мнѣ тогда ничего не остается, какъ отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ, оставить этотъ свѣтъ и временныя его богатства, и сдѣлаться пустынникомъ.

Сообщаю за вѣрное Вамъ, милостивый мой панъ, что остатокъ козаковъ, которыхъ оставалось въ куреняхъ около 600, выбирается изъ Запорожья отъ нужды и великаго голода, ибо ихъ татары дочиста ограбили; и гетманъ козацкій долженъ былъ возвратиться назадъ по случаю великой опасности и нужды, которыя испытываютъ козаки отъ огромнаго народа татарскаго. Утверждаютъ, будто 80.000 Татаръ переправится къ намъ черезъ Днѣпръ; поэтому не мѣшало-бы прислать мнѣ хотя одинъ листъ на взиманіе подводъ, чтобы я могъ сообщать Вамъ, моему милостивому пану, новыя извѣстія. Сообщаю также Вамъ, что панъ Краковскій черезъ князя Булыгу, подстаросту Бѣлоцерковскаго, отъ имени его величества императора христіанскаго обѣщаетъ козакамъ дать по 20 злотыхъ польскихъ и по сукну ежегодно на коня подъ условіемъ, чтобы они содержали собственныхъ 24 полевыхъ пушки. Я не знаю, дѣлается-ли это съ вѣдома Вашей милости; сохраняйте это въ тайнѣ для свѣдѣнія Вашего и сообщите мнѣ немедленно о Вашемъ мнѣніи, чтобы я зналъ, что мнѣ дѣлать.

Сообщаю также Вашей милости, что въ августѣ Татары подъ самою Бѣлою Церковью на жнивахъ захватили въ плѣнъ болѣе 600—тъ бѣлоцерковцевъ и отправили ихъ къ Бѣлгороду; они набрались такой дерзости, что хуже на свѣтѣ быть не можетъ; какъ только имъ захочется, такъ и начинаютъ захватывать плѣнниковъ. Да сжалится Богъ нашъ, отецъ Господа нашего Іисуса Христа!

Прежде чѣмъ я дописалъ это письмо, прибѣжалъ ко мнѣ одинъ козакъ изъ Запорожья, который былъ на сѣнокосѣ въ то время, когда Татары напали на него. Онъ вмѣстѣ съ другими едва успѣлъ убѣжать отъ нихъ на челнахъ въ Днѣпръ. Онъ утверждаетъ за вѣрное, что Татары пойдутъ двумя отрядами по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, а Турки прямо изъ Вала-

хіи на Львовъ. Поэтому я прошу Вашу милость заботиться о ввѣренныхъ Вамъ овцахъ. Я рѣшилъ ожидать Царя Перекопскаго съ двумя тысячами стрѣлковъ и съ десятью гаковницами въ Черногородскомъ Городищѣ, которое я теперь укрѣпляю жилыми постройками и частоколомъ. Пусть будетъ воля Божія съ нами, а я не буду убѣгать отъ него и на случай осады прошу отъ Васъ помощи. А если-бы не случилось столкновенія подъ упомянутымъ Городищемъ, то имѣйте въ виду, что я нахожусь въ тылу непріятеля. Затѣмъ вторично поручаю себя милостивой ласкѣ Вашей, мой милостивый панъ и благодѣтель, и прошу меня не оставлять. Ясновельможнаго и милостиваго пана усердный богомолецъ и покорный капелланъ Вашей милости Юзефъ Верещинскій, волею Божіею бискупъ Кіевскій, аббатъ сѣцѣховскій, своею рукою [1])".

Въ другомъ письмѣ, напечатанномъ В. А. Мацѣевскимъ въ приложеніяхъ къ III тому сочиненія *Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830* (Warsz. 1852) безъ обозначенія даты и лица, къ которому оно было писано, Верещинскій по поводу предполагаемаго похода въ Крымъ высказываетъ еще болѣе близкое знакомство съ военнымъ дѣломъ:

„Что касается до переговоровъ твоихъ съ господиномъ коронным гетманомъ, о которыхъ я упоминалъ въ письмѣ, то важнѣйшій пунктъ въ нихъ слѣдующій: если все духовенство по милости своей и по обязанности христіанской вмѣсто донативы отправитъ войско съ племянничками своими на завоеваніе и покореніе татарскихъ ордъ, то необходимо, чтобы господинъ гетманъ увѣдомилъ духовенство, что въ добавокъ къ козацкому войску, котораго есть нѣсколько десятковъ тысячъ, не слѣдуетъ отправлять болѣе 13 сотенъ пѣхоты и 13 сотенъ конницы. Конница не должна садиться на дорогихъ лошадей, а на среднихъ, и притомъ исключительно на мериновъ; конница и пѣхота должны стянуться прежде всего къ Новому Верещину и къ Бѣлой Церкви или къ Василькову; тутъ онѣ должны дать

---

[1]) См. книгу Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584—1620. Wydał T. x-że L. dla Miłośników języka i Dziejów. W Krakowie 1868. Стр. 28—33, письмо № 18.

себѣ отдыхъ и купить всякаго рода съѣстные припасы и челны. На этихъ челнахъ провизія и пѣхота поплывутъ на Запорожье по Днѣпру, а конница въ соединеніи съ козаками поѣдетъ степью, захвативъ съ собою часть провизіи на возахъ и во вьюкахъ,—до условленнаго мѣста; въ нѣсколькихъ пунктахъ по Днѣпру она будетъ соединяться съ челнами, чтобы пополнять съ нихъ запасъ провизіи. Для покупки съѣстныхъ припасовъ и челновъ необходимо вскачь прислать казначеевъ съ деньгами, чтобы за эти деньги купить сухарей, муки въ бочкахъ, крупъ, яловокъ и воловъ (мясо изъ нихъ должно быть повялено), уксуса и водки (для предохраненія отъ разстройства желудковъ, такъ какъ Днѣпровская вода для свѣжихъ людей нездорова). Сыромъ, масломъ и вядчиной необходимо снабдить себя изъ дому или съ дороги, потому-что въ новомъ краю отъ огромныхъ козацкихъ войскъ очень на этотъ счетъ скупо. Пріѣхавши на Запорожье и оставивъ тамъ всякую провизію, сколько ея окажется, необходимо захватить съ собою во вьюкахъ только самое нужное и идти конницѣ и пѣхотѣ прямо на Перекопъ, оставивъ въ сторонѣ Бѣлгородъ и Тягинь, потому-что когда съ Божіею помощью схватишь кого за голову, то и нога за головою поскачетъ. Такъ походъ и дальше пойдетъ. Да благословитъ насъ Господь съ Сіона, сотворившій небо и землю [1])".

Изъ приведенныхъ двухъ писемъ Верещинскаго видно, насколько онъ увлекался отраженіемъ татарскихъ набѣговъ и мыслью о военной экспедиціи въ Крымъ и насколько дѣятельное участіе онъ лично принималъ въ организаціи польскихъ военныхъ силъ для этой цѣли. Но его дѣятельность на посту Кіевскаго бискупа не ограничивалась этимъ. Пріѣхавши въ Кіевъ, какъ человѣкъ, привыкшій въ Сѣцѣховѣ къ веденію монастырскаго хозяйства, къ управленію поземельными имуществами монастыря, къ охранѣ межевыхъ границъ монастырскихъ имѣній отъ произвольныхъ захватовъ, онъ и на новомъ мѣстѣ службы приступилъ немедленно къ выясненію историческихъ правъ Кіевскихъ бискуповъ на нѣкоторыя земли въ окрестностяхъ

---

[1]) См. книгу В. А. Мацѣевскаго, т. III, 1852, стр. 213—215 приложеній.

Кіева. Оказалось возможнымъ доказывать принадлежность Кіевскимъ бискупамъ окрестностей нынѣшняго Фастова на правой сторонѣ Днѣпра (васильковскій у.) и Моровска на лѣвой сторонѣ (остерскій у.). Желая, чтобы бискупскія земли начали давать доходъ, онъ принялся за ихъ колонизацію и съ этой поры имя его связывается съ заселеніемъ Фастова и его окрестностей. Тамъ, гдѣ была почти безлюдная пустыня, онъ основалъ обширныя села, собирая въ нихъ цѣлыя толпы жителей обѣщаніемъ разныхъ вольностей. Такъ какъ мѣстности этой постоянно угрожали татарскіе набѣги, то на мѣстѣ нынѣшняго Фастова онъ построилъ крѣпкій замокъ, обнесенный рвами и валами. Въ воспоминаніе о своей родинѣ Верещинѣ-Влодавскомъ онъ назвалъ вновь устроенный замокъ—Новымъ-Верещиномъ. Невдалекѣ отъ Фастова на мѣстѣ старыхъ дотатарскихъ городищъ были осажены сс. Плисовъ (нын. Плисецкое) и Черногородка. Въ Новомъ Верещинѣ онъ выстроилъ домъ для себя и костелъ.

Но недолго колоніи Верещинскаго пользовались миромъ и благополучіемъ. Онѣ скоро нажили себѣ грознаго врага въ лицѣ князя Кирика Евстафьевича Ружинскаго. Получивши отъ короля Стефана Баторія „урочище Котельню“ въ награду за военныя заслуги, онъ началъ прибѣгать къ обычному въ то время способу „округленія границъ“—къ наѣздамъ и захвату сосѣднихъ земель; „большая часть упоминающихъ о немъ документовъ“, говоритъ біографъ князя Ружинскаго И. Н. Новицкій, „заключается въ жалобахъ на него сосѣдей, которые, въ свою очередь, прибѣгали къ самозащитѣ, а иногда самоуправству, представляя тѣмъ поводъ къ жалобамъ со стороны Ружинскаго [1])“. Такого рода наѣздъ князь Кирикъ Ружинскій произвелъ въ 1596 г. и на колоніи Верещинскаго, при чемъ въ Новомъ-Верещинѣ онъ ограбилъ костелъ и бискупскій домъ [2]), а с. Плисовъ сжегъ до тла. По жалобѣ Верещинскаго король Сигизмундъ III поручилъ коморнику Яну Черничцкому произ-

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1882, Т. II, стр. 68.

[2]) По свидѣтельству Клёновича, при этомъ погибли и многія написанныя Верещинскимъ сочиненія: „inszych ksiąg, wiem to dobrze, było napisanych, które *łupem* zostały na Ukrainie w biskupstwie“. Изд. Туровскаго стр. 181.

вести дознаніе „о шкодахъ, яко много и отъ кого починено... такъ же о спаленьи новыхъ осадъ, якимъ способомъ, умысломъ, и для чего палено"; а князю Кирику Ружинскому приказалъ, чтобы онъ вознаградилъ Верещинскаго, его слугъ и костельныхъ подданныхъ за причиненные имъ убытки, и чтобы возвратилъ обратно заграбленное у нихъ имущество. Между тѣмъ Верещинскій продолжалъ заботиться о колонизаціи бискупскихъ земель. 1 января 1598 г. онъ выдалъ нѣкоему Николаю Шадурскому актъ слѣдующаго содержанія:

„Во имя Господне аминь. Нѣкоторыя земли кіевскаго бискупства вслѣдствіе частыхъ набѣговъ и силы непріятелей святаго креста, развратныхъ язычниковъ Татаръ, запустѣли, а подданные его по жадности и завистливости ближайшихъ безчестныхъ сосѣдей, здѣшнихъ обывателей, схизматиковъ и еретиковъ, отняты у бискупства и присвоены ими; наконецъ, попадаются и такіе люди въ этомъ воеводствѣ, которые, не имѣя возможности отнять и присвоить себѣ самоправно, насиліемъ, какой-либо изъ вышеупомянутыхъ костельныхъ земель, подбираются къ ней обманомъ, опираясь на выдуманные и фальшивые письменные документы. Эти земли моимъ стараніемъ и моими заботами были защищены отъ всѣхъ непріятелей и вновь возвращены бискупству, и могли оставаться въ первобытномъ состояніи, но, поступивъ подъ мою власть, по милости и пожалованію Его Величества Короля и Рѣчи Посполитой, и съ утвержденія найвысшаго святаго отца папы римскаго,—онѣ съ помощью Божіею начали сильно заселяться; чтобы онѣ гуще и быстрѣе заселялись, мы порѣшили отдать пустыя урочища на заселеніе людямъ достойнымъ и полезнымъ для бискупства. Поэтому мы, Юзефъ Верещинскій, милостью Божіей бискупъ Кіевскій, аббатъ Сѣцѣховскій, со всей капитулой нашего бискупства кіевскаго, обративъ вниманіе на землю и урочище подъ названіемъ *Дорогинка*, гдѣ есть уже порядочное поселеніе, назначили въ это урочище *осадчимъ* для быстрѣйшаго заселенія пана Николая Шадурскаго, человѣка достойнаго. Узнавъ его вѣрность и храбрость и помня давнія и старательныя его службы, мы назначили его на вышеупомянутой землѣ войтомъ. Вотъ эту-то землю надъ рѣчкою

Дорогинкою по обоимъ берегамъ ея, издавна принадлежащую кіевскому бискупству, мы даемъ, даримъ и записываемъ вышеупомянутому пану Николаю Шадурскому, женѣ его и потомкамъ его со всѣми доходами и принадлежностями, съ полями, нивами, борами, лѣсами, дубровами, луками, сѣножатями, съ ловами рыбными и звѣриными, гонами бобровыми, съ деревьями бортными, съ ставами и другими доходными статьями, какія только можно было-бы придумать и какія издавна причислялись къ этому имѣнію. Мы обозначили и утвердили точныя границы этому имѣнію, которыя суть слѣдующія: начиная отъ Дидьковской гребли на р. Ирпени, дорогою изъ Дидьковки въ Черногородку до вала, отдѣляющаго Черногородку отъ Новаго Верещина, а потомъ валомъ опять до р. Ирпени. Чтобы панъ Николай Шадурскій охотнѣе и усерднѣе брался за заселеніе этой земли, мы записали въ пользу этого войтовства сумму въ 200 копъ грошей литовскихъ, считая въ каждой копѣ по 60 грошей. Землю эту мы сейчасъ же отдаемъ въ пользованіе и спокойное обладаніе нашему войту и осадчему Николаю Шадурскому и его потомкамъ. За это пожалованіе онъ и его потомки обязаны будутъ выставлять по требованію нашему и нашихъ преемниковъ трехъ вполнѣ вооруженныхъ конныхъ воиновъ подъ страхомъ лишенія пожалованія и записанной суммы. Чтобы это было свято и ненарушимо, мы собственноручно подписали настоящій актъ и приказали привѣсить печати“. Свидѣтелями при совершеніи этого акта были жители кіевскаго воеводства: Семенъ Бутовичъ, войскій кіевскій, Бартошъ Верещинскій, староста Ново-Верещинскій, Николай Халецкій, Щенсный Шлашинскій, Янъ Сулковскій и многіе другіе. Кромѣ Юзефа Верещинскаго актъ подписали Іоаннъ Лисгровскій и Криштофъ Язовскій кіевскіе каноники [1]).

Въ 1597—1598 гг. въ Новомъ Верещинѣ существовала заведенная Юзефомъ Верещинскимъ типографія и въ ней были напечатаны два послѣднія сочиненія Верещинскаго: 1) Votum ks. Józ. Wereszczyńskiego etc. z strony podniesienia wojny potęż-

[1]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи, часть шестая, т. I, Кіевъ 1876, стр. 258—263.

nej przeciwko cesarzowi tureckiemu bez ruszenia pospolitego. 1597. и 2) Pobudka z strony podniesienia wojny potężnej przeciw cesarzowi tureckiemu bez ruszenia pospolitego. 1598.

Но вся дѣятельность Верещинскаго, какъ Сѣцѣховскаго аббата и какъ Кіевскаго бискупа осталась бы мало извѣстною и во всякомъ случаѣ обратила-бы на себя менѣе вниманія, если бы онъ не владѣлъ въ тоже время перомъ и не оставилъ потомству цѣлаго ряда печатныхъ трудовъ, увѣковѣчившихъ его имя и записавшихъ его въ ряды хотя и второстепенныхъ, но все таки замѣтныхъ польскихъ писателей.

Литературная дѣятельность Верещинскаго распадается на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга половины. Когда онъ былъ только духовнымъ лицомъ и занималъ духовныя должности въ Красноставѣ и Сѣцѣховѣ, то и литературная его дѣятельность направилась въ такую область, которая наиболѣе свойственна духовному лицу,—въ область проповѣди. Онъ много трудился надъ проповѣдями и за долгое время своего священническаго служенія написалъ цѣлый рядъ ихъ. Когда онъ сдѣлался аббатомъ Сѣцѣховскаго монастыря, то онъ порѣшилъ издать наиболѣе удачные опыты въ этомъ направленіи и вотъ онъ отдѣлываетъ и печатаетъ въ 1585-мъ году сразу пять проповѣдей въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ:

1) Wizerunek naksztalt Kazania uczyniony o wzgardzie śmierci i świata tego nędznego, a o chwale onego wdzięcznego a wiecznego Królewstwa Niebieskiego. Krak. Andr. Piotrk. 1585.

2) Kazanie na dzień zaduszny. Krak. Andr. Piotrk. 1585.

3) Instrukcja albo nauka o spowiedzi. Kraków Andr. Piotrk. 1585.

4) Gościniec pewny niepomiernym moczygębom a omierzłym wydmikuflom świata tego do prawdziwego obaczenia a zbytków swych pohamowania. Krak. Andr. Piotrk. 1585.

5) Kazanie przy przyjmowaniu świętości małżeństwa. Krak. Andr. Piotrk. 1585.

Въ 1587 году онъ обрабатываетъ цѣлый рядъ проповѣдей подъ общимъ заглавіемъ: 6) Kazania albo ćwiczenia Chrześcijańskie na ośmnaście niedziel z wykładem tak na Ewangelie,

jako też na dwanaście członków wiary chrześcijańskiej. Krak. Andr. Piotrk. 1587, и въ томъ-же году издаетъ сочиненіе также проповѣдническаго или дидактическаго характера: 7) Reguła t. j. nauka albo postępek dobrego życia króla każdego chrześciańskiego. Krak. Andr. Piotrk. 1587.

Кромѣ того онъ написалъ много проповѣдей, не появившихся въ печати, а именно:

1) Passya albo kazanie na wielki piątek z osobliwemi naukami.

2) Postylle to-jest kazania na epistoły na każdą niedzielę i na każde święto.

3) Katechizm trydentski na kazania polskie przeistoczony.

4) Kazań piętnaście o ofierze mszy św.

5) Jądro nauki o ofierze mszy przenajświętszej.

6) Passya t. j. historya męki i śmierci Pana naszego.

Къ области духовной литературы относится и сдѣланный Верещинскимъ переводъ на польскій языкъ апокрифическаго Евангелія св. Никодима [1]).

Когда въ 1589-мъ году Верещинскій переѣхалъ въ Кіевъ, литературная дѣятельность его приняла другое направленіе. Его поразили тѣ бѣдствія, которыя испытывала тогдашняя Украина отъ татарскихъ набѣговъ и вотъ онъ началъ писать проекты о колонизаціи Украины поляками, объ укрѣпленіи Кіева, о соединенной войнѣ христіанскихъ государствъ противъ татаръ и турокъ. Сочиненія его по этимъ вопросамъ слѣдовали въ такомъ порядкѣ:

1590 года. 1) Droga pewna do prędkiego i snadniejszego osadzenia w ruskich krainach pustyń rycerstwem królewstwa polskiego. Krak. Andr. Piotrk.

1591 года. 2) Excytarz do podniesienia wojny świętej przeciwko Turkom i Tatarom. Krak. Andr. Piotrk.

1594 года. 3) Pobudka na jego cesarską miłość wszystkiego chrześciaństwa, jakoteż na j. k. m. króla polskiego, tudzież na j. o. kniazia wielk. moskiewskiego do podniesienia wojny świętej spólną ręką przeciw Turkom i Tatarom. Krak. Andr. Piotrk.

---

[1]) Изд. Туровскаго, стр.180—181.

4) Publika... j. m. rzpltej na sejmiki przez list objaśniona, tak z strony fundowania szkoły rycerskiej synom koronnym na Ukrainie, jako też krzyżaków według reguły maltańskiej w sąsiedztwie z pogany i z Moskwą na wszystkiem Zadnieprzu dla snadniejszego ochronienia koronnego od niebezpieczeństwa wszelakiego. Krak. Andr. Piotrk.

5) Pobudka z strony fundowania szkoły rycerskiej na Ukrainie, jako też Krzyżaków na Zadnieprzu. Krak. Andr. Piotrk.

1595 года. 6) Sposób osady nowego Kijowa i ochrony niegdy stolice księstwa Kijowskiego od niebezpieczeństwa wszelakiego. Krak. Andr. Piotrk.

1597 года. 7) Votum z strony podniesienia wojny potężnej przeciwko cesarzowi tureckiemu bez ruszenia pospolitego. Nowy Wereszczyn.

1598 года. 8) Pobudka z strony podniesienia wojny potężnej przeciw cesarzowi tureckiemu bez ruszenia pospolitego. Nowy Wereszczyn.

Нѣкоторыя сочиненія Верещинскаго были переизданы въ новѣйшее время митрополитомъ католическихъ церквей Головинскимъ и г. Туровскимъ. Митр. Головинскій переиздалъ проповѣди Верещинскаго въ книгѣ: Kazania Józefa Wereszczyńskiego, biskupa Kijowskiego. Petersburg i Mohilew 1854, за исключеніемъ № 1 (Wizerunek), № 4 (Gościniec) и № 7 (Regula); а г. Туровскій переиздалъ нѣкоторыя политическія брошюры Верещинскаго: Publika (№ 4), Sposób osady nowego Kijowa (№ 6), Votum z strony podniesienia wojny (№ 7) и его большое дидактическое сочиненіе: Reguła t. j. nauka albo postępek dobrego życia króla każdego chrześciańskiego, въ книгѣ: Pisma polityczne ks. Józefa Wereszczyńskiego. Kraków 1858. Остальныя сочиненія Верещинскаго не были переизданы и составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Только нѣкоторыя большія библіотеки, какъ Варшавская Университетская, Института Оссолинскихъ во Львовѣ, Курникская близъ Познани,—имѣютъ по одному экземпляру того или другаго изъ нихъ. Перечисленіе всѣхъ сочиненій Верещинскаго съ указа-

ніемъ, въ какой библіотекѣ какое изъ нихъ сохранилось въ первоначальномъ изданіи, сдѣлано г. Эстрейхеромъ въ книгѣ Bibliographia Polska XV—XVI stólecia, Kraków 1875, str. 207—208.

Сочиненіе *Sposób osady nowego Kijowa* представляетъ спеціальный интересъ для читателей „Кіевской Старины". Оно довольно живо рисуетъ состояніе Кіева въ концѣ XVI-го вѣка и составляетъ дополненіе къ тѣмъ описаніямъ Кіева XVI-го вѣка, которыя были напечатаны въ „Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей" (Кіевъ 1874 г.). Вотъ почему мы рѣшились предложить его въ переводѣ, снабдивъ нѣкоторыми необходимыми примѣчаніями.

Польская ученая литература о Верещинскомъ довольно бѣдна. Въ ней нѣтъ ни одной монографіи, которая давала-бы полное и критическое изображеніе его жизни и литературной дѣятельности. Небольшія изслѣдованія о Верещинскомъ мы имѣемъ въ слѣдующихъ книгахъ:

1) *Маціевскаго* въ кн. Pismiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Warszawa 1852, T. III, стр. 406—414.

2) *Головинскаго* въ предисловіи къ вышеупомянутой кн. Kazania Józefa Wereszczyńskiego, P. i M. 1854, стр. I—XXI.

3) *Туровскаго* въ предисловіи къ вышеупомянутой кн. Pisma polityczne ks. Józefa Wereszczyńskiego, Kraków 1858, стр. III—XVI.

4) *Гацкаго* въ кн. Benedyktyński klasztor w Sieciechowie według pism i podań miejscowych przez ks. Józefa Gackiego, Radom 1872, стр. 185—187.

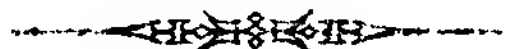
5) *Здановича* въ кн. Rys dziejów literatury polskiej podług, notat Aleksandra Zdanowicza opracował L. S. Wilno 1874, T. I, стр. 477—481.

6) *Руликовскаго* въ кн. Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego T. I, Warszawa 1880, статьи Chwastów (стр. 660) и Czarnohorodka (стр. 756).

7) Гр. *Тарновскаго* въ кн. Pisarze polityczni XVI wieku, w Krakowie 1886, T. II, стр. 89—120.

На этомъ мы закончимъ наше предисловіе къ переводу брошюры Верещинскаго о Кіевѣ; къ другимъ сочиненіямъ его и къ общей оцѣнкѣ его литературной дѣятельности мы надѣемся возвратиться въ другой разъ.

А. Стороженко.

Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка въ 1845—1846 гг.

Быть можетъ, немногимъ изъ почитателей украинскаго поэта извѣстно, что онъ одно время состоялъ сотрудникомъ кіевской Археографической Коммиссіи и исполнялъ въ ней не только художественныя работы, но и археологическія порученія; по крайней мѣрѣ, ни въ одной изъ біографій Т. Г. Шевченка нѣтъ даже упоминанія объ этомъ эпизодѣ въ его жизни. Между тѣмъ эпизодъ этотъ едвали имѣлъ маловажное значеніе въ исторіи его развитія: служба въ учрежденіи, спеціально посвященномъ разработкѣ исторіи южнорусскаго края, непосредственное общеніе съ учеными изслѣдователями мѣстной старины, въ особенности же постоянныя экскурсіи въ разныя мѣста Малороссіи и югозападнаго края для изученія и собиранія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ старины, историческихъ пѣсенъ, легендъ, преданій и т. под.—все это, безъ сомнѣнія, составляло весьма благопріятную обстановку для молодого поэта и художника, лишеннаго въ дѣтствѣ и ранней юности школьнаго образованія и неудержимо рвавшагося путемъ самообразованія пополнить недостаточность научныхъ свѣдѣній. Правда, занятія Шевченка въ Коммиссіи были очень кратковременны—они продолжались всего лишь около полутора года, но и несмотря на это они не могли остаться для него безрезультатными. Вотъ почему мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь короткую справку о служебной дѣятельности Т. Г. Шевченка въ званіи члена-сотрудника Кіевской Археографи-

ческой Коммиссіи и о тѣхъ порученіяхъ, какія на него были при этомъ возлагаемы.

Надо замѣтить, что Коммиссія, учрежденная въ концѣ 1843 года, уже во второмъ году своего существованія значительно расширила кругъ своей ученой дѣятельности, распространивъ ее и на изслѣдованіе памятниковъ мѣстной археологіи. Не смотря на существованіе въ Кіевѣ, при учебномъ округѣ, спеціальнаго учрежденія—„Временнаго Комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ", дѣйствовавшаго еще съ 1835 года и организовавшаго при университетѣ небольшой музей, генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ призналъ необходимымъ объединить обѣ задачи—археографическую и археологическую въ учрежденной при немъ Коммиссіи и, не ограничиваясь однимъ Кіевомъ, распространить археологическія разысканія на территорію всего югозападнаго края и даже сосѣднихъ малороссійскихъ губерній—полтавской и черниговской. Въ маѣ 1845 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи Временнаго Комитета для изысканія древностей и о передачѣ его функцій Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Побуждаемая страстнымъ любителемъ археологіи Д. Г. Бибиковымъ, Коммиссія немедленно приступила къ исполненію новыхъ обязанностей. Въ засѣданіи 13-го іюня того же года была разсмотрѣна представленная проф. А. И. Ставровскимъ программа ближайшихъ археологическихъ изысканій. На первый разъ было признано необходимымъ: продолжить начатыя еще Комитетомъ раскопки фундаментовъ церкви св. Ирины въ Кіевѣ и двухъ кургановъ въ с. Вышгородѣ; отправить одного изъ членовъ для изслѣдованія остатковъ древнихъ памятниковъ вокругъ Кіева на пространствѣ 30-ти верстъ и особенно въ г. Васильковѣ и его окрестностяхъ; командировать въ г. Овручъ академика Солнцева и проф. Ставровскаго съ порученіемъ изслѣдовать развалины церкви св. Василія. Но прежде всего Коммиссія признавала необходимымъ привести въ извѣстность всѣ сохранившіеся въ предѣлахъ югозападнаго края памятники древности—какъ историческіе (древніе храмы, замки и т. под.), такъ равно и первобытные (валы курганы, городища), чтобы на основаніи точ-

ныхъ свѣдѣній можно было приступить къ составленію полной и систематической программы археологическихъ изысканій въ краѣ. Такъ какъ собраніе требуемыхъ свѣдѣній превышало силы и средства Коммиссіи, то въ томъ же засѣданіи было постановлено: „просить генералъ-губернатора предписать мѣстнымъ начальствамъ собрать свѣдѣнія о существующихъ въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ курганахъ, остаткахъ древнихъ памятниковъ и преданіяхъ и доставить эти свѣдѣнія въ Коммиссію“.

Д. Г. Бибиковъ охотно исполнилъ желаніе Коммиссіи. Онъ обратился къ губернаторамъ и предводителямъ дворянства подвѣдомыхъ ему губерній съ циркулярнымъ приглашеніемъ озаботиться составленіемъ описаній всѣхъ древнихъ зданій, церквей, замковъ, въ особенности кургановъ и другихъ древнихъ памятниковъ и описанія эти, вмѣстѣ съ рисунками и чертежами, представить въ Коммиссію. При этомъ дана была въ руководство слѣдующая (составленная главнымъ въ то время дѣятелемъ Коммиссіи, проф. Н. Д. Иванишевымъ) инструкція: 1) При описаніи древнихъ зданій разспрашивать свѣдущихъ людей о времени постройки и замѣчательныхъ происшествіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на существованіе этихъ зданій; 2) не ограничиваться однимъ изображеніемъ зданій церквей и монастырей, но описывать и древности внутри ихъ находящіяся: образа, церковную утварь и проч.; и 3) особенное вниманіе обратить па курганы, при чемъ описывать ихъ наружную форму, величину, матеріалъ, изъ котораго они составлены, и преданія, имѣющія связь съ ихъ существованіемъ.

Но предписанія генералъ-губернатора не исполнялись съ должнымъ усердіемъ. Волынскій губернаторъ, представляя одинъ лишь перечень немногихъ памятниковъ древностей въ управляемой имъ губерніи, объяснялъ въ своемъ рапортѣ, что, „хотя о составленіи рисунковъ съ масштабомъ и проч. было имъ предписано чрезъ губернскаго уѣзднымъ землемѣрамъ, а также предводителямъ дворянства, но первый донесъ, что, по незнанію землемѣрами перспективнаго изображенія видовъ, нѣтъ между ними способныхъ сдѣлать требуемые рисунки; а предводители

отвѣчали, что, по ненахожденію въ уѣздахъ къ сей работѣ способныхъ людей, порученія этого они совершить не въ состояніи". Д. Г. Бибиковъ сердился и на этомъ рапортѣ написалъ: „Отвѣчать, что быть не можетъ при усердіи, чтобы нельзя было исполнить того, что требуетъ начальство, и чтобы во всей губерніи не нашлось ни одного человѣка, кто бы умѣлъ рисовать; почему просить вновь составить рисунки и описанія и за этимъ наблюдать". Но и повторительныя предписанія мало имѣли успѣха. Изъ волынской губ. были присланы лишь (въ 1845 г.) рисунки Острожской Богоявленской церкви и трехъ замковыхъ башенъ, сдѣланные подпоручикомъ строительнаго отряда Иванченкомъ; изъ кіевской—Описаніе достопамятностей уманскаго уѣзда, составленное мѣстнымъ предводителемъ.

Оставалось прибѣгнуть къ тому пріему, который далъ такіе прекрасные результаты въ дѣлѣ собиранія для той же Коммиссіи письменныхъ памятниковъ старины — командированію особыхъ чиновниковъ. Въ то время по всему югозападному краю безпрестанно разъѣзжали чиновники генералъ-губернаторской канцеляріи, описывавшіе архивы и собиравшіе древніе акты и рукописи. Начиная съ 1845 г., на нихъ же было возлагаемо порученіе описывать и вещественные памятники древности; но между ними лишь немногіе обладали искусствомъ срисовывать видѣнные ими памятники. Настояла крайняя нужда въ опытныхъ рисовальщикахъ; но такихъ не было въ виду у Коммиссіи.

Въ это именно время въ Кіевѣ появляется Т. Г. Шевченко на обратномъ пути послѣ посѣщенія (въ сентябрѣ 1845 г.) своей родины. Онъ пользовался уже въ Малороссіи широкою извѣстностью не только какъ даровитый украинскій поэтъ [1]), но и какъ талантливый художникъ: въ 1844 г. вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ предпринятаго имъ художественнаго изданія „Живописная Украина", въ программу котораго прежде всего входили „виды, по историческимъ воспоминаніямъ примѣчательные: храмы, укрѣпленія, курганы и все, что время пощадило", т. е. именно то, что такъ интересовало Д. Г. Биби-

[1]) Первое изданіе „Кобзаря" вышло еще въ 1840 г., когда Т. Г. Шевченко

кова и его ближайшаго сотрудника по управленію краемъ Н. Э. Писарева, вступившаго незадолго предъ тѣмъ (въ мартѣ 1845 г.) въ должность предсѣдателя кіевской Археографической Коммиссіи. Въ виду однородности задачъ естественно было привлечь молодого художника-археолога къ участію въ археологическихъ изысканіяхъ Коммиссіи, что́ и было сдѣлано. Кто былъ иниціаторомъ или посредникомъ въ этомъ дѣлѣ—неизвѣстно: Писареву могъ указать на Шевченка членъ-учредитель Коммиссіи М. А. Максимовичъ или же членъ-сотрудникъ П. А. Кулишъ, лично знавшіе его въ то время; но могло быть и такъ, что Писаревъ и самъ непосредственно пригласилъ его. Какъ бы то ни было, только въ ноябрѣ 1845 г. Д. Г. Бибиковъ командировалъ Шевченка въ полтавскую губернію „для нѣкоторыхъ разысканій", съ выдачей ему казенной подорожной и 150 р. на расходы. Почему его командировали въ полтавскую губ., а не въ другое мѣсто—это понятно: губернія эта была выбрана „по ея извѣстности" Шевченку, такъ какъ онъ въ теченіе двухъ предшествовавшихъ лѣтъ почти безвыѣздно странствовалъ въ ней и завелъ тамъ большія знакомства между помѣщиками. Молодому художнику, конечно, дана была въ руководство обычная инструкція, но ея, къ сожалѣнію, не сохранилось въ дѣлахъ Коммиссіи; можно полагать, что она была болѣе или менѣе однородна съ инструкціей, какая дана была чиновнику генералъ-губернаторской канцеляріи Тарасевичу, посыланному для той же цѣли въ мартѣ 1846 г. въ черниговскую и полтавскую губ.: ему предписывалось „развѣдать, въ какихъ именно мѣстахъ и какіе находятся курганы, древнія развалины или мѣстности и урочища, замѣчательныя по извѣстнымъ историческимъ событіямъ; собрать свѣдѣнія о народныхъ преданіяхъ, разсказахъ и легендахъ, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ; постараться достать отъ частныхъ лицъ и доставить въ Коммиссію для списанія и напечатанія нѣкоторые письменные памятники, относящіеся ко временамъ древняго быта Малороссіи, козацкихъ войнъ, переписки замѣчательныхъ лицъ и проч., и наконецъ, если представится случай, пріобрѣсти на счетъ Коммиссіи древніе акты, рукописи, древнія ве-

щи и старопечатныя книги". Конечно, Т. Г. Шевченку, какъ художнику, даны были, сверхъ того, и спеціальныя порученія по снятію видовъ и древнихъ памятниковъ.

Сколько времени пробылъ Шевченко въ полтавской губ. и какія именно мѣста посѣтилъ въ то время—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній, такъ какъ отчетъ о результатахъ командировки, хотя былъ имъ представленъ генералъ-губернатору, но въ дѣлахъ Коммиссіи не сохранился. Можно полагать лишь, что данное ему порученіе онъ исполнилъ удовлетворительно, такъ какъ 10 декабря того же 1845 г. состоялось постановленіе Коммиссіи: „просить г. генералъ-губернатора о приглашеніи свободнаго художника академіи Тараса Шевченка въ званіе сотрудника Коммиссіи для снимковъ съ предметныхъ памятниковъ, съ назначеніемъ ему жалованья по 150 р. въ годъ" [1]). Годъ спустя отъ него потребовала канцелярія генералъ-губернатора представленія формальнаго отчета объ израсходованіи выданныхъ ему на поѣздку денегъ. Шевченко представилъ требуемый отчетъ, при чемъ оказалось, что изъ числа полученныхъ имъ 150 рублей было издержано: на прогоны 31 р. 36 коп. и кормовыхъ 64 р. 80 коп., оставшіеся же неизрасходованными 53 р. 84 коп. были имъ возвращены въ канцелярію.

Въ концѣ 1845-го и въ началѣ 1846-го года Коммиссія занята была спѣшнымъ печатаніемъ „Древностей"—роскошнаго изданія съ 11-ю хромолитографированными таблицами, изображающими курганъ Перепетиху и предметы, найденные при его раскопкѣ. Въ изготовленіи этихъ рисунковъ принималъ участіе и Т. Г. Шевченко, хотя мы не можемъ съ точностью указать, какіе именно рисунки принадлежатъ ему и какіе—другому сотруднику-рисовальщику Сенчиллу-Стефановскому. Судя, однако, по воспоминаніямъ Аѳ.-Чужбинскаго, можно полагать, что въ началѣ 1846-го года Шевченко былъ командированъ въ черниговскую губернію для археологическихъ разысканій. Объ этой командировкѣ нѣтъ свѣдѣній въ дѣлахъ Коммиссіи, но Чужбин-

[1]) Незадолго предъ тѣмъ на такихъ же точно условіяхъ былъ принятъ (по прошенію) въ число сотрудниковъ Коммиссіи учитель рисованія при мѣстномъ институтѣ благор. дѣвицъ А. Сенчилло-Стефановскій.

скій разсказываетъ, что въ началѣ февраля 1846 г. Тарасъ Григорьевичъ совершенно неожиданно заѣхалъ къ нему въ Исковцы (переясл. у.) и пригласилъ сопутствовать ему въ его археологическомъ путешествіи, такъ какъ онъ располагалъ срисовать древнюю утварь по церквамъ и монастырямъ черниговской губерніи. Вмѣстѣ они посѣтили Нѣжинъ, гдѣ пріѣздъ „кобзаря“ возбудилъ всеобщій восторгъ, и оттуда отправились въ Черниговъ. Здѣсь они нашли довольно древностей, которыя необходимо было срисовать; кромѣ того Шевченко получилъ нѣсколько заказовъ на портреты. Изъ города поэтъ часто уѣзжалъ въ м. Сѣдневъ, гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время въ кругу дружески ему знакомаго семейства Лизогуба. Тамъ онъ иногда и работалъ.

Весною оба пріятеля вмѣстѣ возвратились въ Кіевъ и поселились на Козьемъ болотѣ. Въ это именно время (въ мартѣ 1846 г.) Коммиссія выработала широкую программу для своей археологической дѣятельности. Параллельно съ изученіемъ древностей, объясняющихъ доисторическое существованіе народовъ, было рѣшено приступить къ собиранію матеріаловъ для научнаго и художественнаго описанія монументальныхъ памятниковъ въ южной Россіи, каковы древніе храмы, замки и т. под. Задумано было также изданіе видовъ Кіева и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ въ краѣ. Въ виду этого становится совершенно понятнымъ свидѣтельство А. Чужбинскаго о томъ, что Шевченко, по возвращеніи изъ Чернигова, „задумалъ срисовать важнѣйшія достопримѣчательности матери городовъ русскихъ, а также нѣкоторыя живописныя окрестности“. Онъ разыскалъ въ Кіевѣ своего стараго товарища по академіи Сажина, который согласился помогать ему, взявъ на себя отдѣлку деталей въ рисункахъ, и оба художника ежедневно пропадали съ самаго утра. Рисуя внутренность корридоровъ, ведущихъ къ пещерамъ, Шевченко между множествомъ нищихъ встрѣчалъ индивидуумы, драгоцѣнные для кисти художника. Много было, по словамъ Чужбинскаго, набросано имъ въ то время живописныхъ фигуръ, хотя неизвѣстно, куда эти рисунки дѣвались впослѣдствіи. Срисовывая развалины Золотыхъ воротъ, поэтъ

художникъ нашелъ однажды между валами (въ то время они еще существовали) заблудившуюся трехлѣтнюю дѣвочку, посадилъ ее возлѣ себя на разостланный платокъ и изъ лоскутковъ бумаги дѣлалъ ей игрушки. Онъ готовъ былъ оставить ее у себя, если бы подлѣ Софійскаго собора не встрѣтилась мать, въ тревогѣ искавшая дѣвочку; ей онъ и вручилъ своего найденыша.

Среди этихъ занятій Шевченку, по словамъ Чужбинскаго, не разъ приходило желаніе написать большую картину. И мысль, и идея шевелились у него, и планъ неясно мелькалъ въ воображеніи; но онъ сознавалъ самъ, что родился больше поэтомъ, чѣмъ живописцемъ: во время обдумыванія картины, по его словамъ, „хто его знае видкиль несеться, несеться писня, складаються стихи, дывлюсь—уже й забувъ, про що думавъ, а мерщій напышешъ те, що навіялось“ [1]).

Къ тому же времени, т. е. къ веснѣ 1846 года, относится начало знакомства поэта-художника съ Н. И. Костомаровымъ, съ которымъ онъ быстро сошелся и читалъ ему свои новыя поэтическія произведенія, приводившія въ совершенный восторгъ художника-историка. Въ іюнѣ друзья разстались: „я (пишетъ Костомаровъ) отправился въ Одессу на морское купанье, а Тарасъ съ профессоромъ Иванишевымъ поѣхалъ раскапывать какой-то курганъ“.

Дѣйствительно, съ половины іюня Иванишевъ, по порученію Коммиссіи, приступилъ къ раскопкамъ могилы Перепета, въ васильк. у., близъ м. Фастова. Это была громадная группа кургановъ и насыпей разной формы и величины, расположенныхъ въ правильномъ кругѣ, и потому не удивительно, что раскопки продолжались, съ небольшими перерывами, съ іюня до начала октября. Главнымъ помощникомъ проф. Иванишева въ этомъ дѣлѣ былъ сотрудникъ Коммиссіи Прушинскій, ведшій правильный журналъ раскопкамъ и разсчитывавшійся съ рабочими, но здѣсь же находился и Т. Г. Шевченко, записывавшій, вмѣстѣ съ Прушинскимъ, народныя преданія и дѣлавшій рисун-

---

[1]) „Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка“, М. К. Чалаго, стр 53—59.

ки [1]). Раскопки Перепета, какъ извѣстно, не привели къ цѣннымъ археологическимъ результатамъ. Нѣсколько значительнѣе были поиски, произведенные въ то же лѣто на Бѣлокняжескомъ полѣ, гдѣ проф. Иванишевъ раскопалъ Малую и Острую могилы. Принималъ ли участіе въ ихъ раскопкѣ и Шевченко—неизвѣстно.

Между тѣмъ съ ранней весны того же 1846 года генералъ-губернаторъ Бибиковъ командировалъ нѣсколькихъ чиновниковъ своей канцеляріи въ разныя мѣста для археологическихъ поисковъ: въ мартѣ В. Осовскій былъ посланъ въ липовецкій уѣздъ, гдѣ онъ осматривалъ могилу Сороку, близъ м. Дашева, и записалъ нѣсколько народныхъ преданій; Тарасевичъ ѣздилъ въ полтавскую и черниговскую губерніи; Яниковскій снималъ виды кургановъ въ богуславскомъ и звенигородскомъ у.; Янишевскій былъ командированъ въ подольскую губ., Скорупскій въ волынскую. Т. Г. Шевченко въ теченіе весны и лѣта не былъ посыланъ никуда, очевидно, потому, что все это время онъ былъ занятъ—сначала срисовываніемъ древностей въ Кіевѣ, а затѣмъ участіемъ въ раскопкахъ вмѣстѣ съ проф. Иванишевымъ. Но осенью и онъ не избѣжалъ командировки. Въ дѣлахъ Коммиссіи сохранилась копія слѣдующаго предписанія, даннаго ему генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, отъ 21 сентября 1846 года:

„Сотруднику временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ Шевченкѣ.

„Поручаю вамъ отправиться въ разныя мѣста кіевской, подольской и волынской губерній и постараться собрать слѣдующія свѣдѣнія: 1) о народныхъ преданіяхъ, мѣстныхъ повѣстяхъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ, и всему, что вы узнаете, составить описаніе, а пѣсни, разсказы и преданія сколько можно списать въ томъ видѣ, какъ они есть; 2) о замѣчательныхъ курганахъ и урочищахъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ они есть и какія на счетъ собственно ихъ существуютъ на мѣстѣ преданія и разсказы, а также и историческія свѣдѣнія; съ этихъ

---

[1]) Журналъ Прушинскаго сохранился въ дѣлахъ Коммиссіи, но представленная имъ при рапортѣ особая тетрадь съ записью народныхъ преданій и девятью рисунками неизвѣстно куда исчезла.

кургановъ снять эскизы съ изображеніемъ ихъ формы и величины и описать каждый по собраннымъ свѣдѣніямъ. 3) Осмотрѣть замѣчательные монументальные памятники и древнія зданія и составить имъ описаніе, чтобы можно было распорядиться снять съ нихъ въ будущемъ году рисунки. Еслибы гдѣ-либо вы имѣли возможность достать какія-либо древности, письменныя грамоты и бумаги, то таковыя доставить ко мнѣ или, узнавъ, гдѣ онѣ находятся, о томъ донести. 4) Кромѣ того, отправьтесь въ Почаевскую Лавру и тамъ спишите: а) общій наружный видъ лавры, б) внутренность храма и в) видъ на окрестность съ террасы.—Всѣ собранныя вами свѣдѣнія, описанія и рисунки, по возвращеніи вашемъ въ Кіевъ, представить ко мнѣ. Подорожную и примѣрно на прогоны и кормовые 150 рублей сер., при расходной тетради, вы получите изъ моей канцеляріи".

Въ то-же время Т. Г. Шевченко снабженъ былъ слѣдующимъ „открытымъ предписаніемъ":

„Предъявителю сего, сотруднику Высочайше учрежденной при мнѣ временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, свободному художнику Шевченкѣ поручено собрать въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ разныя свѣдѣнія о народныхъ преданіяхъ и разсказахъ, о курганахъ, древнихъ памятникахъ, а также собрать древніе акты, бумаги и т. под.; почему предписывается городскимъ и земскимъ полиціямъ кіевской, под. и вол. губерній оказывать г. Шевченкѣ при исполненіи возложеннаго на него порученія самое дѣятельное законное содѣйствіе".

Кромѣ того, Т. Г. Шевченку были вручены четыре пакета для личной передачи губернаторамъ—подольскому и волынскому и преосвященнымъ—Арсенію, архіепископу подольскому, и Никанору, архіепископу волынскому: ко всѣмъ этимъ лицамъ Д. Г. Бибиковъ обращался съ просьбою „не оставить распоряженіемъ, чтобы г. Шевченкѣ оказываемо было, при исполненіи возложеннаго на него порученія, надлежащее законное содѣйствіе".

Какія именно мѣста посѣтилъ поэтъ-художникъ и какіе памятники древности были имъ осмотрѣны—неизвѣстно, такъ

какъ представленный имъ подробный отчетъ, вмѣстѣ съ рисунками и текстомъ народныхъ преданій, пѣсенъ и т. под., не сохранился въ дѣлахъ Коммиссіи. Можно полагать, что прежде всего онъ направился въ Каменецъ-Подольскій, потому что, спустя двѣ недѣли послѣ его выѣзда, получено было отъ архіепископа Арсенія письмо *отъ 2-го октября*, съ увѣдомленіемъ генералъ-губернатора, что, согласно его желанію, послано окружное предписаніе духовнымъ мѣстамъ и лицамъ подольской епархіи „о надлежащемъ содѣйствіи по собранію художникомъ г. Шевченкомъ разныхъ свѣдѣній о народныхъ преданіяхъ, древностяхъ и о прочемъ“; такое же увѣдомленіе, помѣченное 7 октября, получено было и отъ каменецъ-подольскаго гражд. губернатора, генералъ-майора Радищева. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что Шевченко посѣтилъ въ то время Почаевскую Лавру и успѣшно выполнилъ данное ему порученіе: объ этомъ свидѣтельствуютъ случайно сохранившіеся въ частныхъ рукахъ и лишь недавно разысканные *подлинные его рисунки*, изображающіе почаевскіе виды [1]). Въ дѣлахъ же Коммиссіи сохранился лишь рапортъ Шевченка (отъ 31-го декабря 1846 г.) на имя генералъ-губернатора съ представленіемъ остатка въ 34 р. 69 коп. изъ числа отпущенныхъ ему на поѣздку 150 рублей и шнуровой расходной тетради, которой, однако, нѣтъ въ дѣлѣ.

Въ первый день праздника Рождества Христова того же 1846 года Т. Г. Шевченко, какъ извѣстно, присутствовалъ, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, на вечеринкѣ въ квартирѣ Н. Гулака, гдѣ велись рѣчи о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ, подслушанныя сосѣдомъ и имѣвшія такое роковое послѣдствіе для участниковъ. Послѣ праздниковъ онъ уѣхалъ въ черниговскую губернію, но уже не по порученію Коммиссіи, а по собственной иниціативѣ. По свидѣтельству П. А. Кулиша, онъ отправился съ тою цѣлью, чтобы собрать свои рукописи, оставленныя имъ въ разныхъ домахъ, гдѣ онъ гостилъ въ послѣднее время. Дѣло въ томъ, что въ жизни поэта должны были совершиться важныя перемѣны: съ одной стороны, ему обѣща-

[1]) Объ этихъ рисункахъ см. сообщеніе въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ.

но было мѣсто учителя рисованія при кіевскомъ университетѣ, о чемъ хлопотала, въ числѣ другихъ, княгиня Репнина, близкая родственница тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, а съ другой—одна изъ его почитательницъ предложила денежныя средства, достаточныя для трехлѣтняго пребыванія поэта въ Италіи съ цѣлью усовершенствованія художественнаго его таланта. Хлопоты княгини Репниной скоро увѣнчались успѣхомъ, но Шевченко ничего не зналъ объ этомъ, безпечно предаваясь веселому бездѣлью среди гостепріимныхъ земляковъ. „Я оце й доси въ Борзни—писалъ онъ 1-го февраля Костомарову—и не роблю ничогисенько, лежу соби та й годи... подвизаюсь потроху то коло чарокъ, то що.. У Кіевъ страхъ йіхать не хочеться, а треба. Колыбъ то вы булы таки трудящи й добри, щобъ роспыталы, чи я утвержденый при университети, чи ни?.. Колыбъ то Богъ давъ мени прытулыться до университету, дуже бъ добре було! Напышить, будьте ласкави, якъ що добре почуете". Несмотря на собственное сознаніе необходимости поскорѣе возвратиться въ Кіевъ, поэтъ вскорѣ послѣ этого письма очутился въ Черниговѣ да и засѣлъ тамъ въ излюбленной имъ Цареградской гостинницѣ. Къ этому времени относится письмо къ нему Н. И. Костомарова, безъ даты, но, по всей вѣроятности, писанное въ февралѣ: „Тарасе! Докы ты, братику, сыдитемешъ у тій Цареградскій гостыныци? Прыйізды у Кіевъ: я запевне дознався, що тебе вже постановлено учителемъ малярского искусства въ университети, у выди опыта, якъ кажуть. Иванишовъ тоби кланяеться и каже, щобъ ты прыйіздывъ до Кіева. Ще разъ кажу тоби щобъ ты не гулявъ у Чернигови, колы нема пылного казенного дила". Но безпечный художникъ не внялъ дружественному призыву—и поплатился за это исключеніемъ изъ состава Коммиссіи. Вотъ подлинный актъ объ его исключеніи: „1847 г. марта 1-го дня. Временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, имѣя въ виду, что сотрудникъ Коммиссіи Шевченко безъ всякаго согласія Коммиссіи отлучился изъ Кіева и по Коммиссіи не занимается, опредѣлили: исключить его изъ числа сотрудниковъ Коммиссіи съ прекращеніемъ производившаго-

ся ему жалованья по 12 р. 50 коп. сер. въ мѣсяцъ". Подписали: предсѣдатель Н. Писаревъ, члены: В. Чеховичъ, Ал. Ставровскій, А. Селинъ, дѣлопроизводитель Н. Иванишевъ [1]).

Таковъ былъ финалъ непродолжительной службы Т. Г. Шевченка въ археографической коммиссіи. Вѣроятно, его своевременно увѣдомили о постигшей его непріятности, потому что послѣ этого онъ болѣе мѣсяца оставался въ Черниговѣ и главнымъ образомъ въ Сѣдневѣ, у Лизогуба. Между тѣмъ 31-го марта въ Кіевѣ были арестованы Костомаровъ, Гулакъ, Бѣлозерскій и др. Ничего не зная объ этомъ, Т. Г. Шевченко въ началѣ апрѣля разстался наконецъ съ черниговскими пріятелями и направился въ Кіевъ; но едва вступилъ на паромъ, служившій въ то время, по случаю разлива Днѣпра, средствомъ переправы, какъ съ нимъ (по его собственному выраженію) „таке трапылось, що противъ-ночи не треба й росказувать": его арестовали и черезъ нѣсколько дней отправили въ Петербургъ, а оттуда за Уралъ.

По причинѣ отсутствія изъ Кіева, Шевченко не получилъ изъ Коммисіи причитавшагося ему жалованья за январь и

---

[1]) Покойный И. П. Новицкій, сообщившій этотъ актъ для напечатанія въ „К. Старинѣ" (1882 г. мартъ), далъ ему въ своихъ коментаріяхъ невѣрное освѣщеніе. Во-первыхъ, онъ утверждалъ, будто это постановленіе состоялось *„послѣ ареста"* Шевченка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно состоялось болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до ареста. Во-вторыхъ, онъ какъ-будто недоумѣвалъ, какимъ образомъ Т. Г. Шевченко, состоявшій, по его мнѣнію, всего лишь „въ качествѣ рисовальщика" при Коммиссіи, могъ быть уволенъ за то, что „безъ всякаго согласія Коммиссіи (при этихъ словахъ акта коментаторъ ставитъ: *sic!*) отлучился изъ Кіева". Это недоумѣніе объясняется очень просто. Т. Г. Шевченко состоялъ не простымъ рисовальщикомъ при Коммиссіи, *а членомъ-сотрудникомъ*, утвержденнымъ въ этомъ званіи генералъ-губернаторомъ и получавшимъ опредѣленное содержаніе. Въ то время Коммиссія составляла не что иное, какъ одно изъ отдѣленій генералъ-губернаторской канцеляріи, правитель которой (Н. Э. Писаревъ) былъ вмѣстѣ и предсѣдателемъ Коммиссіи; поэтому всѣ лица, принимавшія участіе въ занятіяхъ Коммиссіи и получавшія жалованье, считались состоящими на государственной службѣ и потому подвергались всѣмъ ограниченіямъ, связаннымъ съ этимъ состояніемъ. Что актъ объ исключеніи Шевченка не былъ лишь намѣреніемъ Коммиссіи прилично оформить его выбытіе по случаю ареста (какъ склоненъ былъ, по-видимому, понимать его И. П. Новицкій)—лучше всего видно изъ того, что точно такое же постановленіе состоялось 3 іюня того же года относительно другого сотрудника Коммиссіи, рисовальщика Сенчилла-Стефановскаго, который ни аресту, ни высылкѣ не подвергался, но манкировалъ занятіями въ Коммиссіи. Впослѣдствіи онъ, однако, снова былъ принятъ на прежнюю должность.

февраль 1847-го года, которое, однако, по бухгалтерской книгѣ своевременно было выписано въ расходъ. Коммиссія долго не знала, какъ поступить съ этими деньгами, и наконецъ 20-го августа того же года составила слѣдующее журнальное опредѣленіе: „Такъ какъ художникъ Шевченко уволенъ отъ званія сотрудника Коммиссіи и въ настоящемъ году онъ не имѣлъ никакихъ по Коммиссіи занятій и не находится на лице, то выведенное въ расходъ жалованье его за январь и февраль мѣсяцы, всего двадцать пять рублей сер., не выдавать ему, а записать въ приходъ по книгѣ, о чемъ и предписать казначею".

Это—послѣднее упоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ въ дѣлахъ Коммиссіи.

Всего печальнѣе то обстоятельство, что сдѣланные имъ по порученію Коммиссіи рисунки, равно какъ и собранные во время экскурсій археологическіе и этнографическіе матеріалы не были употреблены въ дѣло и впослѣдствіи погибли безслѣдно. Та же печальная судьба постигла и всѣ вообще многочисленные и разнообразные матеріалы о древностяхъ югозападнаго края, какіе собраны были въ періодъ 1845—1848 гг. командированными для этой цѣли чиновниками генералъ-губернаторской канцеляріи, предводителями дворянства и другими административными и частными лицами. Располагая незначительными матеріальными средствами, Коммиссія изъ года въ годъ откладывала изданіе этихъ цѣнныхъ матеріаловъ; а тѣмъ временемъ лица, коимъ они передавались для просмотра и приготовленія къ изданію, выбывали и смѣнялись. Послѣ ухода Н. Э. Писарева, назначеннаго въ 1848 г. олонецкимъ губернаторомъ, и въ особенности послѣ перемѣщенія Д. Г. Бибикова, въ средѣ Коммиссіи вообще значительно охладѣлъ интересъ къ археологіи, а съ 1854 года для нея настали такія бѣдственныя времена, когда она, лишенная почти всякихъ денежныхъ средствъ, едва не прекратила своего существованія и всего менѣе могла помышлять объ изданіи когда-то собранныхъ ею археологическихъ матеріаловъ. Эта печальная эпоха, вѣроятно, и была временемъ ихъ безслѣднаго исчезновенія.

О. Левицкій.

„ПОПОКЪ".

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ[1]).

VII.

Мировой Судья, штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, Николай Ивановичъ Михалевскій, выѣхавъ на гору, отправился осмотрѣть свои поля и въ концѣ концовъ посѣвъ свеклы, которымъ онъ вотъ уже года два занимается. Сахарный заводъ платитъ хорошія деньги, и при томъ же заводоуправленіе всегда такъ любезно, обязательно: никакихъ никогда не дѣлаетъ притѣсненій, никакихъ придирокъ, на какія часто жалуются разные посѣвщики. Правда, у Николая Ивановича „все это ведется, знаете, по военному; ужъ очистка такъ очистка; чтобы, знаете, этакъ безъ браку совершенно, разумѣется, нельзя, но ужъ, знаете, не то, что у мужичишекъ, что знаете, всякую тамъ дрянь валятъ... Имъ, знаете, лишь-бы свекла, а ужъ тутъ, знаете, все по благородству". Ну, вотъ и сѣетъ свеклу, частію самъ, а частію въ компаніи, знаете, съ барынями; вотъ какъ напримѣръ—съ женою директора завода да съ женою управляющаго. „Такъ это, знаете, шутя вышло. Знаете, состоялась эта компанія на акціяхъ. Этакъ, знаете, барыни—пайщики Да!"—

Объѣхавъ свекловичный посѣвъ, судья спросилъ приказчика, сколько *народу*. Полюбовавшись „этими, знаете, миловидными физіономіями Едрышовскихъ московокъ полольщицъ", штабъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1894 г., № 1.

ротмистръ выбрался по межѣ на большую Лосневскую дорогу и покатилъ въ облакѣ пыли къ Андреевкѣ съ тѣмъ, чтобы, спустившись по мѣловой горѣ мимо общественныхъ магазиновъ къ винокурнѣ и мосту, проѣхать въ Бемовку на почту.

Отъѣхавъ отъ почты, мировой судья встрѣтился съ управляющимъ Бемовскимъ имѣніемъ, толстымъ и добродушнымъ Карломъ Теодоровичемъ Цигенбокъ, на неизмѣнной его парѣ пѣгашей.

— А—а Николай Ивановичъ! Моя поштеній! прокричалъ Цигенбокъ, останавливая толчкомъ въ спину кучера.

— Гутъ Моргенъ, Карлъ Теодоровичъ!—придерживая вспотѣвшую кобылицу, отвѣчалъ штабъ-ротмистръ. Я, знаете, уже свое хозяйство объѣхалъ, знаете; да и завернулъ на почту, а то у меня, знаете, сегодня некого послать. Знаете, всѣ въ полѣ, а Григорія услалъ, знаете, въ городъ...

— Ну что жъ! Я тоже билъ на свекла. Удивительно карошъ! Только тамъ на горкѣ пришлось подсаживайтъ.—Карошъ! Поѣдемъ къ намъ. Поварачивайтъ ваша кобила.

— Нѣтъ. Благодарю. Знаете, дѣла есть по службѣ.

— Ну—какой дѣла?! Дѣло не есть медвѣдь, не ходилъ лѣсъ. Ѣдемъ! Какой копченка Маргарита Адольфовна приготовила! Это такой, какъ это называть... польтокъ. Да, да польтокъ. Карошъ! Ѣдемъ! Новость имѣетса—огурецъ карошъ! Поворачивайтъ!—

Соблазнился мировой судья, оставилъ дѣло, которое не медвѣдь и въ лѣсъ не уйдетъ—по приведенной поговоркѣ, и, повернувъ лошадь, поѣхалъ въ экономію. Цигенбокъ не отставалъ на своей парѣ, и они одинъ вслѣдъ за другимъ въѣхали въ аллею каменною оградою окруженнаго сада, закрывавшаго съ этой стороны домъ и другія постройки.

Около крыльца пригорюнившись стояла, давно уже пришедшая сюда, мать Хведька. Едва рослый штабъ-ротмистръ въ сопровожденіи круглаго нѣмца подъ руку подружески стали входить на крыльцо, какъ несчастная Самчиха повалилась въ ноги Карла Теодоровича. Судья глянулъ свысока на бабу и,

высвободивъ локоть отъ руки хозяина, направился въ домъ, а Цигенбокъ остался озадаченный на крыльцѣ.

— Что такой? Что тебэ нужно? Ахъ какой глупый баба! Встань, говоры! Зачѣмъ эта поклонъ! я не попа.... Говоры!

За всхлипываніями и слезами трудно было и не нѣмцу понять чего нужно ей, но наконецъ кое какъ удалось ей объяснить добродушному Карлу Теодоровичу, о чемъ она проситъ. Онъ понялъ, что она проситъ помиловать ея сына, не *завдавать его никуда* и простить ему его проступокъ.

Карлъ Теодоровичъ вычиталъ цѣлую нотацію на тему невозможности вести дѣло, если всякій *шортъ* будетъ воровать въ экономіи, что онъ самъ своею рукою такого *шорта* всегда готовъ убить и непремѣнно будетъ *убивайтъ такой проклятый шортъ*, но въ концѣ концовъ сознался, что еще хорошо дѣла не знаетъ, а сдѣлаетъ все что можно, чтобы виновнаго не ссылали *увъ Сибиръ*. Самчиха еще раза два принималась падать въ ноги, но Карлъ Теодоровичъ каждый разъ повторялъ ей, что онъ „*не попа*“, и наконецъ, кое-какъ успокоивъ просительницу, вошелъ въ домъ, гдѣ уже за большимъ накрытымъ столомъ засталъ жену, красивую брюнетку, съ гостемъ.

— Это шортъ знаетъ что такой эта хохлюшка! Какой языкъ непонятный! Сичасъ кланяться въ ноги!.. Проклятый воловики бурачные сѣмена покрали, одинъ попался, такъ это мать его проситъ... Я говору: твой сынъ, шортъ проклятый, нужно карашенько воласти розгами пороть, чтобы помнилъ новый вѣникъ... плакаетъ... Ну шортъ съ тобой, пошла! Не люблю эта ссена! Ну мы пока, Николай Ивановичъ, какъ говоритъ полякъ, „жица время крутки, выпиваемъ вудки“—милости прошу... И наливъ гостю и себѣ, сталъ намазывать кусокъ хлѣба масломъ и накладывать копченымъ полоткомъ. Когда бутербродъ былъ готовъ, Карлъ Теодоровичъ взялъ рюмку, тронулъ ею другую, однимъ глоткомъ, раздувая и безъ того полныя щеки, выпилъ, сдѣлалъ гримасу и сталъ аппетитно закусывать.

Штабъ-ротмистръ не отставалъ отъ хозяина, при чемъ старался быть любезнымъ съ хозяйкой, разсказывая ей съ мно-

гократными „знаете“ какую то длинную исторію изъ временъ своей службы.

Въ эту минуту въ открытую дверь черезъ балконъ изъ сада ввалилась цѣлая гурьба дѣтей разныхъ возрастовъ, начиная съ подростка дѣвушки до маленькой дѣвочки. Все это были дѣти Карла Теодоровича и Маргариты Адольфовны, здоровыя, румяныя и замѣчательно красивыя—обоего пола. Всѣ они группировались около черной галки, которую вырывали одинъ у другого, спѣша похвалиться какими то новыми ея успѣхами въ обученіи. Маргарита Адольфовна, любовно поглядывая на всю эту компанію, не преминула поправить на нѣкоторыхъ изъ нихъ вздернутые и измятые костюмы, а Карлъ Теодоровичъ, разгладивъ одному мальчугану вспотѣвшіе волосы, при чемъ обнажилъ рѣзко отдѣляющійся бѣлый лобъ отъ загорѣлаго лица, весело сказалъ: „Ви посмотрите. Эта у насъ съ Маргаритой Адольфовной одинадцать такихъ! Посмотрите на эта маленькій звѣрокъ“ и потянулъ къ себѣ маленькую по третьему годку прехорошенькую дѣвочку въ затасканномъ нагрудникѣ.

— Ну, Альвинка—она у насъ называется Олэна—ну, это у тебя что?—показывая на носъ.

— Носъ—отвѣчала бойко дѣвочка.

— А это?—тыкая пальцемъ въ лобъ

— Льобъ

— А это?

— Лаза.

— А это?

— Уси

— А это?

— Сейка

— А это?

— Луки.

— А это?—шлепнувъ кое-куда.

— Это не холосо...

— Ха, ха!—разразился Карлъ Теодоровичъ. Она все называль, но какъ мать погрозила разъ, такъ теперь и „неха-

лосо... Всѣ смѣялись, смѣялась и дѣвочка, съузивъ свои глазенки и показывая рядъ бѣлыхъ мелкихъ зубовъ.

Маргарита Адольфовна приказала дѣтямъ помыть руки и приходить завтракать.

Вернувшаяся къ столу старшая дѣвочка по нѣмецки сказала отцу, что пришелъ Василь Фирсовичъ. Карлъ Теодоровичъ выпилъ еще одну рюмку и, пережовывая закуску, отправился въ кабинетъ, а гость остался въ столовой, гдѣ за столомъ усаживались подходившія дѣти.

Николай Ивановичъ продолжалъ бесѣдовать съ хозяйкой, ежеминутно отрываемой заботами о кормленіи дѣтей.

Немного погодя вошелъ Карлъ Теодоровичъ и еще съ порога началъ разсказывать, что воловики, *„шерти проклятые“*, украли полмѣшка свекловичныхъ сѣмянъ, продали кабатчику и что старшина *„Шапля“* составилъ актъ и теперь дѣло уже передано Николаю Ивановичу, что встрѣченная на крыльцѣ баба—мать уворовавшаго сѣмена, что онъ ей обѣщалъ дѣло уладить, а потому и нужно его прекратить, что онъ этого воловика знаетъ „Ми самъ будемъ наказывайтъ, и судъ не нужна. Пожалюста!—

— О, нѣтъ! Это, знаете, кража,—прекратить нельзя; знаете, законъ—возразилъ Судья.

— Какой шортъ законъ? Это молодой ребята баловаться... Морда побить—и вся законъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! знаете, пропускать не слѣдуетъ, меня и Африканъ Михайловичъ просилъ, знаете, да и я самъ, знаете, спуску ворамъ не даю. У меня, знаете, по военному: виноватъ—отвѣчай... Вору, знаете, у меня нѣтъ пощады.

— О я самъ эта шортъ не люблю. Только эта не карашо: сичасъ судъ, тюрма. Эти, шортъ побираетъ, тюрма, не карошъ. Ви пожалюста какъ нибудь на волосній судъ... Тамъ это карашо. Я здѣсь шесть лѣтъ и не люблю никогда турма. Зачѣмъ турма?! Кричалъ, ругался, морда билъ!.. Зачѣмъ судъ?! Ви пожалюста!

— Нѣтъ, нѣтъ и не просите, знаете, законъ—и все тутъ. Ну, впрочемъ я засидѣлся, знаете; мое почтеніе! Такъ барыши

считаемъ, Маргарита Адольфовна; знаете, свеколка не прошлогодняя! Ха, ха! До свиданья!

И ловко раскланявшись, Николай Ивановичъ, провожаемый добрякомъ хозяиномъ, пошелъ въ переднюю, гдѣ только и слышно было „пожалюста“ Карла Теодоровича и „нѣтъ, нѣтъ, законъ знаете“—судьи...

VIII.

Солнце уже свернуло съ полудня, когда подъѣхавшій къ дому Николай Ивановичъ громко, по военному, позвалъ сторожа и, велѣвъ ему выпречь и выводить кобылу, спѣшно пошелъ въ камеру.

Сотскій съ Хведькомъ пріютились въ затѣненной сторонѣ дома и спали, первый—сидя и облокотившись объ стѣну, а второй—растянувшись на землѣ. Тутъ же недалеко подъ телѣгой съ выпряженною лошадью сидѣли два москаля, выпрямившихся и снявшихъ шапки при видѣ проходившаго судьи.

— Вы что? — бросилъ имъ мимоходомъ вопросъ судья.

— Да все къ твоей милости. За скопіями— письмоводитель баетъ, тебѣ только подписать.

— Это о лѣсной порубкѣ?

— Да тамъ нашей причины нѣтъ ни вотъ сколько, хотя онъ и доказывае на насъ, такъ это все по злобѣ.

— Ну, объ этомъ нечего толковать. Съѣздъ не отмѣнитъ моего приговора, знаете. Это ужъ вѣрно, знаете...—и пошелъ на крыльцо.

Встрѣченный въ пріемной письмоводителемъ, судья спросилъ, есть ли что, и въ камерѣ усѣлся на судейское мѣсто.

Письмоводитель подалъ цѣлую кипу бумагъ, требующихъ подписи. Закуривъ папироску и вздѣвъ на носъ пенсне, судья началъ шибко подписывать бумаги, изрѣдка только спрашивая „а это что?“

Письмоводитель объяснялъ, подписанныя бумаги присыпая пескомъ, и такъ дошло дѣло до акта о кражѣ сѣмянъ.

— А это еще что? — спросилъ судья.

— Прислали изъ волости съ арестантомъ. Сѣмена бурячные въ экономіи покрали.

— А, знаю! И судья разорвалъ пакетъ, сѣлъ, помѣтилъ и сталъ читать, сдвинувъ брови. Прочиталъ онъ, бросилъ бумагу къ прочимъ и хотѣлъ было вставать изъ-за стола, но письмоводитель спросилъ, что же дѣлать съ арестантомъ.

— Да онъ развѣ здѣсь? Я рапорта, знаете, и не прочиталъ; зовите сюда. Впрочемъ, знаете, напишите въ волость, чтобы отобрали подписку о неотлучкѣ изъ мѣста жительства, знаете... И онъ размашисто написалъ въ концѣ акта постановленіе—Напишите сейчасъ. Послѣ прійдете ко мнѣ въ домъ: тутъ еще есть съ почты кое что... И вышелъ изъ камеры.

Письмоводитель, торопившійся обѣдать, не замедлилъ написать бумагу въ волостное правленіе объ отобраніи отъ Хведька подписки о неотлучкѣ изъ мѣста жительства, сбѣгалъ къ судьѣ для подписи и, запечатавъ конвертъ, вмѣстѣ съ разносною книжкою передалъ проснувшемуся сотскому, приказавъ прислать сегодня же книжку обратно. На вопросъ сотскаго о томъ, что дѣлать съ арестантомъ, сказалъ только:

— Ступай! тамъ все написано — и пошелъ обѣдать, такъ какъ уже было 3 часа дня.

Въ волости Хведька опять заперли въ арестантскую, такъ какъ кромѣ дида Смалька никого не было,—даже и стойщики-десятскіе ушли обѣдать.

Сотскій, передавъ приказъ объ отсылкѣ книжки въ камеру сейчасъ же, какъ только кто изъ писарей прійдетъ, направился домой; а Смалько опять сунулъ Хведьку кусокъ черстваго хлѣба и улегся на „скрынѣ" [1]) спать.

Отупѣлый, усталый Хведько сидѣлъ на полу арестантской и держалъ поданный ему хлѣбъ. Мысли путались въ головѣ; онъ ничего не понималъ изъ того, что съ нимъ творится. Зачѣмъ его водили къ судьѣ, зачѣмъ тамъ продержали чуть не цѣлый день? Равно не понималъ онъ и того, осудилъ ли его уже

---

[1]) Скрыня—сундукъ. Въ волостныхъ правленіяхъ деньги и документы хранятся въ такихъ скрыняхъ и на нихъ обязательно спятъ сторожа.

судья, или еще будетъ что-то страшное съ нимъ продѣлывать. Ему казалось, что въ той книжкѣ, которую при немъ передалъ сотскій диду Смальку, заключается именно все то страшное, что должны съ нимъ совершить, что это и есть отдача его въ руки почему-то озлобившагося на него старшины, который уже „кудысь то его завдасть". Старшина представлялся ему какимъ то палачемъ, имѣющимъ совершить надъ нимъ съ особеннымъ злорадствомъ казнь. Въ немъ, въ старшинѣ, онъ видѣлъ единственнаго по сю пору своего преслѣдователя и чуть не единственную причину всего случившагося съ нимъ. Невидѣнный имъ судья въ его воображеніи представлялся только орудіемъ зложелательствъ къ нему старшины.

Въ этихъ размышленіяхъ все больше и больше разгоралось въ немъ чувство озлобленія и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе своей силы. Ему казалось, что, попадись въ эту минуту въ его руки этотъ его преслѣдователь-старшина, онъ могъ бы разорвать его на-двое, задушить своими руками. Не сразу, разумѣется, онъ дошелъ до этого чувства злости; его флегматичная натура и непривычка къ выводамъ и умозаключеніямъ не допускали въ немъ моментальной вспышки, но чѣмъ медленнѣе все это озлобленіе разрабатывалось въ его существѣ, тѣмъ сильнѣе и устойчивѣе оно въ немъ засѣдало и разгоралось. Въ теченіе этихъ двухъ-трехъ часовъ сидѣнья въ арестантской, пока пришелъ писарь и послалъ за старшиною, Хведько дошелъ до высшей степени возбужденія, такъ что, услыхавъ голосъ пришедшаго старшины, онъ, вскочивъ на ноги, такъ застучалъ въ дверь, что старшина и писарь поспѣшили выслать къ нему дида Смалька.

— Чого тоби?—спросилъ дидъ, не отпирая двери: сыды, ось заразъ тебе выпустять до дому; я чувъ, якъ воны суперечалысь: старшына каже, що не можно выпускать, а Андрей Мытровычъ вычитавъ бумагу, що мыровый прыславъ, щобъ выпустылы... Заразъ тебе поклычуть...

Хведько стоялъ около дверей и не зналъ, вѣрить или не вѣрить словамъ дида. Ему и въ голову не приходило, что его могутъ освободить, что съ нимъ не будутъ ничего дѣлать. Въ

это время онъ услыхалъ за дверьми всхлипываніе и узналъ шепотъ матери, которая о чемъ-то спрашивала очевидно у Смалька. Дидъ буркнулъ только:—Ось заразъ его выпустять,—и пошелъ изъ сѣней.

Мать воспользовалась возможностію поговорить, подошла къ двери арестантской и тихо сказала:

— Заразъ тебе пустять; я ходыла до Карла, прохала его—винъ казавъ, що помылують.

Эти слова для Хведька объяснили все непонятное: ему казалось, что Карло все сдѣлалъ и не дастъ его на пожраніе жестокому старшинѣ.

Въ это время онъ услыхалъ шаги дида, затѣмъ возню около двернаго замка, и двери его темницы отверзлись. Дидъ Смалько держалъ одной рукою дверь, противъ которой стояла съ краюхой хлѣба, завязаннаго въ полинялый платочекъ, его мать. Она не была увѣрена въ успѣхѣ своего ходатайства и потому захватила хлѣба для сына. Увидѣвъ его, старуха заплакала и еще больше какъ то съежилась.

Хведько только глянулъ па мать и сейчасъ же отвернулся, насупивъ густые черные брови, и по указанію дида пошелъ въ присутственную комнату правленія, куда несмѣло послѣдовала старая Самчиха.

Тамъ за столомъ сидѣли писарь и старшина. Первый очевидно куда то торопился, потому что укладывалъ бумаги и сказалъ старшинѣ:

— Вы только прикажите, чтобы не отлучался никуда до суда, и пойдемте.—

Разносная книжка мирового судьи и волостного правленія съ запечатаннымъ уже конвертомъ, въ коемъ находилась подписка, отобранная *отъ крестьянина слободы Андреевки Федора Андреева Самченкова*, о неотлучкѣ его изъ мѣста жительства, подписанная за неграмотнаго Хведька какимъ то Вѣтровымъ, лежала на столѣ.

Но старшина не могъ ограничиться только приказаніемъ о неотлучкѣ; онъ считалъ нужнымъ эту процедуру исполнить съ подобающею важностію и соблюденіемъ своего достоинства.

— Ну! теперъ я тебе отпущаю. Иды, та не заходь никуды далеко зъ слободы, бо от-тутъ и пидпыска одъ тебе иміеться—показалъ онъ на конвертъ и на разносную книжку.

При этихъ разрѣшительныхъ словахъ старшины старая Самчиха, стоявшая по сю пору у притолки дверей, выдвинулась впередъ и повалилась въ ноги старшинѣ.

— И спасыби жъ вамъ Васыль Прокоповычъ, що вы оце за насъ бидныхъ устоюте, та захищаете! Дай Богъ вамъ здоровья и усякого добра!.. И старуха билась лбомъ объ полъ, обхватывая ноги старшины.

Эта неожиданная благодарность и возвеличеніе возбудили самомнѣніе Чаплія или, какъ онъ подписывался, Чапліова. Онъ не проминулъ и въ этомъ разѣ явить свое достоинство, самоусладительно повеличаться.

— Ты въ ногы не падай, а краще-бъ було навчать дитей на добро, щобъ не балувалысь, та началство не турбовали. Що тамъ мыровой? Я-бъ по своему ихъ повчывъ! Якъ бы оце по прежнёму, якъ було за панивъ, такъ узялы бы на конюшню по переду усёго тебе, стару суку, выхлосталы-бъ, а тоди вже й сыночка разложылы, та всыпалы-бъ такыхъ, щобъ памятка була..—говорилъ внушительно старшина.

Улегшееся было уже у Хведька чувство озлобленія къ старшинѣ при послѣдней его рацеѣ снова вспыхнуло. Ему такъ стало жалко старой плачущей и припадающей къ ногамъ матери, ему такъ противною показалась вся напыщенность внушенія старшины, высказываніе своихъ желаній сѣчь его несчастную мать, его самого, что онъ не выдержалъ, поднялъ за локоть съ полу старуху и опять, также какъ и вчера, грозно сказалъ:

— Буде, ходимъ! Чого вы ёму кланяетесь? Аже Карло казавъ, що простыть... Ходимъ!—

Старшина сразу было опѣшилъ отъ такого неожиданнаго перерыва его рацеи и отъ замѣшательства и злости не могъ произнести ни слова, а только когда уже Хведько съ матерью вышли въ сѣни крикнулъ:

— Зупыны його! Увзять пидъ арестъ! Ачъ яка тварюка!..

Но писарь, которому нужно было поскорѣе отдѣлаться и который понималъ всю усложненность дѣла этимъ вторичнымъ арестомъ, сталъ успокаивать разгнѣваннаго Чаплія.

-- Что вы?! Что вы?—Василь Прокофовычъ? Стоитъ обращать вниманіе на всякую дрянь! Вы всегда успѣете свое сдѣлать. И на судѣ вы можете сказать судьѣ про него, да и послѣ всегда можно будетъ по волостному суду... А то вѣдь можетъ выйти еще какая кляуза, пойдутъ жалобы къ адвокату—и пошла писать...

Вскочившій было изъ-за стола старшина сѣлъ, но еще не успокоился.

— Ачъ яка гадына! Постой же!—повторилъ онъ ворчливо, но ничего больше не предпринималъ, остановившись вниманіемъ на весьма кстати ввернутомъ писаремъ страшномъ словѣ „кляуза“, усиленномъ въ его значеніи упоминаніемъ адвоката.

Хведько съ матерью, никѣмъ не удерживаемые, спѣшно ушли изъ волостного правленія, на крыльцѣ коего вскорѣ показался десятникъ съ разносными книжками, а затѣмъ и старшина съ писаремъ, тутъ же и распрощавшіеся.

Остался одинъ только дидъ Смалько, ворчавшій, очевидно, по поводу случившагося.

— Почне велычаться, знущаться! Такъ одна тильки звада!..

IX.

Хведько чуть-чуть не пустился бѣжать, вышедши изъ волостного правленія. Обтирающая слезы и сморкающаяся мать еле поспѣвала за нимъ. Они шли около построекъ винокурни, одинъ длинный сарай которыхъ глухою стѣною выходитъ на ярмарочную площадь. Впереди виднѣлось высокое съ тонкими вентиляціонными трубами зданіе сушки, а дальше торчала высокая труба главной паровичной топки завода. Уже вечерѣло; но народу не видно было: еще не возвращались ни люди, ни стада съ полей.

Шедшій впереди матери Хведько вдругъ сталъ замедлять шаги, увидѣвъ отъ моста идущихъ съ холстомъ на коромыслахъ

женщинъ. Ему стыдно было встрѣчаться съ кѣмъ бы то ни было; ему казалось, что уже всѣ знаютъ про случившееся. Пріотставъ шага на два отъ матери, онъ вдругъ буркнулъ:

— Идить сами, а я пійду горою по-за заводомъ... И, свернувъ немного влѣво, пошелъ шибко на гору за сушкой, избѣгая какихъ бы то ни было встрѣчъ.

Поднявшись на гору, Хведько почувствовалъ себя внѣ всякой опасности: здѣсь его никто не встрѣтитъ, никто не станетъ разспрашивать и... никто не возьметъ его опять въ арестантскую. Онъ, казалось, въ эту минуту готовъ былъ силою отстоять себя. Тихій и хмурый по сю пору, въ эти послѣдніе дни, когда въ немъ загорѣлось чувство любви къ Мелашкѣ, когда онъ столько перестрадалъ душой, онъ почувствовалъ приливъ какой-то воспрянувшей въ немъ физической силы и рѣшимости.

Онъ легъ на горѣ. Внизу подъ горою широко разстилалась панорама селъ, освѣщенныхъ яркими лучами спустившагося уже почти совсѣмъ къ горизонту солнца. Слободы съ ихъ бѣлыми хатами, церквами, двумя заводами, винокуреннымъ и сахарнымъ, обширныя левады и блестящая лента рѣки занимали всю широкую долину и небольшими перерывами тянулись вверхъ и внизъ, теряясь въ синѣющей дали. Къ востоку легкимъ подъемомъ шла обширная площадь поля, испещренная поближе къ селу прямоугольными узорами посѣвовъ и сливающаяся въ дали съ горизонтомъ, чуть чуть очерчиваясь кое гдѣ курганами. Въ гущинѣ ближайшаго садка начиналъ пощелкивать соловей, а въ вербахъ левадъ закуковала кукушка. На виднѣющихся изъ-за высокихъ вербъ огородахъ копошились бабы, поливая капусту; дымки стали подыматься по садкамъ, гдѣ обыкновенно лѣтомъ варятъ пищу; по балкѣ съ откоса горы спускалось стадо...

Хведько лежалъ и любовался. Прилившая энергія и сила подъ впечатлѣніемъ этой картины, при мысли о возможности быть удаленнымъ отсюда куда-то далеко, куда *„завдають“* провинившихся, упала, и онъ ослабѣлъ духомъ, загрустилъ опять. Хотя онъ никогда и не создавалъ себѣ никакого идеала будущей своей жизни, не задавался даже мыслію о томъ, какъ будетъ жить, но теперь чувствовалъ, что что-то такое случилось,

что́ выбиваетъ его изъ обычной колеи, что́ нарушаетъ общій ритуалъ мужицкой жизни. Онъ боялся думать про Мелашку, отношенія къ которой, при всемъ пылѣ вспыхнувшей страсти, до сего времени онъ считалъ однимъ изъ жизненныхъ отправленій. Въ ней онъ видѣлъ свою дивчину, съ которой онъ по заведенному обычаю будетъ гулять на юлыци, спать на досвиткахъ, и на которой онъ женится, такъ какъ она ему нравится и вполнѣ подходитъ по ихъ взаимному положенію подъ понятіе невѣсты. Такъ это дѣлалось вокругъ его въ средѣ молодежи на его глазахъ, такъ—слышалъ онъ—поженились его отецъ и мать, такъ и ему предстояло пройти всѣ эти стадіи жизни крестьянина. Но теперь онъ сознавалъ, что этотъ порядокъ нарушается; онъ смекалъ, что еще не все кончилось въ дѣлѣ о сѣменахъ, хотя и не зналъ навѣрное, что́ такое именно будетъ. При мысли о Мелашкѣ онъ задавался вопросомъ о томъ, не отстранится ли теперь она отъ него, но какъ только въ мысляхъ наталкивался на возможность засылки его куда то и тѣмъ самымъ разлуки съ Мелашкой, ему становилось такъ больно, что онъ старался не думать о ней.

Всѣ эти размышленія опечаливали его. Ему становилось жаль самого себя.

Свечерѣло уже совсѣмъ. Дымъ отъ огнищъ стлался надъ садками; по слободѣ слышно было мычаніе коровъ, кой-гдѣ лай собакъ. Даль все больше и больше заволакивалась туманною дымкою; на освѣщенномъ еще небѣ запада загорѣлась заря, а затѣмъ и другія звѣзды начали показываться.

Хведько схватился и пошелъ внизъ черезъ большой экономическій садъ. Перепрыгнувъ черезъ одинъ-другой плетень, онъ вышелъ на дорогу около рѣки и затѣмъ пошелъ не улицей, а левадами и садками крестьянскихъ усадьбъ. Левады, садки и огороды, по которымъ онъ пробирался домой, были или вовсе не загорожены, или только отдѣлялись иногда канавками и рѣдко небольшими плетнями. Никто бы не удивился, если бы даже встрѣтилъ его у себя на огородѣ, а особенно въ уваженіе къ его *парубоцтву*, но онъ тѣмъ не менѣе шелъ крадучись, боясь встрѣтиться съ кѣмъ бы то ни было, и воровски пробирался са-

мымъ берегомъ рѣки по протоптанной дорожкѣ, минуя грядки капусты, кладки къ рѣкѣ, и кое гдѣ парники розсадные на столбикахъ. Соловьи такъ и заливались по садамъ; въ прибрежномъ камышѣ тоже что-то чирикало, да лягушки квакали на томъ берегу.

Такъ онъ прошелъ нѣсколько огородовъ хорошо ему знакомыхъ Колтуновыхъ, Мирошниченковыхъ, Дубоваго, Журиленка, цѣлый рядъ Толочковыхъ, вдовы Софы, Настюченка, и наконецъ вошелъ въ садъ Коткова. Для него этотъ садъ не былъ садомъ Котка, а садомъ Мелашки безъ всякой фамиліи. Отсюда было уже не далеко, только черезъ два огорода, и до своего сада. Огородъ Мелашки вдавался косою въ рѣку, и Хведьку пришлось идти не надъ водою, а повыше капустниковъ протоптаною дорожкой. Тихо было въ саду,—слышенъ былъ шелестъ листьевъ на высокой осинѣ. Выткнувшись изъ-за калиновыхъ кустовъ на широкую дорожку, ведущую отъ двора къ рѣкѣ, Хведько послышалъ въ сторонѣ сада какое-то всхлипыванье. Онъ остановился и даже подался назадъ въ кусты, боясь показаться на дорожкѣ. Кто-то всхлипывалъ и чмыхалъ носомъ очень близко отъ него, шагахъ въ пяти-шести подъ развѣсистой яблоней. Онъ припалъ къ землѣ и сталъ прислушиваться, но въ тѣни ничего не могъ высмотрѣть. Что-то *маячило*, но кто это—онъ не могъ узнать. Такъ и остался онъ на мѣстѣ, припавши къ землѣ. Подъ яблоней послышался вздохъ—и опять все затихло.

Въ сторонѣ двора послышался скрипъ воротъ и вслѣдъ затѣмъ окликъ.

— Мелашко! чы ты скоро тамъ? Несы!

— Та иду-жъ!—отозвался другой голосъ тутъ же около Хведька подъ яблоней.

Это была Мелашка. Поднявши ведра, она направилась по дорожкѣ въ сторону двора.

Какъ ужаленный, вскочилъ Хведько и однимъ скачкомъ очутился около дѣвушки, которая испугалась и чуть не бросила ведеръ съ коромысломъ.

— Це я, не лякайся! шепотомъ сказалъ Хведько и схватилъ ее за руку.

— А!—только и могла произнести Мелашка. Они ничего не могли сказать другъ другу. Первая пришла въ себя Мелашка.

— Пусты—сказала потихоньку она... Иды до дому; тамъ маты твоя за тобою убывается, а згодомъ прыходь сюды, я выйду... И оправивъ плечомъ коромысло, она пошла по дорожкѣ.

Хведько остался на мѣстѣ и черезъ нѣсколько минутъ послышалъ голосъ Мелашкиной матери, Катри Котыхы, которая приказывала вылить воду въ „*зризокъ*“.

Онъ пошелъ дальше и черезъ нѣсколько минутъ смѣло уже подходилъ къ крыльцу своего дома, отмахиваясь отъ ласкающейся собаки Рябка.

Старуха Самчиха укладывалась было уже въ сѣняхъ, когда заскрипѣли ступеньки расшатаннаго крылечка. По ласкательному визгу Рябка она узнала, что это идетъ Хведько, и отсунула засовъ дверей.

— Це ты?—спросила старуха и, не дожидаясь отвѣта, продолжала: роздягайся, повечеряешь; я зварыла галушечокъ.

Хведько скинулъ черкеску и сѣлъ на лавкѣ. Приглашеніе матери повечерять напомнило ему, что онъ не ѣлъ еще отъ вчерашняго вечера, такъ какъ кусокъ хлѣба, данный ему дѣдомъ Смалькомъ, такъ и остался нетронутымъ въ арестантской, и потому ему очень захотѣлось ѣсть.

Старуха засвѣтила *каганецъ* и подала на столъ въ мискѣ еще не совсѣмъ простывшія галушки, набравши ихъ изъ казанка, въ которомъ онѣ варились на огородѣ. Хведько помылъ руки и сѣлъ вечерять.

— Варылы уси у Хряпчихы на городи; тамъ и Котыха варыла. Мелашка прыйшла съ Иржавця, такъ розсказувала, що тамъ уся челядь гомоныть що тебе занапрасно тягають, що симья вкравъ Цюпенко та Котлярывъ Йосыпъ, такъ и Чумакъ дидъ розсказуе...—говорила мать, пока сынъ ѣлъ.

— Я вже не знала, що й думать, що оце тебе такъ довго не було... Ты бъ такъ и розсказавъ началныкамъ... А то, бачъ, хто наброивъ, а тоби одному у одвиты буть! Це хоть кому сказать! Карло казавъ, що простыть... Тутъ вже такого наказалы... И у Сибирь, у тюрму... Ще якось казалы... у ротъ рештанскый,

чы якъ тамъ... Бачъ, якъ тоди ото цей самый Цюпа продавъ Жердеву вирёвку, такъ и выкрутывся, тилько й того, що старшына побывъ, а мыровый оправывъ—толковала старуха, сидя на другомъ концѣ стола и смотря на сына, молча хлебающаго юшку съ галушками.

При словахъ матери о томъ, что старшина билъ Цюпу, Хведько вздрогнулъ, но затѣмъ опять продолжалъ вечерять.

— Якъ бы такы хоть батько бувъ дома, усе бъ такы не то. Винъ бы, знавъ кого и якъ попросыть, чи помогорычить тамъ кого пидъ цей случай. А то хто його знае, якъ и до кого прыступыть. Такъ усе одно, якъ ти сыроты безъ батька... Старуха входила въ жалобный тонъ и, разстроенная цѣлодневнымъ плачемъ, не выдержала и заплакала.

Сынъ насупился и сказалъ:

И чого плакать?!—Больше онъ не могъ ничего придумать въ утѣшеніе, положилъ ложку, обтерся рукавомъ, всталъ изъ-за стола, помолился и опять сѣлъ на лавкѣ въ раздумьѣ.

Старуха молча прибрала миску, покрыла настольникомъ лежавшую на столѣ краюху хлѣба и, стоя уже передъ сыномъ, начала опять:

— А тутъ оце й хлиба у насъ уже не багатечко. Пшеничного ще трохы есть, а жытнёго—такъ якъ на два або тры печыва. Я то усе думала, що хоть трохы дадуть зъ конторы, колы воны строковымъ выдають, а дивчата—що тамъ воны зароблять?!... Горпыни хоть по 15 копіекъ якъ и усимъ дають, а Польци й того нема—высказывала она свои заботы.

Хведько всталъ и потянулся къ черкескѣ и за шапкой. Мать повернулась къ каганцу, не переставая говорить.

— Тоби треба завтра пійты туды—(подразумѣвалась экономія)—вже жъ що небудь та скажуть. До самого Карла треба доступыться... Ты дежъ ляжешь? на присинкахъ? Такъ возьмы рядныну та подушку—добавила она вслѣдъ выходящему изъ хаты въ сѣни Хведьку.

— Ни, я ляжу тамъ... де небудь пидъ повиткою, або у половныку—отвѣтилъ нерѣшительно Хведько, ушелъ съ крыльца и направился къ заднимъ воротамъ двора.

Потушила старуха каганецъ, задвинула сѣни и вздыхая легла около давно уже спавшихъ дочерей, Горпыны и Польки.

Хведько тѣмъ временемъ пробирался по садамъ къ Мелашкѣ; шелъ онъ сначала не спѣша, обдумывая все высказанное матерью, а еще болѣе размышляя о томъ, какъ ему идти завтра въ экономію и что ему и кому тамъ говорить; но по мѣрѣ приближенія къ саду Котка, онъ началъ ускорять шаги, а послѣ, бросивъ всѣ заботы, всѣ эти неразрѣшимыя имъ задачи, шибко пошелъ подъ яблоню.

Мелашка была уже тамъ. Она сидѣла на землѣ и при приближеніи Хведька тихонько кашлянула.

Хведько сѣлъ около нея и взялъ ее за руку. Говорить изъ нихъ никто не начиналъ. Такъ сидѣли они молча рядомъ, рука въ руку, и словно токъ пробѣгалъ по нервамъ каждаго изъ нихъ и заставлялъ отъ времени до времени сильнѣе сжимать другъ другу руки.

— Що жъ ты ничого не кажешъ?—первая начала Мелашка, высвободивъ свою руку.

— А щожъ я скажу?—отвѣтилъ Хведько: Ты-жъ сама усе знаешъ... бачъ яка напасть, хто его знае, що буде...

Мелашка, какъ бы вспомнивъ угрожающую ему опасность, вдругъ обхватила его за шею руками, припала на его плечо и разрыдалась.

Несчастный парубокъ окончательно растерялся; онъ слышалъ ея плачъ, на плечѣ чувствовалъ ея слезы, ощущалъ ея вздрагивающее тѣло и не зналъ, что ей сказать, чѣмъ унять ея рыданія. Только и могъ онъ обнять ее и посильнѣе прижать къ себѣ. По сю пору, при обдумываніяхъ своего положенія, ему становилось жалко самого себя, и даже при мысли о Мелашкѣ жалость его имѣла чисто эгоистичный характеръ: ему больно было утерять ее, прервать отношенія съ нею, представлять ее принадлежащею кому другому; въ настоящую же минуту ему жалко стало ее, ему было больно потому, что она страдала. Чего бы только онъ не далъ въ эту минуту, чтобы унять ея рыданія, утолить ея душевную боль, силу которой онъ видѣлъ и чувствовалъ въ этомъ плачѣ, вздрагиваніи, въ этихъ нерв-

ныхъ объятіяхъ, которыми она какъ бы старалась удержать его при себѣ, воспротивиться всякой разлукѣ.

Бѣдный Хведько только прижималъ ее къ себѣ, но не находилъ словъ къ утѣшенію и даже не умѣлъ ласкою какъ нибудь отвѣтить на ея выраженія любви и страданія. Подбородокъ его ощущалъ прильнувшіе къ его груди волосы ея головы, съ которой ссунулся головной платочекъ, и онъ наконецъ со словами „буде, буде, не плачъ“ началъ гладить ее по волосамъ. Отъ этой ласки еще судорожнѣе забилась несчастная дѣвушка у него на груди. Причитывала Мелашка, выливая въ этой импровизаціи и слезахъ свое горе, и все это шепотомъ, что еще болѣе придавало страстности ея выраженіямъ.

Не выдержалъ и Хведько, повернулъ немного ея голову и, припавъ устами къ ея лбу, началъ тоже плакать.

Какъ взаимодѣйствующія двѣ силы уничтожаются, такъ слезы Хведька отрезвили Мелашку, и она, переставъ плакать, начала утѣшать друга.

— Ще може, Богъ дасть, воно й такъ обійдеться—сказала она. Погримають—тай ничого не буде.

Эта надежда ободрила Хведька, и они начали шепотомъ толковать про дѣло. Бойкая и умная Мелашка настаивала на томъ, что онъ не виноватъ и не обязанъ отвѣчать за чужіе грѣхи, что ему слѣдуетъ разсказать всю суть дѣла и тѣмъ снять съ себя всякую отвѣтственность. Хведько въ минуту этихъ внушеній готовъ былъ исполнить совѣты, но онъ никакъ не могъ себѣ представить, какъ это онъ будетъ объясняться передъ Карлой, а еще болѣе передъ ненавистнымъ старшиною. Но тѣмъ не менѣе онъ на внушенія и совѣты отвѣчалъ: „Такъ що жъ, такъ и скажу, такъ и розскажу!“

Мелашка тихимъ шепотомъ вела безконечный разсказъ о томъ, какъ на „*курени*“ узнали про случившееся, какъ всѣ въ одинъ голосъ порѣшили, что сдѣлать этого не могъ „*Попокъ*“, что къ вечеру откуда то стали извѣстны подробности этого дѣла, что старый Чумакъ „гримавъ“ на Цюпенка за то, что онъ подвелъ Хведька, и даже сильно выругалъ его, что она, Мелашка, хотѣла было, когда Карло объѣзжалъ плантаціи,

подойти и прямо ему разсказать; какъ она тосковала цѣлый день и какъ, когда полольщицъ часть свели на другую плантацію, а они *„ще сонце не сило“* какъ кончили полку на Иржавцѣ, она записалась и пошла домой съ Дудецькою Параскою; какъ она нарочно заходила до Параски, чтобы послѣ имѣть возможность пройти мимо волости, какъ она постояла у двора Михеихи и все смотрѣла на крыльцо волости; какъ, наконецъ, она увидала мать Хведька и чуть-чуть было не расплакалась... и т. д. и т. д... Какъ шелестъ листьевъ, какъ шумъ ручейка текла рѣчь дѣвушки, обнимавшей и обнимаемой, прижимающейся и прижимаемой парубкомъ. Такъ и не *счулысь* они, какъ прошла короткая лѣтняя ночка, забѣлѣло на востокѣ, и въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи показался съ удочками на плечѣ рыбалка Хряпко, собравшійся посидѣть зорьку.

Еще разъ крѣпко-крѣпко обнялись влюбленные и разстались, пообѣщавшись сойтись на другую ночь. Мелашка кошечкой пробѣжала на крыльцо своей хаты, гдѣ была ея несмятая подушка, а Хведько, раздвигая кусты вишняка, добрался до половника, куда и завалился спать.

X.

Долго пришлось старой Самчихѣ расталкивать крѣпко спавшаго Хведька, а послѣ уговаривать его идти въ экономію для объясненій. Смерть не хотѣлось ему идти по слободѣ своей и Бемовкѣ, встрѣчаться съ людьми. Стыдно и совѣстно было ему. Наконецъ онъ, по настоянію матери, рѣшился пойти, но и то пошелъ не улицей и черезъ мостъ, а переправился на челнокѣ черезъ Осереду и пробирался черезъ Бемовку, гдѣ только можно было пройти садами, левадами и огородами. Такъ, ни съ кѣмъ не встрѣчаясь, онъ выбрался за слободу и черезъ выгонъ дошелъ до экономіи. Долго выбираясь изъ дому и затѣмъ удлиннивъ себѣ путь обходами, онъ попалъ въ экономію тогда уже, когда Карло уѣхалъ въ поле, и потому только часамъ къ 10-ти успѣлъ добиться аудіенціи. Карло, чѣмъ то разсерженный, принялъ

Хведька далеко не благосклонно: *„шортъ“*, *„прокляти“*, *„воры“* такъ и пересыпали всю его малопонятную просителю рѣчь, и объясненіе кончилось тѣмъ, что Хведька отправили въ контору, гдѣ, подождавъ часа два, пока конторщикъ ходилъ къ Карло, что то считалъ и списывалъ, онъ получилъ разсчетъ за службу 4 руб. 30 коп. Тутъ же конторщикъ объяснилъ, что его не велѣно принимать на работу и что его мировой судья еще будетъ судить.

Убитый, униженный, запуганный предстоящимъ отвѣтомъ, вернулся Хведько часамъ къ 2-мъ по полудни домой и отдалъ матери полученныя деньги. Поѣвъ кое чего, онъ принялся было копаться по хозяйству, помогалъ старухѣ складывать въ кучки просыхавшій кизякъ; но дѣло не спорилось: изъ головы не выходила мысль о предстоящемъ судьбищѣ. Отъ времени до времени ему вспоминался разсерженный и грозный Карло, припоминалъ онъ, что хотѣлъ было разсказать ему всю правду, выдать Цюпу, но не умѣлъ и не успѣлъ этого сдѣлать, потому что Карло не далъ ему говорить. Куда теперь идти, гдѣ искать помощи—онъ и придумать не могъ. Въ одномъ только онъ и видѣлъ утѣшеніе въ своей скорби,—это въ свиданіяхъ съ Мелашкой, и потому ждалъ съ нетерпѣніемъ вечера, когда опять можно будетъ пробраться въ садокъ подъ яблоню. О присутствіи Мелашки дома онъ зналъ по ея пѣснямъ, слышавшимся съ огорода въ теченіе дня.

Была суббота, и ей нашлось дѣло и дома: помогала матери кое-что прополоть на огородѣ, кое что помыть, постирать, помочить и разостлать холсты и наконецъ по обычаю помазать печь, припечекъ...—*„де що побилыты, де що попидводыты“*. На огородѣ при работѣ она не переставала пѣть и въ пѣснѣ выливала и переполненность души своей любовью, и тоскливое чувство опасеній за участь Хведька.

Такъ и день прошелъ; зазвонили къ вечернѣ. Садилось солнце; люди раньше обыкновеннаго сходились съ полей; село, безлюдное днемъ, наполнилось народомъ. Вотъ уже и отъ вечерни прошли старухи, такъ какъ лѣтомъ мало ходитъ людей къ вечернѣ въ церковь—некогда.

Не долго въ эту ночь посидѣли подъ завѣтной яблоней Хведько съ Мелашкою. Онъ успѣлъ ей разсказать про свое неудачное хожденіе къ Карло, а она передала ему со словъ Софы сосѣдки, ходившей къ Жердеву въ кабакъ за водкой, такъ какъ у нея завтра сороковины по матери, что кабатчикъ хлопочетъ по дѣлу: былъ у письмоводителя мирового и въ понедѣльникъ поѣдетъ къ кому то въ городъ. И разошлись они, такъ какъ завтра воскресенье, нужно побывать у обѣдни, и еще прійдется идти въ экономію за деньгами за работу.

Настало воскресенье. Хведько положительно не зналъ куда дѣваться. Выходить на село, хотя бы на свою улицу, ему не хотѣлось. Мать ушла къ обѣднѣ, дивчата-сестры тоже, и онъ томился бездѣйствіемъ и скукою. Вернувшаяся мать разсказывала, что мировой собирается сегодня ѣхать куда-то за Донъ и вернется только къ концу недѣли, что такъ ей говорила Татьяна Орлова, которой дочка служитъ у мирового; что письмоводитель, къ которому Самчиха обратилась по рекомендаціи той же Татьяны, сказалъ, что имъ нечего бояться, что Хведька *„не зажснуть“*, и наконецъ, что Пучинскій Тищенко нанимаетъ къ горну, гдѣ выжигается известка, по 30 коп. въ сутки на его харчахъ. Послѣднее было утѣшительно тѣмъ, что давало возможность имѣть хоть какую нибудь работу.

Не хотѣлось Хведьку идти изъ дому къ горну, не повидавшись съ Мелашкой, и потому онъ пролежалъ у себя въ садку, съ нетерпѣніемъ ожидая вечера. Но еще и къ вечернѣ не благовѣстили, какъ въ саду Мелашки послышалась пѣсня, поднявшая его и заставившая воровски по кустамъ пробраться къ ней. Мелашка въ подтыканой юбкѣ таскала воду изъ рѣки и поливала капусту. Ея мать, старая Котыха, была тамъ же, но въ очипкѣ и принаряженная, очевидно куда-то собравшаяся идти, и только указывала дочери, какъ поливать, а сама не помогала ей. Хведько лежалъ притаившись въ бурьянѣ. Наконецъ, Котыха, сказавъ дочери, что отъ вечерни зайдетъ еще *„до кумы Хвесъкы“*, отправилась.

По кашлю Мелашка узнала о пребываніи Хведька въ бурьянѣ и, такъ какъ по сосѣднимъ огородамъ тоже поливали ка-

пусту и могли ихъ видѣть, то она приглашала его въ садокъ вечеромъ; но узнавъ, что ему къ ночи нужно быть на Пучинѣ у горна, она указала ему „*комор*ю“, куда ему можно было сейчасъ же пробраться и гдѣ ихъ никто не увидитъ.

Черезъ полчаса они были уже вмѣстѣ въ коморѣ, запертой извнутри засовомъ, и могли опять на свободѣ предаваться и печальнымъ обсужденіямъ предстоящей раздѣлки за бураки, и взаимнымъ ласкамъ. Мелашка разсказала, что на всю недѣлю она уйдетъ „зъ дивчатами и зъ Сохвою на бахчу около Липового хутора“...

Услыхавъ скрипъ воротъ, Мелашка выпустила Хведька и поспѣшила на встрѣчу матери, впускавшей въ ворота вернувшуюся съ поля корову.

Б. Позпанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВОСПОМИНАНІЯ ЮСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XVII.

Проѣздъ Императора Александра I и Императрицы Елизаветы Алексѣевны черезъ Новгородъ-Сѣверскъ.—Возвращеніе мое въ Черниговъ.— Вѣсть о кончинѣ Александра I.—Присяга.

Въ томъ-же 1825 году, во 2-й половинѣ августа, проѣзжалъ черезъ Новгородъ-Сѣверскъ Императоръ Александръ I-й, а вслѣдъ за нимъ супруга его Императрица Елизавета Алексѣевна по пути ихъ въ Таганрогъ. По этому случаю городъ чистили, поправляли улицы и самыя строенія; квартира для Высочайшихъ путешественниковъ назначена была въ домѣ помѣщика Судіенка. Ко времени пріѣзда Государя прибыли въ Новгородъ-Сѣверскъ: главнокомандующій Сакенъ, корпусный генералъ князь Щербатовъ и малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Рѣпнинъ. Государь обѣдалъ въ селѣ Понoровкѣ у бывшаго сенатора Михаила Павловича Миклашевскаго. Вошедши въ залъ дома его, государь взглянулъ на росписанный въ ней потолокъ и спросилъ: это работа Гваренги? Такъ точно, Ваше Величество, отвѣчалъ хозяинъ. Изъ Пaноровки Императоръ прибылъ въ городъ часовъ въ 7 вечера. Онъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ съ фуражкою на головѣ, держа руку подъ козырекъ; подлѣ него въ коляскѣ сидѣлъ генералъ Дибичъ. Народъ наполнялъ улицы, по

[1]) См. Кіев. Ст. 1894 г. № 1.

которымъ слѣдовалъ царскій экипажъ, и особенно толпился передъ домомъ его квартиры, привѣтствуя Императора крикомъ: ура!.. За экипажемъ государя слѣдовало множество другихъ экипажей съ царскимъ багажемъ. Лишь только весь этотъ поѣздъ въѣхалъ въ обширный дворъ Судіенкова дома, ворота его заперли, и народа внутрь двора не пускали. Здѣсь случилось слѣдующее происшествіе: жена городскаго головы Лейковскаго, много хлопотавшаго по случаю пріѣзда государя, увидѣвъ, что по входѣ мужа ея во дворъ, ворота заперли, испугалась и полумертвая упала съ дрожекъ; ее отвезли домой. Когда о томъ доложено было государю, онъ тотчасъ же послалъ сопровождавшаго его лейбъ-медика Вилье, но помощь оказалась уже излишней: смерть несчастной послѣдовала мгновенно при паденіи съ дрожекъ. По временамъ изъ воротъ выходили на улицу представлявшіяся государю лица и говорили о томъ, что узнавали внутри двора. Уѣздный предводитель, или, какъ тогда онъ назывался, маршалъ дворянства, Лашкевичъ сказывалъ намъ, что государь видѣлъ жену его на станціи Чайкинъ хуторъ, поцѣловалъ у ней руку, и сказалъ, что она кланяется ему, Лашкевичу; что государь, выйдя на крыльцо Судіенкова дома, встрѣтилъ жену умершаго Новгородъ-Сѣверскаго казначея съ прошеніемъ въ рукѣ и также поцѣловалъ ея руку, говоря смутившейся просительницѣ, что онъ, какъ кавалеръ, обязанъ это сдѣлать. Въ тотъже вечеръ получена на прошеніи означенной дамы Высочайшая резолюція, по которой выдано просительницѣ изъ уѣзднаго казначейства единовременно 300 руб. ассигнаціями. На другой день, рано утромъ, толпа народа опять собралась у квартиры государя и впущена была внутрь двора. Мы видѣли, какъ суетились около дома генералы и ихъ адъютанты, видѣли, что придворный камеръ-лакей черезъ дворъ несъ въ домъ на блюдѣ ледъ, которымъ государь имѣлъ обыкновеніе, вставши съ постели, вытирать свое тѣло.

Запряженный шестерикомъ экипажъ государя подъѣхалъ къ крыльцу, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его выхода. Новгородъ-сѣверскій городничій Александеръ, верхомъ на лошади, стоялъ предъ коляской, что-бы ѣхать впереди ея. Выйдя изъ

дома и сѣвъ въ коляску, государь приказалъ Александеру провожать его въ квартиру главнокомандующаго. По отъѣздѣ государя, народъ бросился въ квартиру его и, увидѣвъ на полу залы разостланную солому, на которой государь изволилъ почивать, расхваталъ эту солому на память о немъ. Въ ожиданіи, что государь отъ квартиры главнокомандующаго будетъ выѣзжать изъ города мимо Спасо-Преображенскаго монастыря, народъ столпился у святыхъ воротъ его, гдѣ духовенство въ облаченіи стояло для встрѣчи Его Величества. Вскорѣ показался царскій экипажъ; государь, увидѣвъ духовенство, велѣлъ кучеру повернуть лошадей къ монастырю, сошелъ съ экипажа (Дибичъ оставался въ немъ), приложился ко кресту и по окропленіи святой водой послѣдовалъ за архимандритомъ Геннадіемъ въ главный монастырскій соборъ; выслушавъ тамъ краткій молебенъ, онъ вышелъ на паперть и нѣсколько времени на ней ожидалъ, пока изъ алтаря поднесутъ ему предложенную архимандритомъ въ напутствіе икону. Въ этомъ ожиданіи государь спросилъ: нѣтъ-ли въ монастырѣ какихъ либо мощей, и не погребены-ли въ немъ особенно замѣчательныя лица? Архимандритъ отвѣчалъ, что мощей въ монастырѣ нѣтъ и что погребенъ въ немъ лишенный архіерейскаго сана, бывшій могилевскій архіепископъ Варлаамъ Шишацкій. А! помню, сказалъ государь. Я съ женою моею стоялъ у самыхъ перилъ монастырскаго мостика, по которому проходилъ императоръ, и видѣлъ, что онъ въ это время немного прихрамывалъ. Когда царскій экипажъ переправляли на паромахъ черезъ рѣку Десну и ея притокъ Вить, Императоръ, смотря на городъ, сказалъ: это въ миніатюрѣ Кіевъ, и въ это время карандашемъ что-то чертилъ въ своемъ портфелѣ. Говорили, что въ найденныхъ по смерти его въ Таганрогѣ бумагахъ, онъ намѣревался сдѣлать Новгородъ-Сѣверскъ военнымъ городомъ.

Дней черезъ пять послѣ Императора прибыла въ Новгородъ-Сѣверскъ съ особеннымъ, также многочисленнымъ поѣздомъ супруга его Елизавета Алексѣевна, тоже вечеромъ. Окна въ ея каретѣ были завѣшены сторами; никто изъ городскихъ жителей не видалъ ее, потому что она была нездорова.

Во время ея прибытія, была гроза съ проливнымъ дождемъ, какъ-бы предвѣщавшая, что Императрица, какъ и Вѣнценосный супругъ ея, уже не возвратится въ столицу. Императрицу сопровождалъ князь Волконскій. За квартированіе Государя и Государыни въ домѣ Судіенка, управляющій имѣніемъ послѣдняго получилъ отъ нихъ по золотой табакеркѣ.

Проживъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ сверхъ вакаціоннаго времени до половины сентября того-же 1825 года, я долженъ былъ съ женою моею отправиться на мѣсто моей службы въ Черниговъ. Много было слезъ при нашемъ прощаніи: родители и дочь ихъ разставались въ первый разъ въ жизни своей. Я опасался, что въ Черниговѣ, во время служебныхъ отлучекъ моихъ изъ моей квартиры, жена моя, оставаясь одна, будетъ грустить въ разлукѣ съ своими родителями; но къ счастію она на первыхъ же порахъ познакомилась съ женою семинарскаго эконома, протоірея Огієвскаго, которая полюбила ее и часто приглашала къ себѣ. Мы жили въ Черниговѣ спокойно и весело, какъ вдругъ разнеслась по городу печальная вѣсть, поразившая всю Россію, вѣсть о кончинѣ Императора Александра въ Таганрогѣ 19-го ноября. Вѣсть эта получена въ Черниговѣ въ началѣ декабря. Всѣ жители города присягнули новому Императору Константину Павловичу. Въ день этой присяги мнѣ случилось быть на именинахъ у одного городского священника. Одинъ изъ гостей разсказывалъ, что онъ видѣлъ во снѣ гробъ Императора Александра, предъ которымъ стоялъ Великій князь Константинъ Павловичъ безъ короны, а за симъ послѣднимъ находился Великій князь Николай Павловичъ въ коронѣ. Въ то время никто въ Черниговѣ не могъ еще знать о возшествіи на престолъ Николая Павловича. 20-го декабря въ семинаріи производился полугодовой экзаменъ. Ректоръ семинаріи, войдя въ классъ, вынулъ изъ кармана бумаги, подалъ ихъ мнѣ и велѣлъ читать: это были документы объ отреченіи Константина Павловича отъ престола и о вступленіи на престолъ Николая Павловича, которому всѣ мы и учинили присягу. На праздникъ Рождества Христова я съ женою моею пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Въ первый день праздника я былъ съ

тестемъ моимъ у Новгородъ-Сѣверскаго архимандрита, у котораго собралось много гостей, и при нихъ я разсказывалъ о принесенной въ городѣ Черниговѣ второй присягѣ.

Находившійся въ числѣ гостей уѣздный стряпчій подошелъ къ тестю моему и внушительно сказалъ ему: „зять вашъ сдѣлалъ противузаконный поступокъ: объявилъ здѣсь о какой-то новой присягѣ, о которой здѣсь не получено оффиціальнаго извѣстія". Можетъ быть, этотъ строгій стражъ закона причинилъ бы мнѣ непріятность; но въ тотъ-же день въ городѣ полученъ былъ указъ о новой присягѣ; въ тотъ-же день одна знакомая дама получила изъ Петербурга и намъ передала извѣстіе о бывшемъ въ Петербургѣ 14-го декабря бунтѣ.

XVIII.

Охотинъ, его способности, познанія и характеръ.

Послѣ упомянутыхъ Рождественскихъ праздниковъ я возвратился въ Черниговъ, но, къ сожалѣнію моему, уже не засталъ въ немъ товарища моего Якова Ивановича Охотина, уѣхавшаго на свою родину; въ немъ черниговская семинарія лишилась отличнаго преподавателя, а я искренняго друга, какого уже не имѣлъ въ средѣ моихъ черниговскихъ сослуживцевъ.

Въ предъидущихъ моихъ воспоминаніяхъ я мимоходомъ упомянулъ о немъ, теперь скажу о немъ болѣе, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ. Обучаясь съ нимъ въ С.-Петербургской духовной академіи, я жилъ не въ одномъ съ нимъ номерѣ и мало зналъ его, кромѣ того, что онъ, какъ знатокъ церковнаго пѣнія, заправлялъ хоромъ студентовъ и писалъ для этого хора наизусть ноты для церковныхъ пѣснопѣній, какія онъ запомнилъ, обучаясь въ нижегородской семинаріи; зналъ еще то, что когда намъ отъ профессоровъ нашихъ давались для сочиненій проблематическія темы, Охотинъ ходилъ по номерамъ, прислушивался къ толкамъ и преніямъ студентовъ объ этихъ темахъ, скоро писалъ на нихъ свои сочиненія и прежде всѣхъ насъ подавалъ ихъ профессорамъ, получая за нихъ одобреніе.

Въ Черниговской семинаріи, преподавая русскую словесность въ продолженіе двухъ лѣтъ, Охотинъ показалъ, что онъ былъ мастеръ своего дѣла. Самъ онъ очень хорошо писалъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ и весьма успѣшно училъ тому-же своихъ учениковъ. Въ то время еще не было хорошаго руководства для преподаванія русской словесности: Охотинъ самъ составилъ такое руководство въ краткихъ, ясныхъ и вразумительныхъ своихъ запискахъ, по которымъ преподавалъ свой предметъ. Подобно бывшему въ Армейской семинаріи учителю словесности Мансветову, Охотинъ болѣе всего обращалъ вниманіе на практическія упражненія учениковъ въ сочиненіяхъ; онъ часто заставлялъ ихъ подъ своимъ руководствомъ въ классѣ писать краткіе отвѣты на задаваемыя имъ темы, а въ квартирахъ составлять на нихъ цѣлыя сочиненія. По числу учениковъ риторическаго класса (до 150) у него набиралось множество такихъ упражненій, и онъ неутомимо занимался ихъ исправленіемъ, просиживая надъ этимъ дни, а часто и цѣлыя ночи; въ классѣ онъ разбиралъ исправленныя имъ сочиненія и заставлялъ учениковъ передѣлывать ихъ. Желая доставить ученикамъ возможность улучшить слогъ ихъ сочиненій, посредствомъ чтенія лучшихъ новѣйшихъ произведеній русской словесности, какихъ тогда не имѣлось въ семинарской библіотекѣ, онъ предложилъ своимъ ученикамъ сдѣлать складчину, кто сколько можетъ, и на собранныя такимъ образомъ деньги выписывалъ книги. Такъ составилась небольшая ученическая библіотека, которою распоряжался самъ Охотинъ, выдавая ученикамъ изъ нея книги, назначая каждому статьи для прочтенія, требуя въ чтеніи отчета, объясняя притомъ въ прочтенныхъ статьяхъ развитіе мыслей, ихъ планъ и изложеніе.

Результатомъ такого метода преподаванія было то, что черезъ два года на переводномъ экзаменѣ ученики Охотина показали такіе успѣхи въ словесности, какихъ до него въ черниговской семинаріи ученики риторики не оказывали. Впослѣдствіи сдѣлавшись священниками, или поступивши въ Академію, ученики Охотина всегда благодарили его за свое развитіе, которымъ въ значительной степени были обязаны ему. Долгое

время, бывшіе послѣ Охотина преподаватели словесности въ черниговской семинаріи, пользовались его записками, но не имѣли его искусства примѣнять ихъ къ дѣлу, не умѣли подобно ему учить. Охотинъ былъ рѣдкій преподаватель словесности; подобнаго ему я зналъ только въ лицѣ Чалаго, учителя словесности въ немировской гимназіи, обучавшагося прежде въ новгородъ-сѣверской гимназіи. Непонятнымъ казалось-бы, почему Охотинъ, съ такимъ успѣхомъ преподававшій въ черниговской семинаріи любимый имъ предметъ, не захотѣлъ далѣе служить въ ней; но нужно знать, что Яковъ Ивановичъ былъ истый русакъ, страстно любившій свою нижегородскую губернію; онъ всегда съ восторгомъ говорилъ о несравненной Волгѣ и о ея необозримыхъ, привольныхъ лугахъ, говорилъ, что свою родимую сторонушку онъ никогда не промѣняетъ на Малороссію, которую называлъ хохландіей, хотя послѣ, будучи на родинѣ, отзывался о ней съ признательностью. Охотинъ весьма желалъ быть преподавателемъ въ нижегородской семинаріи и просилъ земляка своего инспектора петербургской духовной академіи посодѣйствовать исполненію этого желанія. Когда-же землякъ его отвѣчалъ, что его сдѣлаютъ инспекторомъ въ озпаченной семинаріи, если онъ пожелаетъ поступить въ монашество, тогда Охотинъ, видя въ этомъ отвѣтѣ отказъ, подалъ просьбу объ увольненіи его изъ духовно-учебнаго вѣдомства для поступленія въ епархіальное нижегородское и, получивъ такое увольненіе, немедленно отправился въ свой родной Арзамасъ. Изъ Арзамаса онъ писалъ мнѣ, что онъ въ скоромъ времени женился тамъ, какъ и я, на дочери протоіерея, именовавшейся, какъ и моя жена, Варварою; что на полученное имъ приданое онъ построилъ себѣ хорошій каменный домъ по своему плану; что сдѣлавшись священникомъ выгоднаго прихода, онъ предался проповѣдничеству, сказывая на каждый праздникъ поученіе въ своей церкви, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе епархіальнаго архіерея; что арзамасскіе батюшки, зная о томъ и видя на немъ магистерскій крестъ, сперва относились къ нему недружелюбно, опасаясь, что онъ перебьетъ имъ дорогу по службѣ, но когда узнали, что онъ, по словамъ

его, чуждъ скуфейнаго честолюбія и никому не мѣшаетъ, то недружелюбіе ихъ исчезло. Имѣя достаточныя средства къ жизни, Охотинъ спокойно священнодѣйствовалъ въ Арзамасѣ, но жизнь его тамъ была недолговѣчна, какъ недолговѣчны были всѣ почти особенно даровитые мои товарищи, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ безспорно. Охотинъ, кромѣ словесности, еще въ Академіи хорошо зналъ философію и математику, по которой частными уроками своими много помогалъ брату моему Николаю, обучавшемуся при немъ въ семинаріи. Будучи знатокомъ церковнаго пѣнія, онъ хорошо игралъ на скрипкѣ и при помощи ея обучалъ семинарскій хоръ, въ которомъ и я, по страсти моей къ пѣнію, участвовалъ и при немъ, и по отъѣздѣ его, во все продолженіе пребыванія моего въ Черниговѣ.

По характеру своему Охотинъ былъ добръ и общителенъ, при досугѣ отъ своихъ занятій онъ радушно принималъ у себя знакомыхъ и самъ любилъ бывать въ ихъ обществѣ, въ которомъ бывалъ веселъ и шутливъ. Долго у меня сохранялось мастерски имъ написанное юмористическое стихотвореніе на мою свадьбу, въ которомъ онъ картинно изобразилъ оригинальные Новгородъ-Сѣверскіе типы, гдѣ въ смѣшномъ видѣ представилъ и самого себя.

XIX.

Мое преподаваніе языковъ греческаго и французскаго.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, когда Охотинъ находился въ черниговской семинаріи, я преподавалъ въ ней языки греческій и французскій. Греческій языкъ изучался тогда во всѣхъ 3-хъ отдѣленіяхъ семинаріи; въ первыхъ двухъ высшихъ отдѣленіяхъ я преподавалъ этотъ языкъ самъ, а въ низшемъ, т. е. риторическомъ, занимался съ учениками лекторъ подъ моимъ наблюденіемъ. Ученики семинаріи не изучали греческой грамматики, такъ какъ она преподавалась имъ еще въ уѣздномъ духовномъ училищѣ и только повторялась въ низшемъ отдѣленіи; а въ 2-хъ высшихъ отдѣленіяхъ они занимались одними переводами, при чемъ обращалось особенное вниманіе на корни словъ и на пра-

вила слогоударенія. По многочисленности учениковъ 2-хъ высшихъ отдѣленій, собиравшихся въ одинъ классъ на мою лекцію, я не могъ часто всѣхъ ихъ спрашивать во время урока, отчего тѣ изъ нихъ, которые поступали изъ низшаго отдѣленія съ неудовлетворительнымъ знаніемъ греческой грамматики, не старались изучать её въ моихъ отдѣленіяхъ; но въ этомъ случаѣ мнѣ много помогъ ректоръ Афанасій, заставившій такихъ учениковъ во время лѣтней вакаціи вытвердить греческую грамматику.

Французскій языкъ семинаристы изучали въ низшемъ, или риторическомъ отдѣленіи. Въ немъ я начиналъ учить ихъ съ французской азбуки. Камнемъ претыканія для нихъ было правильное французское чтеніе и прононсъ. Хотя я въ академіи учился французскому языку у профессора Сербржинскаго, имѣвшаго правильное произношеніе, но, не довѣряя себѣ въ надлежащемъ успѣхѣ этого рода, я обратился къ знакомому мнѣ въ Черниговѣ французу и, воспользовавшись его уроками, училъ учениковъ моихъ. Грамматическіе уроки и потомъ переводы съ французскаго они при мнѣ всегда писали на доскѣ, а нѣкоторыя статьи произносили сперва наизусть, а затѣмъ только писали на доскѣ. Могу похвалиться, что ученики мои полюбили французскій языкъ и черезъ два года переводили порядочно.

XX.

Мое преподаваніе исторіи въ черниговской семинаріи; успѣхи учениковъ и полученная мною награда.

Я завидовалъ товарищу моему Охотину, что ему удалось преподавать въ черниговской семинаріи любимый имъ предметъ—русскую словесность, и жалѣлъ, что мнѣ не пришлось въ ней читать исторію, которою я съ особенной ревностью занимался, обучаясь въ семиріи и академіи.

Выбытіе Охотина изъ черниговской семинаріи открыло мнѣ возможность получить желаемое. На мѣсто его опредѣленъ учителемъ словесности Мерцаловъ, преподававшій исторію, а я подалъ просьбу о назначеніи меня преподавателемъ послѣдней и

получилъ на то утвержденіе Академическаго правленія. Съ новою ревностью я принялся за мое дѣло. Употреблявшееся тогда въ семинаріяхъ руководство Всеобщей Исторіи Шрекка было скудно по содержанію и сухо по изложенію. Преподавателю надлежало дополнять это руководство, по разнымъ его отдѣламъ, устными разсказами въ классѣ, гдѣ ученики для памяти своей должны были записывать преподаваемое на бумагѣ, при чемъ у нихъ могли быть недописки, пропуски и ошибки. Считая это неудобнымъ, я счелъ за лучшее по важнѣйшимъ отдѣламъ исторіи сокращать бывшія у меня Академическія по исторіи лекціи, писать ихъ на бумагѣ и мои записки давать ученикамъ для списыванія. При этомъ переписываніи ученикамъ не представлялось никакого затрудненія, потому что въ день прочтенной лекціи они послѣ обѣда собирались въ классъ и въ диктовку списывали мои листы, во время-же этой работы повторяли то, что слышали отъ меня на лекціи и писали въ своихъ тетрадяхъ. Ученикамъ нравились мои записки болѣе, нежели руководство Шрекка, и по нимъ они легче заучивали преподанные мною уроки. Чтобы еще болѣе побудить ихъ къ исполненію моихъ уроковъ, я велѣлъ, чтобы каждый изъ нихъ, приходя къ столу моему для отвѣта, приносилъ съ собою листъ бумаги, на которомъ я по выслушаніи урока тутъже собственноручно записывалъ, когда, что и какъ отвѣчалъ подходившій. Листы эти ученики мои, какъ сами мнѣ говорили, сохраняли у себя и по выходѣ изъ семинаріи, какъ аттестаты объ ихъ успѣхахъ по исторіи. Дабы ученики мои совершенно были увѣрены въ томъ, что я справедливо оцѣниваю ихъ успѣхи, я передъ экзаменомъ составлялъ разрядные имъ списки въ классѣ, гласно, въ ихъ присутствіи и при ихъ участіи, желая знать ихъ мнѣнія объ ихъ товарищахъ, вносимыхъ мною въ разряды; мнѣнія свои они выражали молча, поднятіемъ рукъ, по числу которыхъ я заключалъ о большинствѣ или меньшинствѣ одобряющихъ баллотируемое лицо; въ случаѣ разногласія или недоразумѣнія, указывалось на собственноручныя мои отмѣтки, какія я своевременно дѣлалъ на вышеуказанныхъ листахъ, которые ученики въ это время приносили съ собою въ классъ. Изучая

такимъ образомъ преподаваемую мною исторію, всѣ почти мои слушатели оказывали удовлетворительные успѣхи, и немногихъ только изъ нихъ приходилось мнѣ записывать въ третій разрядъ. Ректоръ Афанасій, посѣщавшій мой классъ во время повтореній, видѣлъ такіе успѣхи, и когда прибылъ въ черниговскую семинарію ревизоръ, ректоръ кіевской академіи Смарагдъ, то назначилъ въ первый-же день послѣ обѣда экзаменъ по исторіи.

Въ присутствіи ревизора всѣ спрошенные имъ ученики отвѣчали хорошо, и когда онъ хотѣлъ прекратить испытаніе, я просилъ вызвать еще охотниковъ изъ неспрошенныхъ учениковъ; онъ согласился, и всѣ почти неспрошенные встали для отвѣтовъ. Смарагдъ самъ вызывалъ ихъ по фамиліямъ, самъ задавалъ имъ вопросы изъ исторіи и остался доволенъ отвѣтами вызванныхъ; окончивъ экзаменъ, онъ благодарилъ меня за оказанные учениками на экзаменѣ успѣхи. Въ донесеніи своемъ въ коммиссію духовныхъ училищъ о сдѣланной имъ ревизіи въ черниговской семинаріи онъ представилъ меня къ денежной наградѣ, и я получилъ её, какъ за преподаваніе исторіи, такъ и за то, что я, по порученію начальства, преподавалъ въ тоже время ученикамъ высшаго отдѣленія богословіе, не получая за то особаго вознагражденія.

XXI.

Мое преподаваніе богословія въ черниговской семинаріи; исправленіе ученическихъ проповѣдей.

Въ предъидущихъ статьяхъ моихъ воспоминаній я въ своихъ мѣстахъ говорилъ о томъ, что мнѣ неоднократно отъ начальства поручаемо было преподаваніе богословія ученикамъ высшаго отдѣленія, когда ректоры выбывали изъ семинаріи. Въ классѣ я читалъ богословіе по существовавшему тогда въ семинаріяхъ руководству на латинскомъ языкѣ, дополняя его или замѣняя нѣкоторыя статьи академическими лекціями, которыя въ сокращенномъ видѣ я давалъ моимъ ученикамъ. Но главный и не легкій трудъ мой состоялъ въ исправленіи ученическихъ проповѣдей.

Въ этомъ моемъ занятіи я руководствовался наставленіями, которыя слушалъ въ академіи; не забылъ я этихъ наставленій, потому что всѣ преподаватели семинаріи, а въ числѣ ихъ и я, обязаны были въ высокоторжественные дни говорить проповѣди въ черниговскомъ соборѣ, по назначенію консисторіи. Въ первыя же четыре великопостныя пятницы, въ такъ называемыя пассіи, они исключительно должны были говорить свои поученія въ томъ-же соборѣ. На каждую недѣлю по четыре ученика богословія назначаемы были поочередно сочинять и говорить въ церквахъ проповѣди. Такіе очередные проповѣдники приходили въ мою квартиру и подъ моимъ наблюденіемъ избирали изъ дневныхъ чтеній Евангелія, или Апостола, для своихъ проповѣдей тексты, извлекали изъ нихъ соотвѣтственныя смыслу текстовъ темы, разсуждали о томъ, какія можно развивать изъ избранной темы мысли и въ какомъ порядкѣ должны быть расположены эти мысли; потомъ ученики въ квартирахъ своихъ обдумывали предметы своихъ сочиненій, составляли имъ планы, приносили ко мнѣ эти планы для исправленія, иногда, по моему указанію, вновь ихъ передѣлывали и, послѣ окончательнаго ихъ исправленія, писали уже проповѣди, которыя также приносили ко мнѣ для поправки, а потомъ представляли ихъ на просмотръ исправлявшему должность ректора, назначавшаго имъ церкви, въ которыхъ они дожны были произносить свои поученія.

Накануне произнесенія проповѣдей всѣ ученики высшаго отдѣленія собирались въ классъ, гдѣ при мнѣ очередные проповѣдники съ каѳедры произносили свои проповѣди, при чемъ дѣлались имъ отъ меня нужныя замѣчанія и наставленія.

XXII.

Ученикъ Александръ Рославскій-Петровскій, его успѣхи у меня, въ Нѣжинскомъ лицеѣ, въ Харьковскомъ Университетѣ и служба въ немъ.

Занимаясь преподаваніемъ разныхъ предметовъ въ семинаріи, я въ свободное время отъ классныхъ моихъ занятій давалъ частные уроки дѣтямъ черниговскихъ жителей. Первый

опытъ такихъ моихъ уроковъ былъ для меня весьма удаченъ, потому что на этотъ разъ я имѣлъ ученика съ счастливыми способностями, чрезвычайно прилежнаго и любознательнаго. Это былъ сынъ одной дворянки, вдовы, Александръ Рославскій-Петровскій. Умная и попечительная мать его въ домашнемъ воспитаніи умѣла дать ему хорошее направленіе. Не опредѣляя сына въ семинарію, она поручила мнѣ его съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ въ моей квартирѣ и находился подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ, обучаясь у меня Закону Божію, Русскому языку и Словесности, Исторіи и Латинскому языку. Симпатичный мальчикъ скоро привыкъ ко мнѣ и къ моей женѣ, и мы, еще не имѣя тогда своихъ дѣтей, полюбили его, какъ родного сына.

Во время уроковъ Рославскій слушалъ мое преподаваніе съ полнымъ вниманіемъ, исполнялъ все скоро и въ точности, и, когда у него оставалось свободное время, онъ просматривалъ въ книгахъ то, что будетъ преподаваться въ слѣдующій разъ, или читалъ историческія статьи, которыя особенно любилъ. Въ русской словесности Рославскій оказалъ такіе успѣхи, что писалъ уже небольшія сочиненія и для лѣнивыхъ семинаристовъ сочинялъ заданныя имъ учителями задачи, которыя они выдавали за свои и получали одобреніе. Я не только не имѣлъ надобности побуждать его къ учебнымъ занятіямъ, но заставлялъ его гулять съ семинаристами. Нравственное его поведеніе было безупречно. Отъ меня Рославскій поступилъ въ Нѣжинскій лицей, гдѣ учился съ отличнымъ успѣхомъ и откуда присылалъ мнѣ свои сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ, читанныя имъ на публичныхъ экзаменахъ въ присутствіи попечителя. Въ сборникѣ Нѣжинскаго лицея напечатана статья о бывшемъ въ немъ студентѣ Александрѣ Рославскомъ-Петровскомъ, въ которой упомянуто и о нахожденіи его подъ моимъ руководствомъ. Не знаю, кончилъ-ли Рославскій курсъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Онъ пожелалъ получить дальнѣйшее образованіе въ университетѣ. Для поступленія въ университетъ ему нужно было имѣть свидѣтельство о принадлежности его къ извѣстному сословію. Мать его вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала ко мнѣ въ Черниговъ, гдѣ я тогда жилъ въ домѣ губернатора, и просила моего совѣта и содѣй-

ствія касательно полученіи такого свидѣтельства для ея сына. Я представилъ Рославскаго губернатору, который сразу полюбилъ умнаго юношу, потребовалъ къ себѣ городского голову и приказалъ ему въ тотъ же день составить формальное свидѣтельство о зачисленіи Рославскаго въ купеческое сословіе. Съ этимъ свидѣтельствомъ онъ отправился въ Харьковъ и по экзамену былъ принятъ въ число студентовъ тамошняго Университета. Въ университетѣ Рославскій также оказывалъ отличные успѣхи и кончилъ курсъ со степенью кандидата; за тѣмъ въ непродолжительномъ времени онъ получилъ степени магистра и доктора и былъ оставленъ при университетѣ адъюнктъ-профессоромъ по исторіи; затѣмъ былъ ординарнымъ профессоромъ по томуже предмету, избранъ былъ въ должность декана и нѣкоторое время исполнялъ должность ректора. Извѣстнымъ его сочиненіемъ въ университетѣ была написаная имъ Статистика съ новыми взглядами и выводами, бывшая въ то время учебнымъ руководствомъ въ гимназіяхъ, гдѣ тогда преподавалась эта наука. Находясь въ Харьковѣ, Рославскій постоянно велъ со мною дружескую переписку и высылалъ мнѣ свои магистерскую и докторскую диссертаціи. Всѣ мои порученія и просьбы онъ исполнялъ съ усердіемъ и въ точности, даже и въ такихъ случаяхъ, когда ихъ было трудно исполнить. Просьбы мои большею частію были ходатайства объ ученикахъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи (въ которой я тогда былъ учителемъ), которые, желая поступить въ Харьковскій Университетъ и зная мою дружбу съ Рославскимъ, просили меня писать къ нему о снисхожденіи къ нимъ на пріемномъ экзаменѣ. Одинъ изъ такихъ учениковъ, не обучавшійся латинскому языку въ гимназіи, гдѣ тогда преподавалось правовѣдѣніе, просилъ моего ходатайства у Рославскаго, и я исполнилъ его просьбу, не надѣясь на успѣхъ; ученикъ этотъ поступилъ въ университетъ и кончилъ курсъ. Въ университетѣ сослуживцы Рославскаго и студенты любили и уважали его за умъ и добродушіе. Мать, постоянно жившая при немъ въ Харьковѣ, утѣшалась своимъ сыномъ, роптала только, какъ говорили, на его излишнюю тароватость. Со времени поступленія Рославскаго въ Нѣжинскій лицей я никогда его не

видалъ. Будучи въ Кіевѣ. онъ навѣстилъ моего сына Ивана, бывшаго тогда инспекторомъ 2-ой Кіевской гимназіи, говорилъ ему о всегдашней своей ко мнѣ признательности и изъявлялъ свое сожалѣніе о томъ, что я не послалъ этого сына моего, по окончаніи курса гимназіи, въ Харьковскій Университетъ, гдѣ онъ находился-бы подъ его покровительствомъ и могъ быть его адъюнктомъ. Таковъ былъ Александръ Петровичъ Рославскій-Петровскій, первый ученикъ мой по моимъ частнымъ урокамъ!

(Продолженіе слѣдуетъ)

Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Д-ра Антонія І[1].

III.

Плѣнницы въ козацкомъ обществѣ, ихъ судьба, семейныя дѣла гетмана.—Печальный конецъ степной Елены.

Женщины играли въ юной гетманщинѣ второстепенную, подчиненную роль; семейныя обязанности держали ихъ вдали отъ общественныхъ дѣлъ, подъ родной крышей, хотя въ военное время имъ приходилось иногда искать убѣжище въ обозѣ и дѣлить всѣ невзгоды и волненія походной жизни. Такъ напр., подъ Берестечкомъ поляки нашли въ окопахъ много женщинъ и при нихъ дѣтей [2]). Кромѣ того, почти въ каждомъ загонѣ имѣлись свои кухарки, игравшія также роль маркитантокъ, но не получавшія отъ этого занятія никакихъ барышей. Въ большихъ отрядахъ бывало нѣсколько ворожекъ, которыхъ называли то вѣдьмами, то чародѣйками,—нерѣдко онѣ платились жизнью за слишкомъ смѣлыя, но неудачныя предсказанія [3]).

Съ теченіемъ времени присутствіе женщинъ въ обозѣ сдѣлалось обычнымъ и неблагопріятно отражалось на энергіи запорожцевъ. По крайней мѣрѣ такъ слѣдуетъ заключать изъ указа 1655 г. царя Алексѣя Михайловича полковнику нѣжинско-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г., № 1.

[2]) Urywki z dziennika Oświecima, 113.—Grabowski, starożytności historyczne polskie, I, 328.

[3]) Костомаровъ, Богд. Хмельн., II, 42.—Oświecim. 115.

му Ивану Поповичу, которому приказано изгнать изъ полка „женокъ и дѣвокъ", ибо не годится отдаваться распутству, выступая въ походъ, и за это грозитъ кара отъ Бога [1]). Но конечно, далеко не всѣ украинки уходили въ обозъ,—многія оставались дома и берегли козацкое добро. Въ числѣ козацкихъ женъ были не только мѣстныя уроженки,—тутъ можно было встрѣтить и шляхетныхъ полекъ, евреекъ, молдаванокъ, армянокъ и даже иногда татарокъ Въ началѣ женщины-плѣнницы составляли извѣстный капиталъ для побѣдителей и имѣли опредѣленную рыночную цѣнность, играли, такъ сказать, роль монетной единицы. Сохранилось оригинальное условіе, заключенное на Украинѣ во второй половинѣ XVII в.: нѣкій Хаимъ обязывается доставить купцу въ Цареградъ извѣстное число молодыхъ дѣвушекъ, хотя бы и простого рода, годныхъ для утѣхи и услугъ, за триста левковъ. Во времена первыхъ погромовъ и даже позже, если козаки воевали съ помощью перекопскихъ союзниковъ, женщины и дѣти доставались послѣ побѣды, главнымъ образомъ, татарамъ; если плѣнницъ было мало, или стоимость ихъ не соотвѣтствовала добычѣ, какую получали послѣ побѣды козаки, то татары, кромѣ плѣнницъ, заполучали и извѣстное число малороссіянокъ; обычай этотъ до того укоренился, что украинскій людъ наконецъ заподозрилъ участіе въ этомъ дѣлѣ Хмельницкаго. Это подозрѣніе и выразилось въ извѣстномъ проклятіи гетману: „бодай тебе, Хмельниченко, перша куля не мынула" за то, что позволилъ ордѣ забирать нашихъ дѣвушекъ и молодицъ [2]). Часть плѣнницъ, конечно, оставалась въ Крыму, а излишекъ и лучшіе экземпляры поступали на цареградскій рынокъ; постепенно этотъ товаръ вошелъ въ такую моду въ гаремахъ стамбульскихъ вельможъ, что вытѣснилъ популярныхъ до того времени черкешенокъ.—Однако, козаки не всегда воевали заодно съ татарами, и нерѣдко плѣнницы попадали въ исключительную собственность запорожцевъ,—случалось, невольницы привязывали къ

---

[1]) Акты отн. къ исторіи Ю. З. Р., XIV, 902.

[2]) Костомаровъ, III, 406.—Бущинскій, о Богд. Хмельницкомъ, 1882, Харьковъ, 239.

себѣ своихъ суровыхъ обладателей и дѣлались женами послѣднихъ. Иногда козаки обнаруживали сильную склонность къ браку. Такъ, при взятіи Тульчина, отряды Кривоноса забрали множество красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, какъ полекъ, такъ и евреекъ [1]). Одному изъ второстепенныхъ начальниковъ, полковнику Антону, до такой степени понравилась княгиня Софья Четвертинская, Чуриловна родомъ, что, убивши мужа, онъ тутъ же поспѣшилъ обвѣнчаться со вдовой. Анонимный хроникеръ даже полагаетъ, что она сама предложила это Антону изъ чувства самосохраненія [2]). Точно также, по взятіи Немирова, козаки забрали себѣ въ жены много пригожихъ евреекъ. Авторъ-еврей приводитъ нѣсколько легендъ, свидѣтельствующихъ о привязанности еврейскихъ дѣвушекъ къ своей вѣрѣ: одна увѣрила козака, что пуля ее не беретъ, и предложила сдѣлать опытъ для доказательства; козакъ повѣрилъ и выстрѣломъ положилъ ее на мѣстѣ. Другая упросила козака отправиться для вѣнчанья въ церковь за рѣкой; тотъ охотно согласился, но дѣвушка на срединѣ рѣки выскочила изъ челнока и утонула. По словамъ хроникера, подобныхъ случаевъ было такъ много, что невозможно пересказать все [3]). Какъ видно, недостатка въ охотникахъ до такого брака не было. Поспольство какъ будто старалось подражать старшинѣ; вся Украина хорошо знала, что Хмельницкій женился на мужней женѣ, что Янъ Выговскій, будущій гетманъ запорожскій, во время одного изъ походовъ въ Литву выкралъ дочь новогродскаго каштеляна Елену Статкевичъ и повѣнчался съ нею. Еще раньше, въ 1648 г., родственникъ его Христофоръ Выговскій насильно обвѣнчался съ Мариной Ласской, которая находилась тогда въ Овручѣ у пани Богумилы Трипольской [4]). Какой то сотникъ съ отрядомъ напалъ на монастырь въ Клинцахъ подъ Корцемъ, захватилъ монашенку

---

[1]) Mandelkern, Bohdan Chmelnicki, opowiadanie. Żyda owczesnego. Лейпцигъ, I, 45.

[2]) Pamiętniki o wojnach kozackich, Wrocław, 1840. 11.

[3]) Натанъ Гановеръ у Mandelkern'a, I, 37—40.

[4]) Архивъ Ю. З. Р., ч. IV, т. I, стр. 108.

панну Пацъ и сдѣлалъ своей женой[1]). Такія насилія считались въ порядкѣ вещей, и религіозныя опасенія не смущали обидчиковъ. Впрочемъ заключенные при такихъ условіяхъ брачные союзы были непрочны, и, при первой возможности, они расторгались. Такъ, Софья Чурилова, primo voto кн. Четвертинская, secundo voto Антонова, повидимому успѣла скрыться отъ мужа, потому что нѣсколько лѣтъ спустя уже встрѣчаемъ ее женою Николая Коссаковскаго, подсудка брацлавскаго [2]); монахиня Марина возвратилась въ свою келію, и сотникъ Выговскій поплатился жизнью за учиненное насиліе [3]). Случалось и другимъ возвращаться изъ татарскаго ясыра и козацкихъ землянокъ, благодаря военнымъ событіямъ, путемъ выкупа или по смерти мужей; возвращались иногда съ многочисленнымъ потомствомъ. Слѣды этихъ случайныхъ связей сохранились въ двойныхъ шляхетскихъ фамиліяхъ: таковы Крымчаки-Волковинскіе, Татаръ—Толкачи, Козаки-Кубалинскіе, Козаченки-Калинскіе и многое множество другихъ въ барскомъ и овруцкомъ староствахъ. Слѣдуетъ однако сказать, безпристрастія ради, что бывали и исключенія: если многія женщины и оставляли свои дома, чтобы спастись отъ неволи и позора, то были и такія, что добровольно оставались на мѣстѣ и сами бросались въ вихрь военной невзгоды. Въ дневникѣ Киселя изъ Переяслава встрѣчаемъ замѣтку, что почти всѣ приближенныя къ женѣ воеводы женщины, очевидно, шляхтянки, оставили ее, когда она возвращалась изъ этого опаснаго путешествія; съ негодованіемъ отмѣчаетъ Кисель, что „даже панны убѣжали къ козакамъ“ [4]). Должно быть, это привольное, беззаботное житье имѣло для нихъ свою привлекательность.

Тѣмъ не менѣе нельзя найти слѣдовъ благотворнаго вліянія женщинъ на это полудикое общество, быть можетъ потому, что качествами ума и сердца онѣ не стояли выше мужей, а наоборотъ, повидимому, сами подчинялись вліянію среды, ста-

---

[1]) Опись актовой книги Кіев. центр. архива, № 9.

[2]) Kossakowski, Monografie, I, 148.

[3]) Лѣтопись Ерлича, I, 187,

[4]) Пам., изд. Кіев. ком., I, 3, 353, Michałowski 383.

рались усвоить ея обычаи и невольно грубѣли. Онѣ не играютъ роли въ общественныхъ дѣлахъ, стоятъ въ сторонѣ, въ толпѣ, и ищутъ развлеченія развѣ въ чрезмѣрномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ. Когда жена Киселя жила въ Переяславѣ, ни одна изъ женщинъ не рѣшилась посѣтить ее, хотя Хмельницкій оказывалъ ей почтеніе, какъ малороссіянкѣ: „явился къ женѣ воеводы въ особую избу, гдѣ publice убѣждалъ ее отречься отъ поляковъ и остаться съ козаками“ [1])

Точно также и семья гетмана жила уединенно въ Суботовѣ, обращенномъ въ частную резиденцію новаго владыки Украины. И дѣйствительно, резиденція эта выглядѣла недурно: обширный каменный домъ, надъ постройкой котораго наблюдалъ самъ хозяинъ; въ домѣ нѣсколько свѣтлицъ, особая половина для женщинъ, другая для хозяина; далѣе, пристройки, состоявшія изъ нѣсколькихъ избъ, предназначенныя для Тимоша,—хотя послѣдній былъ еще подросткомъ, но, какъ сынъ гетмана, имѣлъ свой дворъ, правда немногочисленный, и своихъ сторонниковъ: онъ уже начиналъ вести свою собственную политику. Вокругъ раскинутъ былъ роскошный садъ, далѣе стояли, съ одной стороны, хозяйственныя постройки, съ другой—церковь св. Иліи, выстроенная иждивеніемъ и трудами Хмельницкаго и оконченная уже въ 1651 г. Церковь служила лучшимъ украшеніемъ села; матерьялъ для постройки былъ взятъ изъ татарской мечети, находившейся въ степи недалеко отъ Чигирина; архитектура церкви по всей вѣроятности была въ готическомъ стилѣ [2]). За церковью тянулся рынокъ, изъ глубины котораго видна была другая церковь св. Михаила, окруженная вѣнцомъ деревьевъ. Въ Суботовѣ кипѣла жизнь, съ Чигириномъ поддерживались постоянныя сношенія; оживленіе увеличивалось, когда гетманъ являлся въ село для отдыха. Дольше всего оставался онъ здѣсь осенью и осматривалъ многочисленныя пасѣки—„гулялъ по пасѣкамъ“,—онъ особенно любилъ это дѣло [3]). Въ суботовскомъ дворѣ также замѣчался извѣстный порядокъ и

[1]) Пам., l. c., I, 3, 328.—Michałowski, 374.

[2]) Падалица, Разсказы, I, 77.

[3]) Акты отн. къ ист. Ю. и З. Р., III, 496.

хозяйственность, даже склонность къ нѣкоторой роскоши; собранныя отовсюду драгоцѣнности были расположены живописными группами,—видно было вліяніе женщины изъ образованнаго сословія. И дѣйствительно, степовая Елена распоряжалась тамъ уже въ качествѣ полновластной хозяйки, она завѣдывала домомъ, была также опекуншей двухъ дочерей гетмана и младшаго сына, девятилѣтняго Юрася,—старшій, Тимошъ, уже стремился освободиться отъ ея вліянія и даже явно выказывалъ свою непріязнь къ мачихѣ. Заботами Елены обѣ дочери гетмана были пристроены,—лѣтописцы, впрочемъ, не отмѣтили даты свадебныхъ торжествъ, извѣстно лишь, что они состоялись передъ походомъ къ Берестечку. Старшая, Екатерина, вышла замужъ за Даніила Выговскаго, родного брата Ивана Выговскаго, писаря войска запорожскаго [1]). Послѣдній въ это время пользовался уже полнымъ довѣріемъ гетмана и имѣлъ на него неограниченное вліяніе; лишь онъ умѣлъ смирить порывы безразсуднаго гнѣва Богдана и осмѣливался приблизиться къ нему въ такіе моменты. Пользуясь вліяніемъ писаря, прочіе Выговскіе также потянулись въ Чигиринъ. Престарѣлый отецъ будущаго гетмана, Остафій, жилъ на богомольи въ Кіевѣ, отличался гостепріимствомъ, пользовался общимъ уваженіемъ [2]) и, благодаря своимъ дружескимъ отношеніямъ къ гетману, съумѣлъ пристроить у него сына своего Даніила и зятя Тетеру. Послѣдній вскорѣ сдѣлался полковникомъ переяславскимъ, а Даніилъ успѣлъ покорить сердце Екатерины, любимицы отца, получилъ важный постъ въ войскѣ и, какъ ближайшій и довѣреннѣйшій совѣтникъ гетмана, ѣздилъ посломъ въ Москву въ 1654 г. [3]). Младшая дочь, Елена, вышла за Ивана Нечая, брата Даніила Нечая, полковника брацлавскаго, оберегавшаго границу со стороны Рѣчи Посполитой. Даніилъ былъ дѣйствительно убѣжденнымъ человѣкомъ и всегда горячо и искренно отстаивалъ интересы „голоты“, т. е. поспольства. Уже въ ту пору въ средѣ

---

[1]) Акты отн. къ ист. Ю. и З. Р. XIV, 49 и 54.—„Кіев. Старина“, 1890, т. 38, стр. 35—46.

[2]) Пам. изд. Кіев. ком., II, 341.—Костомаровъ, Монографіи, II, 142.

[3]) Акты Ю. З. Р., XIV, 49—54.

козачества обрисовывались два враждебныхъ направленія, правда, еще не вылившіяся въ строго опредѣленную форму: аристократическое, тянувшее къ шляхетскому строю, и демократическое, опиравшееся на простой народъ. Даніилъ Нечай держался послѣдняго направленія. Гетману нужно было считаться съ этой силой,—быть можётъ, потому онъ и согласился выдать дочь за Ивана Нечая. Свадьба состоялась въ половинѣ 1650 г. [1]). Тѣмъ не менѣе, симпатіи гетмана сказались и тутъ: въ то время какъ Нечай оставался какъ будто въ тѣни, Выговскій съумѣлъ получить полное довѣріе тестя, получилъ смѣлянское имѣніе, нѣкогда принадлежавшее Конецпольскому и взятое на гетманскую булаву [2]); Нечай въ скромной должности полковника черкасскаго, проживалъ вдали отъ Чигирина, тогда какъ Даніилъ Выговскій почти постоянно находился при дворѣ, сопутствовалъ тестю въ походахъ, находился при немъ во время второй осады Львова, а подъ Люблиномъ командовалъ двадцатитысячнымъ отрядомъ [3]). Во время предсмертной болѣзни Богдана, ухаживаетъ за отцомъ любимая дочь Екатерина. Дѣтей у нея нѣтъ, за хозяйствомъ присматриваютъ слуги,—слѣдуетъ утѣшать отца въ несчастьи. Отецъ, въ благодарность за такую заботливость дочери, оказываетъ особое вниманіе и ея мужу,—посвящаетъ его въ свои тайны. Даніилъ умѣетъ ладить и съ писаремъ войска запорожскаго, они находятся въ великой дружбѣ и единеніи. Иванъ Нечай не обладалъ достоинствами своего брата, полковника брацлавскаго, и не раздѣлялъ его взглядовъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа.

Трудно сказать, какое положеніе относительно новобрачныхъ заняла гетманша. Повидимому, особой дружбы не было, скорѣе нѣкоторая холодность. Въ Суботовѣ оставались съ мачихой Юрій, требовавшій опеки, и Тимошъ. Елена не обращала вниманія на враждебность послѣдняго; гетманъ горячо любилъ ее. Она сблизилась съ Выговскимъ, бывала, по его приглашенію, въ Чигиринѣ; однажды, по соглашенію съ писаремъ войска за-

---

[1]) Новицкій, Адамъ Кисель, 62.

[2]) Volum. leg., IV, 303.

[3]) Величко, Лѣтопись, I, 15, 220.—Костомаровъ, III, 206, 227.

порожскаго, Елена рѣшилась даже пріостановить исполненіе приговора, объявленнаго пьянымъ мужемъ относительно Юрія Киселя, новгородскаго хорунжаго. Постепенно, быть можетъ подъ вліяніемъ мужа, она пріобрѣтала наклонность къ спиртнымъ напиткамъ и сдѣлалась въ концѣ концовъ порядочной пьяницей [1]). Уединенная жизнь въ Суботовѣ представляла мало привлекательнаго; гетманъ большею частью находился въ отсутствіи, и гетманша рѣшила разогнать скуку. Въ числѣ придворныхъ былъ молодой зегармистръ, привезенный Хмельницкимъ изъ Львова и возведенный въ санъ личнаго казначея,—на немъ остановилось вниманіе Елены: „какъ кажется, она обращалась съ нимъ довольно непринужденно", замѣчаетъ современный хроникеръ [2]). Въ первое время никто не придавалъ этому значенія, но особое вниманіе гетманши къ безродному парню постепенно возбудило подозрѣнія старшаго пасынка, заклятаго врага Елены. Онъ подсматривалъ и выслѣживалъ—но молчалъ. Новая случайность окончательно погубила гетманшу. Дѣло было въ 1651 году. Въ половинѣ февраля гетманъ съ войскомъ отправился къ Бару [3]). Предпріятіе не клеилось, особыхъ выгодъ не представлялось, край былъ опустошенъ, не хватало средствъ на продовольствіе войска, и необходимо было обратиться къ собственнымъ средствамъ гетмана. Богданъ послалъ за деньгами къ Тимошу. Оказался недочетъ въ одномъ боченкѣ съ золотомъ, началось дознаніе надъ казначеемъ, руководимое сыномъ гетмана,—не обошлось и безъ пытокъ. Преступникъ во всемъ сознался и указалъ на гетманшу, какъ на пособницу; по его словамъ, у нихъ было намѣреніе убѣжать съ украденнымъ золотомъ въ Польшу. Безъ сомнѣнія, результаты слѣдствія были сообщены гетману; быть можетъ, онъ самъ и постановилъ приговоръ, поручивъ сыну исполненіе его. Какъ бы то ни было, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1651 г. приговоръ былъ исполненъ въ точности, со всею характерною для эпохи жестокостью и издѣвательствомъ надъ беззащитною жен-

---

[1]) Historia haniebnej niewoli, 100.

[2]) Pamiętniki Radziwiłła, II, 437.

[3]) Костомаровъ, II, 305.

щиною. Освѣцимъ подробно описалъ гнусную процедуру: обое погибли на висѣлицѣ, сколоченной изъ воротъ суботовскаго двора [1]). Ерличъ упоминаетъ о повѣшеніи семерыхъ [2]). Въ такомъ случаѣ въ покушеніи на гетманскую казну принимали участіе и другія лица. Неизвѣстный корреспондентъ изъ обоза подъ Бѣлопольемъ утверждаетъ, что гетманша была казнена на глазахъ Тимоша [3]). Какъ бы то ни было, фактъ казни не подлежитъ сомнѣнію. Такъ окончила жизнь эта „жалостливая къ невинно страждущимъ Эсѳирь", не вымоливъ жалости у того, кто ей такъ многимъ былъ обязанъ. Лишь Юрась провожалъ ее со слезами въ могилу,—онъ присутствовалъ при казни по приказанію брата. Когда къ Хмельницкому дошла вѣсть о событіи (10 мая), гетманъ впалъ въ жестокую тоску и отчаяніе [4]). Извѣстіе о казни получено было и въ обозѣ подъ Берестечкомъ сам король объявилъ объ этомъ на ужинѣ, что подало поводъ къ насмѣшкамъ разнаго рода [5]). Если Чаплинскій былъ еще въ живыхъ, то могъ теперь вздохнуть свободнѣе: онъ поквитался съ гетманомъ.

IV.

Анна Филиппиха, третья жена Хмельницкаго.-Розанда Лупулъ, жена Тимоша, трагическая судьба ея.—Положеніе украинскихъ женщинъ передъ смертью гетмана.

1651 годъ принадлежалъ къ числу самыхъ неудачныхъ для гетмана; трагическая исторія съ женой, затѣмъ походъ, окончившійся пораженіемъ подъ Брестечкомъ. Въ военныхъ стычкахъ онъ потерялъ лучшихъ друзей: въ одной изъ нихъ былъ убитъ Тугай-Бей; во время штурма козацкаго обоза погибъ „іерусалимскій" патріархъ Эвдоксій, нѣсколько лѣтъ проживавшій почти безпрерывно при дворѣ гетмана. Мало того: бѣгство съ

---

[1]) Отрывки изъ дневника, l. c., 58: виновныхъ связали sicut erant in actione adulterii.

[2]) Лѣтопись, L, 120.

[3]) Grabowski, Starożytności polskie, I, 353.

[4]) Акты отн. къ ист. Ю. и З. Р., III, 452.

[5]) Освѣцимъ, 59.

поля битвы, плѣнъ у крымскаго хана, которому пришлось дать 800,000 талеровъ или золотыхъ въ видѣ выкупа [1]). Козачество начинало волноваться, чернь замышляла устранить Богдана съ гетманства,—надо было утишить бурю, искать помощи внутри и извнѣ края для спасенія. Несмотря на всѣ эти затрудненія и невзгоды, уже осенью 1651 года гетманъ вступаетъ въ третій бракъ съ Анной Золотаренко, обыкновенно называемой Филиппихой, вѣроятно по имени перваго мужа, бездѣтной вдовой не первой молодости [2]). Это была женщина серьезная и скромная, вѣроятно болѣе развитая, нежели ея предшественницы. Она завела нѣкоторый порядокъ въ гетманскомъ дворѣ: меньше стало шуму, пьянства и разгула; гетманъ угощался большею частью или у подручныхъ своихъ, или же въ одиночку, безъ свидѣтелей, въ „свѣтлицѣ"; „ворожки" уже не принимали участія въ ночныхъ попойкахъ и изрекали свои предсказанія при менѣе торжественной обстановкѣ. Дряхлѣвшій гетманъ относился къ женѣ съ уваженіемъ и слушался ея совѣтовъ и убѣжденій. Съ теченіемъ времени Анна стала на сторонѣ московской партіи; два брата ея, Иванъ и Василій Золотаренки, изъ скромныхъ сотниковъ вскорѣ дѣлаются полковниками,—первый корсунскимъ, второй нѣжинскимъ. Иванъ, какъ болѣе способный, руководитъ сестрою, а черезъ нее и гетманомъ; онъ рѣшаетъ судьбу батогскихъ плѣнныхъ [3]), часто исполняетъ должность наказного гетмана, особенно въ 1653 и 1654 г.; тогда же, во главѣ отряда въ 26,000 чел., онъ воюетъ въ Бѣлоруссіи [4]), помогаетъ царю Алексѣю Михайловичу, беретъ Гомель, Чечерскъ, Новый Быховъ. За это онъ получилъ награды, выдѣлявшія его изъ толпы: царь отдаетъ ему въ потомственное владѣніе Батуринъ, даритъ ему серебряный кубокъ съ инкрустаціями цѣною въ 180 руб., два сорока соболей, по 40 рублей сорокъ; подобными же милостями пользуются и подручные наказного гетмана [5]). Братья Зо-

---

[1]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza II, 198.—Костомаровъ, Богданъ Хмел., II, 391.

[2]) Костомаровъ, ib, II, 398.—Wojna z Kozaki i Tatary, 278.

[3]) Historia panowania Jana Kozimierza, Poznań, 1840, I, 148.

[4]) Акты отн. къ ист. Ю. З. Р., XIV, 712.

[5]) Ib. 172—174, 179.

лотаренки пользовались большимъ вліяніемъ среди козаковъ и вѣроятно дѣйствовали въ пользу гетмана, нуждавшагося послѣ пораженія въ поддержкѣ. Богданъ сдѣлался мягче, спокойнѣе на время, быть можетъ подъ вліяніемъ пораженія, а частью благодаря семейному миру. Гетманша имѣла при себѣ женскій придворный штатъ и особыхъ прислужниковъ (писаря, пажей, гайдуковъ). Любопытно, что она собственною властью выдаетъ Густынскому монастырю универсалъ, предписывающій прилуцкимъ обывателямъ не нарушать монастырскихъ владѣній, дарованныхъ кн. Вишневецкимъ и подтвержденныхъ ея мужемъ [1]). Уже изъ этого акта, впрочемъ, единственнаго въ своемъ родѣ, можно заключить, что Филиппиха пользовалась большимъ вліяніемъ на гетмана. Съ родней Богдана она живетъ въ мирѣ и согласіи, по крайней мѣрѣ ничего не слышимъ о ссорахъ. Тимошъ, расправившись варварски съ первой мачихой, успокоился; Юрій былъ отданъ въ науку въ Кіевъ; старшая дочь, Выговская, стояла близко къ гетманшѣ; младшая, Нечай, держалась нѣсколько въ отдаленіи, но въ случаяхъ пріѣзда въ Чигиринъ или Суботовъ всегда встрѣчала радушный пріемъ, а мужъ ея нерѣдко воевалъ подъ начальствомъ Золотаренка. Даже съ писаремъ войска запорожскаго умѣла ладить гетманша, — конечно, тутъ много значила дипломатичная манера писаря и то обстоятельство, что Богданъ мирился съ самыми разнообразными направленіями среди приближенныхъ къ нему лицъ, такъ какъ ему приходилось оглядываться во всѣ стороны.

Грозный гетманъ, послѣ собственной женитьбы и успокоенія Украины, задумалъ женить Тимоша. Послѣднему едва минуло въ то время 17 лѣтъ, но для гетмана на первомъ планѣ стояли династическіе проекты,—надо было торопиться, такъ какъ задуманному союзу угрожала каждую минуту опасность. Невѣсту для сына пришлось добывать въ теченіе двухъ лѣтъ и пролить массу крови своихъ и чужеземцевъ, лишь бы добиться цѣли. Исторія сватовства на дочери молдавскаго господаря Василія Лупула слишкомъ извѣстна, чтобы передавать ее здѣсь

---

1) „Кіевская Старина“, I, 213 (1882 г.).

подробно[1]). Коснемся ее лишь по связи съ содержаніемъ нашихъ очерковъ. Нужно вспомнить, что Василій Лупулъ былъ родомъ изъ Албаніи, занимался торговлей въ Стамбулѣ, затѣмъ во время господарства Моисея Могилы поселился въ Молдавіи и достигъ чина великаго „дворника“ (канцлера). Жена его, венеціанка, дочь драгомана Грилло, умерла рано, оставивъ вдовцу двухъ дѣвочекъ: старшую Елену и младшую Розанду, которую нѣкоторые лѣтописцы называютъ Ириной. Лупулъ составилъ себѣ торговлей огромное состояніе и задумалъ сдѣлаться владѣтельной особой, а молдавское господарство можно было купить. „Кто больше дастъ турку, тотъ и господарь“, говорили въ Польшѣ[2]). Афера обѣщала большія прибыли, и Лупулъ терпѣливо ожидалъ удобнаго момента, ухаживая за вельможами падишаха, склонными къ денежнымъ подаркамъ. Въ 1634 г. онъ былъ наконецъ утвержденъ въ званіи господаря. Въ силу новаго султанскаго распоряженія, чрезъ каждые три года нужно было являться въ Стамбулъ и выпрашивать продолженіе милостей падишаха, другими словами, сыпать золотомъ безъ конца. Но за то господарь могъ грабить своихъ подданныхъ безъ пощады, что Лупулъ и дѣлалъ весьма добросовѣстно. Въ турецкую казну приходилось платить „мукоера“ (дани) 75,000 левковъ, а дохода получалось 400,000, въ дѣйствительности же гораздо болѣе,—немудрено, что богатство Лупула все возрастало.

Въ 1639 г. господарь вторично женился на черкешенкѣ и завелъ при дворѣ неслыханную роскошь. О богатствахъ Лупула разсказывали чудеса. У лѣтописцевъ постоянно упоминается о 6 милліонахъ червоныхъ золотыхъ Лупула, и несмотря на всякіе расходы и потери, сумма не измѣняется. Съ Польшей, которая находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Молдавіей, господарь былъ въ большой дружбѣ,—сюда можно было укрыться въ случаѣ катастрофы. Старшую дочь Елену Лупулъ выдалъ

[1]) Шайноха, Szkice historyczne, IV, 1—77.—Kubala, Krwawe swaty (szkice histor., II, 131). - Drakula Z., Domna Rozanda, драма 1884. — Венгржановскій, Свадьба Тимошка Хм., Кіевъ, 1887.

[2]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III etc., II, 134.

за польскаго вельможу кн. Радзивила, не безъ сопротивленія со стороны Порты [1]). Свадьба состоялась въ Яссахъ въ 1645 г. Въ числѣ гостей не мало было претендентовъ на руку младшей сестры Розанды, 15-лѣтней красавицы: упомянемъ лишь о старостѣ снятынскомъ Петрѣ Потоцкомъ, кн. Дмитріи Вишневецкомъ, Сигизмундѣ, братѣ Ракочи, князя седмиградскаго. Молодымъ устроенъ былъ Потоцкими великолѣпный пріемъ въ Каменцѣ, куда прибыла и Розанда съ мачихой. Празднества тянулись нѣсколько дней.

Все удавалось Лупулу, пока не выступили на сцену козаки. Господарь хлопоталъ за Польшу у падишаха и оказалъ полякамъ немалыя услуги, за что въ 1650 г. ему было даровано званіе польскаго гражданина [2]). Тѣмъ не менѣе надо было ладить и съ Хмельницкимъ, котораго Лупулъ зналъ еще въ Константинополѣ. Гетманъ, упоенный удачами, мечталъ о завоеваніяхъ и вообще о широкой политикѣ. Молдавія казалась ему наиболѣе легкой добычей. Отсюда сватовство, о которомъ Лупулъ узналъ съ великимъ страхомъ и негодованіемъ. Сомнительно, чтобы Тимошъ питалъ дѣйствительную любовь къ Розандѣ, — вѣдь онъ совсѣмъ не зналъ невѣсты. Какъ бы то ни было, отказъ господаря оскорбилъ гетмана, который и выслалъ „кровавыхъ сватовъ", пригласивъ конечно и орду: долго плакала отъ этихъ смотринъ молдавская земля — Сучава, Яссы, разоренные до тла, сожженныя села, народъ захваченный въ ясыръ... Лупулъ откупился отъ татаръ за 150.000 талеровъ, но осталось 16.000 козаковъ, которымъ тоже пришлось уплатить 10.000 тал. откупного и кромѣ того согласиться на бракъ дочери съ Тимошемъ. Договоръ былъ обезпеченъ заложниками съ молдавской стороны, и свадьба назначена на конецъ 1650 г. Однако, на этотъ разъ дѣло не удалось, такъ какъ Порта не изъявила согласія на бракъ, и Розанда была увезена въ Стамбулъ въ качествѣ заложницы въ началѣ 1651 г. и прожила въ столицѣ почти цѣлый годъ; по слухамъ, великій ви-

---

[1]) Pamiętniki Radziwiłła, II, 154.

[2]) Dogiel, Codeks diplom., II, 621. — Volum. leg., VI, 155.

зирь Ахмедъ сильно заинтересовался прекрасной заложницей, которая тоже не была равнодушна къ такому вниманію. Дворцовый переворотъ освободилъ Розанду--она возвратилась въ Яссы, гдѣ ничто не измѣнилось: Хмельницкій продолжалъ настаивать, а къ прежнимъ претендентамъ прибавился еще новый—польный гетманъ Калиновскій. Это оригинальное сватовство окончилось въ 1652 г. батогскимъ погромомъ, и Тимошъ явился къ молдавской границѣ. Нужно было покориться—и Лупулъ самъ уже просилъ ускорить свадьбу, лишь бы избавиться отъ татаръ и не пустить козаковъ въ Молдавію [1]). Торжество состоялось чрезъ десять недѣль послѣ батогской рѣзни.

До насъ дошло подробное описаніе свадьбы, сдѣланное очевидцемъ [2]). Церемоніалъ встрѣчи не представляетъ для насъ значенія. Слѣдуетъ лишь упомянуть, что господарь старался блеснуть роскошью: „ѣхалъ, какъ монархъ, великолѣпіе котораго нѣтъ возможности описать достодолжнымъ образомъ“. Поѣздъ Тимоша выглядѣлъ гораздо скромнѣе: состоялъ изъ девяти коней—„дрянныхъ и тощихъ“, сѣдла дорогія лишь на двухъ коняхъ—одно вышитое жемчугомъ, другое золотомъ. Вслѣдъ за свитой двигались 3.000 вооруженныхъ козаковъ, два рыдвана, повозка съ казной и четыреста простыхъ повозокъ, въ которыхъ находились соболи „для торговли“. Полковники въ польскихъ кунтушахъ ѣхали на прекрасныхъ скакунахъ; далѣе, войсковая музыка и придворный оркестръ, въ составъ котораго входили органистъ, три скрипки, флейта и труба,—разыгрывались польскіе танцы. За свитой тянулось нѣсколько повозокъ съ дамами и козацкими свахами, родственницами Хмельницкихъ, затѣмъ телѣги и мазы съ женскимъ платьемъ, подарками и множествомъ различныхъ товаровъ. Самъ гетманъ не былъ на свадьбѣ, онъ находился въ то время въ далекой Украинѣ у Ганчарихи [3]); мачиха, сестры, зятья тоже не явились; Янъ Выговскій въ ту пору былъ еще холостымъ, а жена Павла Тетери, сестра писаря, держалась въ отдаленіи отъ Чигирина и почти не покидала

---

[1]) Kochowski, Climacter. I, 236, 348.

[2]) Шайноха, Szkice historyczne, IV, 53—60.

[3]) Гора подъ Каневомъ, невдалекѣ отъ Днѣпра. Słownik geogr., III, 25.

отцовскаго дома въ Кіевѣ; дѣтей у Тетери не было, и жена его вскорѣ умерла. Такимъ образомъ, среди свахъ Тимоша совсѣмъ не было сколько нибудь выдающихся козацкихъ дамъ,—пріѣхали женщины большею частью простого роду. Изъ козацкой старшины реляція упоминаетъ объ Иванѣ Выговскомъ и Павлѣ Тетерѣ,—остальные не играли выдающейся роли въ войскѣ. Выговскаго и Тетерю не безъ основанія считали въ Чигиринѣ людьми образованными; имъ не были чужды западная цивилизація, оба они прекрасно говорили по польски и были знакомы съ латынью. Поэтому писарь постоянно выручалъ жениха и отъ имени послѣдняго произносилъ привѣтственныя рѣчи и держалъ отвѣтъ на такія же рѣчи. Тимошъ „волкомъ глядѣлъ исподлобья... парень молодой, съ оспинами, малаго роста, но большой повѣса", какъ выражается анонимный очевидецъ. По прибытіи гости были расквартированы: козацкіе отряды стали обозомъ „подъ Виноградомъ" въ окрестностяхъ столицы, а свахамъ отведены были удобные дома. Свадебныя торжества продолжались цѣлую недѣлю (отъ 30 авг. до 6 сент.). Если вѣрить анонимной реляціи, прибывшія изъ Чигирина дамы лишь разъ показались въ господарскихъ палатахъ, именно—на свадебномъ обѣдѣ; ихъ принимала сама господарша въ особыхъ комнатахъ. За ними посланы были кареты на квартиры, но дома не застали, потому что дамы „находились въ трактирѣ на выпивкѣ. Привезли ихъ въ замокъ, какъ какія нибудь страшилища, онѣ выглядѣли безобразно въ своихъ еврейскихъ кафтанахъ, подшитыхъ однако соболями, съ высокими воротниками; кажется, онѣ думали подражать молдавской модѣ. Можно бы объ этомъ много поразсказать, но скромность не позволяетъ". Послѣ обѣда свахи должно быть подпили, потому что дошло до ссоры съ женами бояръ, которыя подсмѣивались надъ грубоватостью и странными для нихъ манерами козачекъ; ссора перешла въ настоящую брань и грозила дракой. Особенно отличялась Галька Корныха, уже пожилая вдова—сотничиха, непобѣдимая въ словесномъ бою: „Вотъ невидаль какая,—кричала она,—коли вы лучше насъ, то зачѣмъ отдаете дочку вашу за козачка?" Кое какъ удалось выпровадить съ честью сварливую

бабу, но на лѣстницѣ она упала,—хмель былъ въ головѣ,—пришлось снести ее въ карету. Подруги ея также удалились недовольныя, ихъ развезли по домамъ,—немало было смѣху и по дорогѣ, когда онѣ начали расплачиваться орѣхами съ кучерами.

Безспорно, появленіе украинскихъ дамъ при молдавскомъ дворѣ было не изъ удачныхъ, но нужно замѣтить, что здѣсь столкнулись представительницы двухъ совершенно различныхъ обществъ: въ Яссахъ царила необычайная роскошь и крайняя утонченность манеръ, съ восточнымъ лоскомъ. Украинки видимо старались приспособиться къ невѣдомому дотолѣ міру и думали одѣться по-молдавански,—не ихъ вина, если получилась каррикатура. Если скромный авторъ реляціи не рѣшался разсказывать далѣе о выходкахъ украинскихъ свахъ, то слѣдуетъ помнить, что и молдавскія боярыни отнюдь не могли считаться ангелами непорочными: извѣстно, что среди нихъ царила самая утонченная распущенность, бездѣльничество, пренебреженіе къ семейнымъ обязанностямъ, словомъ—всѣ слѣды гаремнаго воспитанія, безъ той узды, которая держала въ страхѣ обитательницъ настоящихъ гаремовъ.

Несмотря на всѣ эти маленькія неровности, гетманъ былъ доволенъ свадьбой сына,—все таки онъ поставилъ на своемъ, и первый удачный шагъ имѣлъ для него большое значеніе. Резиденціей для новобрачныхъ онъ назначилъ Суботовъ, расширилъ домъ, окружилъ его двойнымъ валомъ, пріукрасилъ внутри. Захваченная Тимошемъ въ Молдавіи добыча пошла на украшеніе церкви св. Михаила, стоявшей невдалекѣ отъ двора на рынкѣ и находившейся подъ особымъ покровительствомъ гетманскаго сына. Съ нетерпѣніемъ поджидалъ Богданъ пріѣзда молодой пары, привѣтствовалъ ихъ съ великою радостью, довольный тѣмъ, что пріобрѣлъ союзниковъ и друзей, съ одной стороны, хана съ ордою, съ другой—свата господаря съ молдаванами [1]). Торжественный пріемъ подготовлялся задолго, предполагалось пойти на встрѣчу съ татарскими и козацкими вой-

---

[1]) Лѣтопись Величка, I, 118.

сками [1]), но ханъ, кажется, не сдержалъ слова, потому что гетманъ встрѣтилъ молодыхъ лишь въ сопровожденіи родичей и старшины, помѣстилъ ихъ у себя въ Чигиринѣ и лишь въ концѣ сентября отпустилъ въ Суботовъ. Пьянство и разгулъ стояли великіе, трезваго человѣка въ свитѣ гетмана нельзя было сыскать со свѣчей. Новобрачная какъ-то стушевывалась среди этого необузданнаго веселья, которое должно было пугать непривычную женщину; кругомъ пьянство, грубыя ссоры, оканчивавшіяся дракой; даже почтеніе выражалось въ необычно-рѣзкихъ формахъ; покоя ни минуты; всѣ осматривали ее какъ заморскую диковинку; громкое и безпорядочное пѣніе, чоканье съ требованіемъ взаимности, дикіе танцы—все это должно было приводить молодую въ одурѣніе и апатію. Мужъ, мрачный и равнодушный, пугалъ ее своею молчаливостью. Уже вскорѣ послѣ переѣзда молдавской границы онъ началъ обнаруживать признаки недовольства, несмотря на шумное веселье въ обозѣ и чудные сентябрьскіе дни, такъ гармонировавшіе свадебной поѣздкѣ. Тимошъ ясно далъ понять молодой, что женился изъ разсчета. Онъ надѣялся, что Лупулъ осыпетъ его золотомъ, но сильно ошибся: 2.000 талеровъ и 2.000 червоныхъ золотыхъ, наряду, впрочемъ, съ богатымъ приданымъ—чистый пустякъ въ сущности; даже подарки свитѣ оставляли желать многаго: такъ, напр., Выговскій, самый приближенный къ гетману сановникъ, получилъ 10 локтей бархата, 20 локтей атласа, рысью шубу и 300 левковъ. Подарки другимъ лицамъ были гораздо скромнѣе. Гдѣ же хваленыя богатства господаря, если онъ такъ скупо снарядилъ родную дочь? Были и другія причины недовольства, какъ разсказывала французская газета въ корреспонденціи изъ Варшавы отъ 15 ноября 1652 г., т. е. вскорѣ послѣ свадьбы: „сынъ генерала Хмельницкаго, Тимошъ, уже дважды билъ свою молодую жену, дочь молдавскаго князя, упрекая ее за отношенія къ великому визирю, когда она была заложницей въ сералѣ и милостью визиря думала получить свободу. Но отецъ Хмельницкій, для котораго это весьма важно,

---

[1]) Michałowski, księga pamiętnicza, 661.

всячески старается склонить сына къ лучшему обращенію съ женой“ [1]).

При такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо вліяніи Розанды при чигиринскомъ дворѣ, даже при содѣйствіи тестя; да и времени не хватало для такого вліянія, потому что Тимошъ немедленно занялся своими честолюбивыми проектами. Подъ предлогомъ чумы, свирѣпствовавшей въ концѣ 1652 г. на Украинѣ, онъ выпросилъ разрѣшеніе явиться въ Яссы, затѣялъ войну съ Валахіей, а черезъ семь мѣсяцевъ послѣ свадьбы (6 апрѣля 1653 г.) Лупулова столица была уже въ рукахъ непріятеля,—самъ господарь съ семьей искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Въ это то время Розанда съ мачихой и малолѣтнимъ братомъ нашли гостепріимное убѣжище за неприступными стѣнами Каменецъ-Подольскаго, гдѣ старостой былъ одинъ изъ первыхъ претендентовъ на руку Розанды, Петръ Потоцкій, державшій себя въ этомъ дѣлѣ, какъ истый рыцарь, по отношенію къ беззащитной женщинѣ.

Въ іюлѣ 1653 г., послѣ новаго пораженія Лупулъ убѣжалъ на Украину къ гетману, а зять его вмѣстѣ съ женщинами заперся въ осажденной Сучавѣ. Драма близилась къ концу. Самонадѣянный Тимошъ, 18-лѣтній молокососъ, оказался ниже задачи, которую такъ безумно взялся выполнить; военныхъ талантовъ у него не было, также какъ и у Лупула, опытнаго лишь въ торговыхъ дѣлахъ. Пораженіе было неизбѣжно. На ихъ несчастье господари валашскій и молдавскій (Ракочи, назначенный вмѣсто низложеннаго Лупула) соединились вмѣстѣ, чтобы выпроводить непрошеннаго гостя. Когда Лупулъ явился въ Чигиринъ просить помощи, Хмельницкаго тамъ не было: онъ „гулялъ по пасѣкамъ“ въ Суботовѣ. Лупулъ явился сюда, но цѣлую недѣлю пришлось ожидать отрезвленія свата [2]). Гетманъ терпѣливо выслушалъ Лупула и, подавъ ему кружку съ водкой, преспокойно замѣтилъ: „вотъ, братъ, наилучшее утѣшеніе въ горести“ [3]). Лупулъ въ отчаяніи отправился въ Крымъ просить

---

[1]) Шайноха, Szkice histor., IV, 59.

[2]) Акты отн. къ ист. Ю. З. Р., III, 503.

[3]) Костомаровъ. Богд. Хмел., III, 70.—Шайноха, ib., IV, 63.

за деньги помощи у хана. Осада Сучавы между тѣмъ продолжалась, и Тимошъ былъ смертельно раненъ осколкомъ ядра. Защиту крѣпости приняла на себя безстрашная черкешенка, жена Лупула, и показала чудеса энергіи и храбрости. Розанда играла совершенно пассивную роль въ этомъ случаѣ: когда мачиха, обѣщала ея руку козацкому предводителю Ѳедоровичу, чтобы пріохотить его къ защитѣ крѣпости, Розанда безропотно покорилась, совершенно такъ, какъ это было въ Гальшкой изъ Острога. Но все тщетно: 9 октября 1653 г. крѣпость была сдана: Лупулова съ сыномъ отправлена въ Седмиградскую область плѣнницей; казну ея раздѣлили побѣдители; козаки получили безпрепятственный пропускъ на Украину; они не взяли съ собой ничего, кромѣ тѣла убитаго Тимоша. Вдова сопровождала печальную процессію, въ обществѣ старой прислужницы,—грустная картина!

Теперь Розанда осталась полной сиротой; сестра ея кн. Радзивилъ, умерла раньше, мачиха и братъ увезены въ неволю, отецъ попалъ въ Черную башню въ Стамбулѣ, куда его отправили татары, на родинѣ мужа не ожидало ее ничего хорошаго, а тутъ какъ на зло приближалось время сдѣлаться матерью. 22 октября тѣло Тимоша было доставлено въ Чигиринъ; здѣсь же Розанда родила двухъ близнецовъ-мальчиковъ, которые повидимому вскорѣ умерли, такъ какъ впослѣдствіи ничего о нихъ не слышимъ. Торжественные похороны Тимоша совершены были лишь 27 декабря въ Суботовѣ, въ церкви св. Михаила; присутствовали отецъ, мачиха, сестры, козацкая старшина—всѣ провожали тѣло изъ Чигирина; вдова вышла на встрѣчу процессіи изъ своего дома,—вѣроятно была еще нездорова. Хмельницкій не стѣснялъ Розанду и оставилъ ей во владѣніе дворъ, гдѣ она раньше жила съ мужемъ. Здѣсь навѣстилъ вдову антіохійскій патріархъ, который видѣлъ ее не разъ на панихидахъ по Тимошкѣ. Бывала и она у патріарха, всегда въ слезахъ; угнетенная, молчаливая, она вела жизнь совершенно уединенную; къ гетманской семьѣ она не могла примкнуть; во всякомъ случаѣ съ нею обращались если и холодно, то по крайней мѣрѣ съ извѣстнымъ почтеніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе Розанды среди козацкаго общества произвело нѣкоторыя перемѣны въ придворномъ церемоніалѣ. Правда, немалую роль играли въ этомъ случаѣ и политическія обстоятельства: сближеніе съ Москвой, получаемыя оттуда отличія въ видѣ подарковъ, утвержденій въ дворянствѣ и земельныхъ пожалованій. Такимъ путемъ закрѣплялось привиллегированное положеніе вліятельнаго класса, который постепенно началъ усваивать обычаи и образъ жизни, свойственные этому классу въ сосѣднихъ государствахъ. Поспольство, правда еще пользовавшееся вольностью, мало по малу отступаетъ на задній планъ, терпитъ разнообразныя стѣсненія отъ старшины; конечно, дѣло не обходится безъ волненій и кровавыхъ протестовъ, но въ концѣ концевъ простой народъ попадаетъ въ крѣпостныя узы.

Благодаря вліянію Филиппихи, гости гетмана начинаютъ вести себя при дворѣ гораздо скромнѣе и приличнѣе, о прежнихъ оргіяхъ нѣтъ уже и рѣчи; козацкія жены появляются здѣсь совсѣмъ при другой обстановкѣ, ссоры и драки изгнаны изъ придворнаго обихода и случаются развѣ въ видѣ исключенія. Вліяніе третьей жены на Хмельницкаго было хорошо извѣстно, такъ что даже королева польская Марія—Людвика обращалась однажды къ ея посредничеству и послала ей въ этомъ смыслѣ письмо вмѣстѣ съ дорогимъ подаркомъ. Гетманъ, получивъ это письмо подъ Львовымъ, былъ сильно растроганъ и даже плакалъ отъ умиленія, если вѣритъ современному извѣстію[1]). Этотъ фактъ достаточно характеризуетъ вліяніе Филиппихи при Чигиринскомъ дворѣ, которое не ослабѣло и послѣ смерти ея брата, погибшаго при осадѣ Стараго Быхова[2]). Напротивъ, оно даже усилилось. Пріемы иноземныхъ пословъ, прежде столь шумные и безпорядочные, получили теперь другой характеръ; въ дипломатическихъ обѣдахъ уже не принималъ участія первый встрѣчный,—установился извѣстный выборъ; появляются на нихъ и женщины изъ родни гетмана. Такъ, во время посѣщенія Бутурлина 1657 г. на обѣдѣ присутствовали гетманша и

---

[1]) Костомаровъ, Богд. Хм., III, 219.—Historia belli Cosac. polon., 239—249.

[2]) Самовидецъ, 25.—Ерлича лѣтопись, II, 179.

Екатерина Выговская, изъ мужчинъ—самъ гетманъ, иногда сынъ его Юрій, далѣе, генеральный асаулъ Ковалевскій и писарь войска запорожскаго Янъ Выговскій; послѣдній за годъ передъ этимъ женился на Статкевичъ, но дочь сенатора не показывалась въ чигиринскомъ обществѣ. Даже въ публичныхъ рѣчахъ гетмана замѣчается теперь нѣкоторая сдержанность: онъ чокается съ гостямми не водкой какъ прежде, а старымъ венгерскимъ виномъ въ серебряныхъ кубкахъ. Словомъ, незадолго до смерти, которая наступила въ августѣ 1657 г., гетманъ возвратился къ юношескимъ своимъ привычкамъ. Династическіе планы его, шаткіе въ самой основѣ, пошли прахомъ, дворъ разбрелся во всѣ стороны. О Филиппихѣ уже ничего не слышимъ съ этой поры, только дочерямъ пришлось вскорѣ выступить на сцену. А невѣстка? Мы оставили ее въ Суботовѣ, но кажется она не дожилась здѣсь смерти тестя. Достовѣрно во всякомъ случаѣ, что она не покинула Украины и что на содержаніе вдовы съ двумя малютками Хмельницкій отдалъ доходы Зѣньковскаго ключа съ окрестностями,—это пожалованіе было подтверждено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ во особомъ указѣ. Сосѣди недоброжелательно относились къ вдовѣ, взваливая на нее вину всѣхъ неудачъ послѣдняго времени, но не высказывали явнаго неуваженія невѣсткѣ гетмана, да и легенда о сокровищахъ Лупула играла не послѣднюю роль въ этомъ случаѣ: подозрѣвали, что Розанда успѣла спасти часть богатства отца, а послѣ мужа тоже досталось ей не малое наслѣдство. Кроткая женщина никого не могла обидѣть, а такъ какъ тесть относился къ ней съ почтеніемъ, то вдову не трогали, о ней забыли къ ея величайшей радости. Дальнѣйшія извѣстія о Розандѣ не отличаются достовѣрностью. Нѣкто Антоновскій, Михаилъ Ивановичъ, умершій въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, доказываетъ свое происхожденіе отъ Розанды[1]). По его словамъ, изъ Франціи прибылъ съ Яномъ Казимиромъ въ качествѣ надворнаго маршала Андро де Бюи; въ 1658 г. онъ, въ качествѣ начальника иноземныхъ войскъ на

[1]) Русскій Архивъ, Москва, 1885, II, 145—178.

службѣ Рѣчи Посполитой, получилъ права польскаго гражданина, съ прибавной фамиліей Антоновича [1]). Недовольный царствовавшими въ Рѣчи раздорами, новый польскій шляхтичъ перешелъ въ козацкое войско, гдѣ начальствовалъ надъ пѣхотой и артиллеріей. Здѣсь онъ отрекся отъ латинства и перемѣнилъ фамилію на Антоновскаго. Юрій Хмельницкій, сдѣлавшись гетманомъ, въ награду за услуги Антоновскаго отдалъ ему въ замужество вдову Тимоша. Такимъ образомъ, съ нею вновь распорядились по произволу. Очевидно, восточное воспитаніе и двукратное пребываніе въ сералѣ лишили ее всякой самостоятельности, а быть можетъ, пріучили къ безусловному повиновенію. Бракъ состоялся около 1660 г., годъ спустя родился сынъ Петръ, прадѣдъ Михаила Антоновскаго. Вскорѣ послѣ этого мы встрѣчаемъ Розанду въ Рашковѣ Подольскомъ или же въ сосѣднемъ Вади-Рашковѣ бессарабскомъ, гдѣ она ведетъ уединенную жизнь [2]). Кажется, рѣчь идетъ о Рашковѣ Подольскомъ, который принадлежалъ Конецпольскому: въ договорѣ съ Розандою послѣдній отдаетъ „женѣ Тимоша Хмельницкаго“ эту волость на залоговомъ правѣ. Накко, авторъ исторіи Бессарабіи, полагаетъ, что братъ вдовы, Стефанъ Лупулъ, сдѣлавшись въ 1659 г. господаремъ, приглашалъ сестру къ себѣ въ Яссы и даже выслалъ конвой, который былъ разсѣянъ козаками [3]); такимъ образомъ, Розанда осталась въ Рашковскомъ замкѣ, сильно укрѣпленномъ для отраженія грабительскихъ шаекъ. Но это не спасло ее отъ катастрофы: въ 1666 г. козаки подъ начальствомъ Дрозденка убили ее за то, что она не хотѣла подѣлиться съ ними своими богатствами. Въ другомъ мѣстѣ мы подробно разсказали, какимъ путемъ часть награбленныхъ драгоцѣнностей попала въ руки Юрію Володіевскому, а другая, львиная доля, Дорошенкѣ, впослѣдствіи гетману запорожскому, поэтому не станемъ повторять этой исторіи [4]). Единственнымъ воспоминаніемъ о пребы-

---

[1]) Нѣсецкій, II, 30.

[2]) Słownik geogr., IX, 533.

[3]) Исторія Бессарабіи, „Одесса“, II, 309.

[4]) Д-ръ Антоній I., Sylwetki historyczne, серія VIII, 311—314.

ваніи Розанды на чигиринскомъ дворѣ служитъ драгоцѣнное ожерелье, находящееся въ Бѣлоцерковской церкви, куда было пожертвовано Семеномъ Паліемъ: вѣроятно, оно досталось ему послѣ грабежа Дрозденка въ Рашковѣ [1]).

Н. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Венгржиновскій, Свадьба Тимоша Хм., 50, съ рисункомъ ожерелья.

ІОСИФЪ ІОСИФОВИЧЪ РОЛЕ (D-r. Antoni I.)

НЕКРОЛОГЪ.

Въ началѣ января текущаго года скончался въ Каменцѣ крупный и весьма дѣятельный труженикъ на полѣ исторіи юго-западнаго края—докторъ Іосифъ Ролле, извѣстный въ литературѣ подъ нѣсколько страннымъ псевдонимомъ Д-ра Антонія I.

Покойный былъ сыномъ французскаго эмигранта Іосифа Ролле (Rollé), поселившагося еще въ началѣ текущаго столѣтія въ Подоліи и занимавшаго какую-то должность въ экономіи или при дворѣ князя Генриха Любомирскаго. Около 1820 года кн. Любомирскій, въ награду за труды Ролле, отдалъ ему въ пожизненное владѣніе участокъ земли, принадлежавшій къ шаргородскому имѣнію (могилевскаго уѣзда, подольской губ.); на землѣ этой Ролле основалъ деревню Генриховку, въ которой въ 1830 году родился его сынъ Іосифъ-Антоній. Окончивъ винницкую гимназію, Іосифъ Іосифовичъ поступилъ въ 1849 г. въ кіевскій университетъ, въ которомъ кончилъ курсъ наукъ по медицинскому факультету въ 1854 г. Медицинскія науки, впрочемъ, не поглощали вполнѣ вниманія покойнаго; еще въ студенческіе годы онъ раздѣлялъ свое время такимъ образомъ, что значительную часть его употреблялъ на чтеніе книгъ историческихъ и съ особенною любовью слѣдилъ за всѣми сочиненіями, относившимися къ исторіи его ближайшей родины. Среди товарищей онъ слылъ лучшимъ знатокомъ исторіи родного края и пользовался въ этомъ отношеніи вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ. Окончивъ университетъ, молодой медикъ возвратился

на родину и, занимаясь въ разныхъ мѣстностяхъ Подолія медицинскою практикою, продолжалъ все свободное время посвящать собиранію и классификаціи историческихъ мѣстныхъ матеріаловъ. Къ обработкѣ ихъ онъ приступилъ только послѣ переселенія своего въ Каменецъ, гдѣ онъ прожилъ около 30 послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Печатая свои историческія монографіи въ разныхъ повременныхъ польскихъ изданіяхъ, авторъ выпускалъ ихъ потомъ, по мѣрѣ накопленія, отдѣльными томами подъ общимъ заглавіемъ: „Историческіе разсказы" (Opowiadania historyczne)". Первый томъ монографій появился во Львовѣ въ 1875 году, и съ того времени не проходило года безъ того, чтобы не появился новый томъ сочиненій плодовитаго автора; послѣдній изъ нихъ (серія IX) вышелъ въ концѣ 1893 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Д-ра Антонія. Вообще полное собраніе его сочиненій представляетъ внушительный рядъ—21 томъ.

По содержанію своему монографіи покойнаго Ролле (числомъ около 80), за весьма незначительными исключеніями, посвящены исторіи юго-западнаго края и по преимуществу родного ему Подолія. Источниками для его трудовъ служили произведенія исторической русской и польской литературы, записки современниковъ и по преимуществу историческіе документы; послѣдніе онъ заимствовалъ изъ двухъ источниковъ. Во первыхъ, онъ тщательно изучалъ изданія кіевской археографической коммиссіи и „Описи актовыхъ книгъ", издаваемыя управленіемъ кіевскаго центральнаго архива, съ крайнею кропотливостью выбиралъ изъ этихъ изданій всѣ мельчайшія подробности, представлявшія интересъ историческій, историко-топографическій или біографическій, и собранныя данныя группировалъ въ строгомъ систематическомъ порядкѣ; когда для извѣстнаго сюжета скоплялось достаточное количество вымѣтокъ, онъ приступалъ къ ихъ обработкѣ, и такимъ образомъ являлась на свѣтъ новая монографія. Другимъ обильнымъ документальнымъ источникомъ сочиненій Ролле служили фамильные архивы дворянъ подольской губерніи; располагая въ ихъ средѣ многочисленными связями и знакомствами, докторъ Антоній

черпалъ изъ нихъ весьма интересныя историческія свѣдѣнія, тѣмъ болѣе цѣнныя, что матеріалы эти, составляя частную собственность, не были доступны для болѣе широкой публики и могли послужить для научной цѣли только при существованіи личнаго знакомства автора съ ихъ владѣльцами.

Монографіи покойнаго Ролле носятъ всѣ характеръ эпизодическій, и сюжеты ихъ, самые разнообразные, обусловливаются содержаніемъ встрѣченнаго имъ документальнаго матеріала; исключеніе составляетъ одно лишь крупное сочиненіе покойнаго: трехтомная монографія, озаглавленная: „подольскіе замки на Молдавской границѣ“ (Zameczki Podolskie na kresach multańskich). Первые два тома этого сочиненія представляютъ систематическую, весьма полную и пока единственную исторію города Каменца-Подольскаго, третій-же томъ посвященъ исторіи подольскихъ городовъ: Жванца, Паневецъ, Чернокозинецъ, Бара, Могилева и Шаргорода. Остальныя монографіи представляютъ разсказы, посвященные самымъ разнообразнымъ эпизодамъ политической и внутренней исторіи юго-западнаго края: это—біографіи его дѣятелей, очерки исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, изслѣдованія всевозможныхъ сюжетовъ внутренняго быта, біографіи литературныхъ дѣятелей уроженцевъ Подолія и т. д.—Руководясь постоянно количествомъ и качествомъ собраннаго матеріала при выборѣ своихъ сюжетовъ, др. Антоній невольно сосредоточивался на тѣхъ періодахъ исторіи края, для которыхъ ему удавалось собрать болѣе матеріаловъ. Почти половина его монографій относится потому къ XVIII столѣтію, нѣсколько болѣе $^1/_4$ къ XVII, а XVI-му и XIX столѣтіямъ посвящено только по 10 монографій.

Не смотря на весьма добросовѣстное изученіе серьезнаго историческаго матеріала, докторъ Антоній не былъ сухимъ педантомъ; обладая въ значительной степени умѣніемъ изображать художественныя картины, онъ является скорѣе талантливымъ популяризаторомъ, чѣмъ строгимъ ученымъ. Первые томы его „историческихъ разсказовъ“ даже нѣсколько грѣшатъ преобладаніемъ художественнаго элемента надъ историческимъ — онѣ стоятъ какъ-бы на рубежѣ исторической повѣсти и историческаго из-

слѣдованія съ ясною наклонностію отдать предпочтеніе первому изъ указанныхъ направленій; но чѣмъ болѣе авторъ предавался своему труду, тѣмъ болѣе онъ сталъ сдерживать порывы фантазіи и, не отстраняя художественнаго представленія бытовыхъ картинъ, онъ все болѣе и болѣе заключалъ ихъ въ рамки строгаго историческаго разсказа; такой—характеръ носятъ почти безъ исключенія всѣ его произведенія за послѣднія 12—15 лѣтъ.

Такой-же прогрессъ, какой замѣчается въ способѣ изложенія, видѣнъ въ равной мѣрѣ и въ пріемахъ разсказа. Первыя монографіи доктора Антонія производили непріятное впечатлѣніе на читателя, стоявшаго внѣ круга, для котораго назначались его произведенія, особою манерою разсказа, состоящею въ злоупотребленіи эпитетами, которыми авторъ какъ-бы характеризовалъ a-priori лица и событія, заимствуя колоритъ этихъ эпитетовъ изъ цикла понятій, давно отжившихъ или по крайней мѣрѣ спорныхъ. Эта манера объясняется до извѣстной степени желаніемъ приноровиться къ бытовымъ понятіямъ описываемаго историческаго времени, можетъ быть еще въ большей степени—желаніемъ поддѣлаться подъ вкусы и понятія своей публики и не шокировать ея предубѣжденій. Во всякомъ случаѣ авторъ вскорѣ замѣтилъ всю неумѣстность своей манеры, сталъ къ ней прибѣгать все рѣже и рѣже, и послѣднія его монографіи почти совершенно чужды этого недостатка, конечно вредившаго объективному историческому изложенію.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о работахъ покойнаго Ролле, выходившихъ изъ круга исторической литературы, хотя знаемъ, что онъ сотрудничалъ въ польскихъ медицинскихъ журналахъ; намъ встрѣтились только двѣ его работы, хотя имѣющія нѣкоторую связь съ исторіею, но относящіяся собственно къ другимъ областямъ знанія: это опытъ филологическаго изслѣдованія о происхожденіи малорусскихъ фамильныхъ названій. (Историческіе разсказы, серія VIII) и антропологическій эскизъ: „о наслѣдственности помѣшательства“ (отдѣльная брошюра—Краковъ 1889).—Первая изъ этихъ статей составляетъ довольно неудачную попытку, такъ какъ авторъ долженъ былъ прибѣгнуть къ методамъ науки для него посторонней и потому не

могъ избѣжать многочисленныхъ ошибокъ, замѣтныхъ даже для неспеціалиста. Вторая статья представляетъ очень интересную попытку установить антропологическіе выводы о наслѣдственности, основываясь на біографическихъ данныхъ, собранныхъ авторомъ въ качествѣ историческаго матеріала.

Покойный въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ весьма дѣятельнымъ членомъ подольскаго губернскаго статистическаго комитета и подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Участіе его въ этихъ ученыхъ обществахъ выразилось изданіемъ при ихъ содѣйствіи двухъ историческихъ трудовъ на русскомъ языкѣ: 1) Подольская старина—изъ записокъ маіора Пташинскаго и 2) Матеріалы для исторіи подольской губерніи. Оба изданія относятся къ исторіи Подолія въ концѣ XVIII столѣтія; второе представляетъ сборникъ документовъ (119), содержащихъ правительственныя распоряженія, относившіяся къ Подоліи за первыя 5 лѣтъ послѣ присоединенія этой области къ Россіи (1792—1796), во время управленія краемъ генералъ-губернаторовъ Кречетникова и Тутолмина.

Обозрѣвая научную и литературную дѣятельность д-ра Ролле, мы не можемъ не признать ея весьма плодотворнаго значенія. Какъ историкъ, онъ разработалъ всесторонне многочисленные эпизоды прошлой жизни своей родины и воспользовался для освѣщенія ихъ обильными архивными частными матеріалами, которые безъ его участія не нашли-бы долго научнаго примѣненія.—Но гораздо большее значеніе имѣлъ докторъ Антоній І. какъ популяризаторъ: его монографіи, написанныя легко и привлекательно, ознакомили мѣстное польское общество съ исторіею юго-западнаго края и заставили это общество отказаться отъ многихъ предвзятыхъ мнѣній, тенденціозныхъ предубѣжденій. Онъ первый ввелъ въ польскую исторіографію привычку пользоваться выводами русской исторической науки и обращать серіозное вниманіе на историческій матеріалъ, издаваемый русскими учеными обществами и учрежденіями. Куда-бы ни лежали его симпатіи, какой-бы внѣшній колоритъ онъ ни придавалъ своимъ сужденіямъ, объективная историческая истина, которую покойный уважалъ, какъ подобаетъ историку

выступала постоянно изъ-подъ легкой наружной стилистической пелены и способствовала развитію самопознанія, чѣмъ и облегчалось желательное въ краѣ умиротвореніе и примиреніе.— Потому, не смотря на многія несогласія въ частностяхъ и на различные углы зрѣнія,—мы должны признать, что д-ръ Ролле неутомимою своею дѣятельностью на полѣ исторической науки сослужилъ честную службу на пользу родного края.

В. А.

Владиміръ Степановичъ Александровъ.

(Некрологъ).

29 декабря минувшаго года сошелъ въ могилу еще одинъ изъ писателей родной земли, *Владиміръ Степановичъ Александровъ*, извѣстный любителямъ малорусской словесности, главнымъ образомъ, своими двумя драматическими піесами „За Неманъ иду"—оперета въ двухъ дѣйствіяхъ (1872 г.) и „Не ходы, Грыцю, на вечорныци"—оперета въ 4-хъ дѣйствіяхъ (1873 г.), такъ-какъ, благодаря энергичной дѣятельности малорусскихъ труппъ, эти піесы побывали на сценахъ многихъ городовъ и городковъ нашей Малороссіи. Надо, впрочемъ, сказать, что людямъ, интересующимся всестороннимъ проявленіемъ малорусскаго книжнаго дѣла, не менѣе извѣстны и такія его изданія, какъ „Малоруски спиванки" (1880 г.), представляющія стихотворную передѣлку нѣкоторыхъ піесъ Лермонтова, Козлова и др.; затѣмъ „Тыхомовни спивы на святи мотыви" (1883 г.), гдѣ помѣщено 16 псалмовъ Давидовыхъ въ стихотворномъ пересказѣ; далѣе—„Пѣсенникъ" съ нотами (1885 г.), и наконецъ—два выпуска альманаха „Складка" (1887 и 1893 г.), гдѣ нашли себѣ мѣсто, рядомъ съ произведеніями другихъ малорусскихъ писателей, и его личныя лирическія стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Если прибавимъ къ этому нѣсколько отдѣльныхъ его піесъ помѣщенныхъ разновременно въ галицкомъ журналѣ „Зоря", да не особенно распространенную трагедію его „Прав-

дыве Кохание" то этимъ исчерпаемъ почти все, связывающее имя покойнаго съ литературною дѣятельностью на полѣ украинской словесности. Указываютъ также, какъ на видную заслугу В. С. Александрова, на его первые опыты въ области художественно-народной малорусской естественно-исторической поэмы, а именно: „Писня про гарбуза" (1880 г.), „Чыжыкове весилля" и „Малороссійская сказка Коза-дереза" (1881 г.). Нельзя пройти молчаніемъ и того, что покойный, подвизаясь на полѣ россійскаго писательства (кажется—начиная съ 1857 г.) не разъ касался въ своихъ работахъ и родныхъ темъ, какъ напр.: стихотворное либретто къ оперѣ Щуровскаго „Богданъ Хмельницкій".

Эту любовь къ родинѣ и къ родной словесности В. С. Александровъ унаслѣдовалъ отъ отца своего, священника о. Стенана, извѣстнаго своей піесой „Вовкулака", написанною имъ сравнительно въ поздніе годы его жизни (1842 г.), когда у него были не только сыновья и зятья, но и внуки, для которыхъ и сложено было имъ это стихотворное украинское повѣрье. Въ то время и В. С. Александрову было уже 17 лѣтъ отъ роду, т. к. онъ родился 20 іюня 1825 г. въ томъ самомъ селѣ Бугаевкѣ (изюмскаго уѣзда), къ которому пріуроченъ разсказъ отца „Вовкулака". Получивши образованіе сначала въ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ и, наконецъ, въ Харьковскомъ университетѣ по медицинскому факультету, Владиміръ Степановичъ съ 1853 года началъ свою служебную дѣятельность въ качествѣ военнаго врача и, выдержавъ впослѣдствіи экзаменъ на степень доктора медицины, дослужился до званія старшаго дивизіоннаго врача, каковую должность оставилъ въ 1886 году, вышедши въ отставку. Эта служебная дорога, не имѣвшая непосредственной связи съ литературной работой, да еще въ области малорусскаго писательства, была, конечно, единственной причиной сравнительно поздняго выступленія покойнымъ Влад. Степанов. на литературное поприще, а также не особенно выдающейся плодовитости его въ дѣлѣ поэтическаго творчества. Однако, при общей скудости современ-

ной намъ малорусской поэзіи, временами только разливающейся въ широкій потокъ, а чаще замыкающейся въ узенькій журчащій ручеекъ, мы не можемъ не помянуть добрымъ словомъ всѣхъ дѣлателей на этой нивѣ, а потому и въ данномъ случаѣ, съ чувствомъ признательности бросаемъ горсть земли на свѣжую могилу почившаго поэта и выражаемъ обычное народное наше пожеланіе, чтобы „періомъ легла надъ нимъ вся эта земля“.

В. Н-ко.

Гробъ Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ, у Христорождественской церкви (7 мая 1861 года).

КЪ РИСУНКУ.

Послѣ десятидневнаго путешествія съ гробомъ Т. Г. Шевченко, 6 мая къ вечеру, мы, провожавшіе гробъ изъ Петербурга до Кіева, приблизились къ Никольской Слободкѣ [1]). Здѣсь гробъ былъ встрѣченъ роднею поэта, съ Варф. Гр. Шевченкомъ) во главѣ, и толпою преимущественно студенческой молодежи. Передъ мостомъ лошади были отпряжены, и студенты повезли дроги съ гробомъ на рукахъ. Между тѣмъ, куда везли гробъ, гдѣ будутъ его хоронить—никто не зналъ... „Названный братъ“ поэта В. Г. Шевченко († 1893 г.), по близкимъ отношеніямъ къ покойнику, рѣшилъ было вопросъ о похоронахъ еще до прибытія тѣла въ Кіевъ; предположилъ онъ похоронить тѣло поэта на Щекавицкомъ кладбищѣ, гдѣ была уже, какъ говорятъ, приготовлена и могила. Но еще на дорогѣ отъ моста къ Кіеву возникли по этому вопросу пререканія, и пока—рѣшено было поставить гробъ въ первой по дорогѣ церкви—Рождества Христова, на Подолѣ. Но священникъ этой церкви о. Іосифъ Желтоножскій не могъ безъ дозволенія властей разрѣшить постановку гроба въ церкви, и В. Г. Шевченко за такимъ разрѣшеніемъ отправился къ благочинному подольскихъ церквей, которымъ тогда былъ теперешній кафедральный протоіерей

---

[1]) Провожали гробъ—художникъ Гр. Ник. Честаховскій († 1893 г. въ Спб., а похороненъ въ с. Качановкѣ, борзенскаго уѣзда, въ паркѣ В. В. Тарновскаго) и пишущій эти строки.

[2]) В. Г. Шевченко—однофамилецъ поэта, близкій его пріятель, котораго Т. Г—чъ всегда называлъ братомъ.

П. Г. Лебединцевъ [1]). Но оказалось, что и благочинный своею властью не можетъ дать такого разрѣшенія; за послѣднимъ нужно было отправиться къ высшимъ властямъ. Пока пришло разрѣшеніе, гробъ остановили на подольской набережной, около башенныхъ воротъ.—Ждали мы впрочемъ не долго: скоро получено было разрѣшеніе и митрополита, и генералъ-губернатора—поставить гробъ поэта въ Христорождественской церкви. У послѣдней гробъ былъ встрѣченъ облачившимся въ ризы П. Г. Лебединцевымъ и настоятелемъ церкви о. Желтоножскимъ, которые, по внесеніи гроба въ церковь, отслужили краткую литію. Затѣмъ, мы, провожавшіе гробъ, отправились (не помню—куда именно) рѣшать вопросъ, гдѣ же хоронить привезенное тѣло Тараса Григорьевича: въ Кіевѣ или въ Каневѣ, какъ на томъ особенно настаивалъ Г. Н. Честаховскій. Послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ, рѣшено было хоронить поэта около Канева, при чемъ такое рѣшеніе почти всецѣло принадлежитъ Честаховскому, о чемъ и свидѣтельствуемъ здѣсь передъ тѣми, кому знать это интересно. Рѣшено было, что на другой день гробъ будетъ перевезенъ на пароходъ, для дальнѣйшаго путешествія тѣла поэта въ Каневъ. При этомъ же было рѣшено—передъ отъѣздомъ изъ Кіева фотографировать гробъ, собравъ вокругъ него родичей поэта. Для этого на другой день, 7 мая, передъ обѣднею (было воскресенье) гробъ Тараса Григорьевича былъ вынесенъ на церковный дворъ, поставленъ на тѣхъ дрогахъ, на которыхъ онъ привезенъ былъ изъ Петербурга, и обставленъ роднею поэта, окруженною нахлынувшею толпою народа. Этому случайному сборищу людей Честаховскій хотѣлъ было придать хотя нѣкоторый порядокъ, хотѣлъ было поставить на виду нѣкоторыхъ изъ почитателей умершаго поэта, напр.—И. М. Сошенка, но толпа суетилась и мѣшала всякому порядку. Установивъ кое-какъ родню поэта (при чемъ на болѣе видныхъ мѣстахъ поставлены были: сестра поэта Ирина Григорьевна, по мужу Бойко, и его братья Никита и Осипъ Григорьевичи), Честаховскій далъ знакъ фотографу Воюцкому—

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1882 г., № 9, стр. 566.

и явился приложенный къ настоящей книжкѣ рисунокъ—„гробъ Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ у Христорождественской церкви". На этомъ рисункѣ обозначены цифрами слѣдующія лица: 1—Никита Григорьевичъ, 2—Осипъ Григорьевичъ, 3—Ирина Григорьевна, 4—В. Гр. Шевченко, 5—И. М. Сошенко (малозамѣтенъ, хорошо видна лишь его лысина) и 6—Г. Н. Честаховскій, котораго кто то толкнулъ и онъ вышелъ съ двойнымъ лицемъ. Послѣ фотографированія гробъ былъ снова внесенъ въ церковь и отслужена была обѣдня. Позже, отслужена панихида, послѣ которой гробъ снова поставленъ былъ на дроги и повезенъ на пароходъ, чтобы назавтра (8-го мая) рано плыть въ Каневъ и тѣмъ исполнить завѣщаніе поэта... Этимъ завѣщаніемъ, впрочемъ, не была та предсмертная будто бы воля Тараса Григорьевича, о которой разсказываетъ М. К. Чалый въ своей книжкѣ—„Жизнь и произведенія Тараса Шевченка". Здѣсь (стр. 191) говорится, „что *присутствовавшій при послѣднихъ минутахъ жизни поэта Грицько Честаховскій, заявилъ* (при рѣшеніи вопроса—гдѣ хоронить), *что на предложенный имъ умирающему вопросъ: гдѣ похоронить его? онъ отвѣчалъ: „въ Каневъ"*.—Но мы хорошо помнимъ, что Честаховскій „при послѣднихъ минутахъ жизни поэта" не находился, да если бы и находился, то у него, въ виду предсмертныхъ страданій Тараса Григорьевича,[1]) не хватило бы духу спрашивать умирающаго о мѣстѣ похоронъ. Хорошо также знаемъ, что никакого завѣщанія, ни письменнаго, ни словеснаго, Тарасъ Григорьевичъ о мѣстѣ своего погребенія не оставлялъ, а мысль его друзей о погребеніи тѣла умершаго около Канева (гдѣ поэтъ собирался строить себѣ „хату") основана была лишь на поэтическомъ завѣщаніи:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли,
Середъ степу широкого,
На Вкраини мылій;

---

[1]) Мы видѣли Тараса Григорьевича болѣе чѣмъ за полсутокъ до его смерти, и тогда уже эти страданія были ужасны отъ бросившейся въ легкія водянки.

Щобъ ланы широкополи,
И Днипро, и кручи
Булы выдни, було чуты,
Якъ реве ревучій...

Вотъ это то завѣщаніе страстно желая исполнить, Г. Н. Честаховскій и говорилъ о предсмертной будто бы волѣ поэта...

А. Л.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О рисункахъ Т. Г. Шевченка, исполненныхъ, по порученію Кіевской Археографической Коммиссіи, въ Волынской губерніи. Въ помѣщенной выше статьѣ О. И. Левицкаго «Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка въ 1845—1846 гг.» между прочимъ разсказывается о томъ, что въ 1846 году онъ былъ командированъ кіевскою Археографическою Коммиссіею въ разныя мѣста кіевской, подольской и волынской губерній для собранія свѣдѣній, указанныхъ въ предписаніи, которое было дано ему отъ 21 сентября, и для осмотра и описанія замѣчательныхъ монументальныхъ памятниковъ и древнихъ зданій, причемъ въ частности ему было поручено отправиться въ Почаевскую Лавру и тамъ списать виды этой Лавры. При этомъ авторъ добавляетъ, что въ дѣлахъ Коммиссіи не сохранился отчетъ, представленный Шевченкомъ вмѣстѣ съ рисунками и текстомъ народныхъ преданій, пѣсенъ и т. п., почему и неизвѣстно, какія именно мѣста посѣтилъ поэтъ—художникъ и какіе памятники древности были имъ осмотрѣны.

Намъ удалось видѣть тѣ рисунки, которые, по порученію кіевской Археографической Коммиссіи были исполнены Т. Г. Шевченкомъ на Волыни, почему, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, изложеннымъ въ статьѣ О. И. Левицкаго, и считаемъ нужнымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Означенные рисунки въ настоящее время принадлежатъ П. Я. Дорошенку (въ глуховскомъ уѣздѣ) и были пріобрѣтены имъ отъ бывшаго профессора кіевскаго университета и члена коммиссіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа покойнаго А. С. Роговича. Коллекція эта заключаетъ въ себѣ: четыре акварели, два рисунка тушью и одинъ чертежъ.

Исполненныя очень изящно акварели представляютъ виды Почаевской Лавры. Изъ нихъ двѣ изображаютъ виды, открывающіеся

на Лавру: одинъ—съ южной и другой—съ западной стороны, какъ это можно видѣть по расположенію церкви; кромѣ лаврскихъ построекъ, на нихъ изображены маленькіе домики подъ соломенными крышами, прилегающіе къ Лаврѣ, и фигуры движущихся малороссовъ. Третья акварель представляетъ внутренній видъ церкви въ Почаевской Лаврѣ; прямо передъ зрителемъ—очень тщательно изображенный иконостасъ, а на переднемъ планѣ двѣ молящихся фигуры: малоросса, одѣтаго въ длинную свитку съ видлогою, и стоящей на колѣняхъ молодицы. Четвертая акварель представляетъ часть лаврской террасы и широко открывающійся съ нея видъ на окрестныя мѣста, между которыми вдали, на возвышеніи, виднѣется старинное село Подкамень, расположенное въ Галиціи, близъ источниковъ р. Иквы.

На двухъ рисункахъ тушью изображены: 1, церковь въ с. Вербки, гдѣ былъ погребенъ князь А. М. Курбскій, въ трехъ верстахъ отъ Ковля, и 2, церковь, построенная въ с. Секуни пріятелемъ Курбскаго Келеметомъ. Приложенный къ первому изъ этихъ рисунковъ чертежъ представляетъ: а) наружный видъ церкви и б) мѣста, гдѣ отысканъ склепъ.

На листѣ бумаги, приложенномъ къ этой коллекціи рисунковъ, имѣется записка бывшаго (съ 1844 г.) члена, а потомъ (1848—1857 г.г.) предсѣдателя кіевской Археографической коммиссіи М. О. Судіенка слѣдующаго содержанія: «Я представлялъ рисунки Дмитрію Гавриловичу [1]), онъ ихъ одобрилъ и разрѣшилъ литографировать, М. Судіенко.» Однако изъ всѣхъ рисунковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, только одинъ, именно видъ церкви въ с. Вербки, былъ воспроизведенъ въ литографированномъ снимкѣ, помѣщенномъ (безъ обозначенія имени художника) въ изданной Археографическою Коммиссіею въ 1849 г. книгѣ: «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» (томъ II, приложенія, таблица 1-ая). Почему именно не были изданы другіе рисунки, которые, какъ видно изъ вышеприведенной записки, были одобрены и разрѣшены къ литографированію,—намъ неизвѣстно, какъ равнымъ образомъ неизвѣстно и то, представляетъ ли эта коллекція полное собраніе рисунковъ, исполненныхъ Шевченкомъ, по порученію Археографической Коммиссіи, на Волыни, или, кромѣ этихъ рисунковъ, имъ были исполнены еще какіе нибудь другіе.

Н. Шугуровъ.

---

[1]) Генералъ-Губернаторъ Д. Г. Бибиковъ.

Три письма Т. Г. Шевченка. Будущій изслѣдователь жизни и произведеній Т. Г. Шевченка, конечно, очень часто долженъ будетъ натолкнуться въ сообщенныхъ въ печати фактахъ изъ біографіи поэта на невыясненныя обстоятельства и сомнительныя справки, такъ какъ многое передается по преданіямъ, иное—по неяснымъ намекамъ, а кое-что—и просто по догадкахъ. Особенно много колебаній въ этомъ случаѣ представляютъ письма поэта, если на нихъ точно не обозначено, къ кому они адресованы. Но въ томъ-то и будетъ состоять задача будущаго изслѣдователя, чтобы, путемъ тонкаго анализа всякихъ фактовъ достигнуть безошибочнаго вывода; наше-же дѣло, пока что, возможно больше публиковать этихъ фактовъ, хотя-бы и безъ точныхъ разъясненій ихъ, что нашъ журналъ, по мѣрѣ возможности, и дѣлаетъ въ теченіе всего времени своего существованія, ежегодно посвящая февральскую книгу обнародованію всякихъ матеріаловъ, касающихся поэта, въ февралѣ мѣсяцѣ родившагося (25-го), въ февралѣ же и скончавшагося (26-го). Для даннаго раза, кромѣ всѣхъ прочихъ матеріаловъ, съ которыми читатели познакомились назади, мы имѣемъ возможность подѣлиться еще и тремя письмами поэта, изъ которыхъ первое находится въ Музеѣ В. В. Тарновскаго, второе любезно доставлено намъ въ копіи профессоромъ Московскаго Университета *Николаемъ Ильичомъ Стороженкомъ*, а третье проф. Харьковскаго Унив. *Дмитріемъ Ивановичемъ Багалѣемъ*.

I.

Въ помѣщенной выше статьѣ О. Левицкаго «Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка въ 1845—1846 г.г.» прослѣжена вся дѣятельность Шевченка—художника въ качествѣ сотрудника Кіевской Археографической Коммиссіи. Указано тамъ, что было это въ періодъ предсѣдательства въ коммиссіи Н. Э. Писарева, съ которымъ, конечно, художнику и пришлось вести всѣ оффиціальныя сношенія.—Между прочимъ, пришлось по всей вѣроятности, Шевченку однажды оставить у Писарева какія-то свои вещи, среди которыхъ былъ и портфель съ рисунками, изображавшими виды Кіева. Что это были за виды Кіева, можемъ опредѣлить, прочитавъ указанную статью О. Левицкаго (на стр. 237), гдѣ сказано между прочимъ, что рисунки эти погибли безслѣдно. Печатаемое письмо вѣроятно писано Шевченкомъ къ Н. Э. Писареву уже изъ далекихъ краевъ, когда онъ, очутившись въ 1847 году въ Орской крѣпости, томился отчужденностью отъ родныхъ мѣстъ, что и сказалось въ послѣднихъ строкахъ письма.

Впрочемъ, возможна и другая догадка: не адресовано-ли это письмо къ И. И. Фундуклею, т. к. въ одномъ письмѣ къ своему пріятелю Лизогубу, писанномъ изъ Орской крѣпости въ октябрѣ 1847 года, говоритъ онъ такъ: «Шкода, шо я не покинувъ тоди у васъ рисунокъ кіевскаго саду, *бо винъ и вси, шо булы пре мени, пропалы у И. И. Фундуклея*». (См. Чалый «Жизнь и произведенія Т. Шевченка. стр. 68).

Ваше Превосходительство!

Оставленные вами у себя мои вещи, прошу васъ покорнѣйше велѣть переслать мнѣ, черезъ почту, въ Оренбургскую губернію въ крѣпость орскую, на имя Тараса Григорьева Шевченка или передайте моему пріятелю сотруднику Археографической комисіи Алексѣю Сенчилу для отправки ко мнѣ. въ портфели между рисунками, есть оригинальный рисунокъ «извѣстнаго французкого живописца *Вато*. ежели угодно будетъ вашему превосходительству пріобрѣсть его, то я охотно уступаю за цѣну какую вы назначете. предложилъ бы вамъ виды Кіева но онѣ не окончены, а во вторыхъ хотя не ясно они мнѣ будутъ здѣсь напоминать нашъ прекрасный Кіевъ.

вашего Превосходительства Покорнѣйшій слуга.

Т: Шевченко.

Крѣпость Орская 1847 іюля 16.

II.

Другое письмо, сообщенное намъ, какъ было сказано, Н. И. Стороженкомъ, опредѣляется въ своемъ адресѣ тоже только догадками. Приведемъ сначала текстъ его.

Ваше Превосходительство!

Походъ въ Киргизскую степь и двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить В. П. моей покорнѣйшей просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой Капитанъ-Лейтенантъ Бутаковъ, ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіе двухъ лѣтъ потвердитъ истину моихъ словъ, если угодно будетъ В. П. спросить у него. Я прошу милостиваго ходатайства Вашего передъ Августѣйшимъ Монархомъ нашимъ, прошу одной великой милости—позволенія рисовать. Я въ жизнь мою ничего не рисовалъ преступнаго, свидѣтельствую Всемогущимъ Богомъ! Умоляю Васъ! Вы какъ слѣпому откроете глаза и оживите мою убитую душу. Лѣта и мое здоровье разрушенное скорбутомъ въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ надѣяться

на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу васъ пріимите хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей и Богъ Васъ наградитъ за доброе дѣло.

Возлагающій единственную надежду на Бога и на Ваше Превосходительство.

Т. Шевченко.

Какъ извѣстно, однимъ изъ жесточайшихъ мученій для опальнаго поэта и художника было запрещеніе писать и рисовать, причемъ послѣднее было особенно мучительно для него. По крайней мѣрѣ, объ этомъ онъ постоянно пишетъ въ первыхъ письмахъ своихъ изъ Орской крѣпости въ 1847—48 годахъ, а также горестно вспоминаетъ о такомъ лишеніи и позже, какъ напр: въ письмѣ Артемовскому (1853 г.) онъ объясняетъ, за какое дѣло попалъ въ бѣду, и между прочимъ говоритъ: «знай-же, что дѣло не подлое, и еще знай, *что мнѣ запрещено писать и рисовать—вотъ гдѣ истинное и страшное наказаніе!*» Чтобы видѣть, какъ тяжело для Шевченка было это лишеніе рисовать, надо прочесть только тѣ строки въ письмѣ къ Лизогубу (1848 г. 7 марта), гдѣ онъ высказываетъ радость, получивши отъ послѣдняго ящичекъ съ красками. (Чалый, стр. 71). Но что-же? Краски были, а оффиціальнаго разрѣшенія рисовать не было. Даже генералъ Обручовъ, по добротѣ своей позволившій Шевченку брать въ руки карандашъ, подвергся, какъ извѣстно, за это нѣкоторымъ непріятностямъ въ 1849 году. И вотъ, приведенное выше письмо, очевидно было написано, какъ говорятъ, къ Шефу Жандармовъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что разыгравшейся непріятной исторіи съ Обручовымъ въ концѣ 1849 года, а письмо какъ видимъ, помѣчено 10 января 1850 г.

III.

Третье письмо Т. Г. Шевченка къ Гр. Ѳед. Квиткѣ—Основьяненку найдено проф. Д. И. Багалѣемъ среди автографовъ, принесенныхъ въ даръ Румянцевскому музею въ Москвѣ И. Е. Бецкимъ (издателемъ извѣстнаго Харьковскаго сборника «Молодыкъ»). Оно съ одной стороны свидѣтельствуетъ о дружественномъ отношеніи автора «Кобзаря» къ Основьяненку, а съ другой—заключаетъ, нѣкоторыя небезъинтересныя подробности и о самомъ Тарасѣ Григорьевичѣ. Квитка, очевидно, просилъ у Тараса Григорьевича мате-

ріаловъ для «Молодыка», задуманнаго около этого времени Бецкимъ, и въ отвѣтъ на это получилъ настоящее письмо [1]).

«Выбачайте, батычку, шо найшлося, то и посылаю, а Ганнусю сегодня на швыдку скомпанувавъ—та и самъ не знаю, чи доладу, чи ни. Подывицця и вы на неи гарненько тай скажить щыру правду. Якъ побачыте, шо вона вже дуже *безацна* (бо вона мени такъ здаецця), то не давайте ии дрюковать; нехай иде, видкиль взялася. Ще посылаю вамъ кацапьски вирши своей роботы; колы доладне що, то дрюкуйте, а колы ни, то закурить люльку, колы люльку курыте. Це, бачте, писня съ моей драмы «Невѣста» шо я пысавъ до васъ, трагедія Никита Гайдай. Я перемайструвавъ ии въ драму. Я ще одну драму майструю, назовецця *«Слипая красавыця»*. Не знаю, що зъ неи буде; боюсь, щобъ не сказалы москали—mauvais suget, бо воны, бачте, зъ украинского простого быту. Ну та цуръ имъ москалямъ! Посылаю вамъ билеты на *Гайдамаки*, роздай, будьте ласкави. Та... ей Богу, соромъ казаты, нема чимъ выкупыть зъ дрюкарни. Малюю вашу пани сотныкивиу. Хотивъ кончыть до Риздва тай не знаю, бо тутъ теперъ ни день, ни ничъ такъ чортъ знащо; прокинешся рано, тилько шо заходышся малювать, дывысся—вже й ничъ; оттаке-то лыхо; тилько пензли мыешь, бильшъ ничого. Спасыби вамъ и панови Артемовскому за ласкове слово. И спасыби всимъ тимъ, хто пыше по нашому або про наше. Поклоняйтеся имъ, кого знаете и хто чувъ про мене. Оставайтеся здорови, не забувайте, а васъ николы не забуде Т. Шевченко. СПБ. 8 декабря 1841 года.

„Свячена вода", стих. А. И. Псіолъ. Въ «Кіевской Старинѣ» прошлаго года, въ статьѣ нашей «Новые матеріалы для біографіи Шевченка» (№ 3) было сказано, что Т. Г. Шевченко въ началѣ 1847 года приготовилъ къ печати вторую часть Кобзаря своего, въ которую должно было войти все написанное имъ послѣ 1840 года. Къ этой второй части, тогда не появившейся въ свѣтъ, поэтъ написалъ интересное предисловіе, до сихъ поръ нигдѣ ненапечатанное, гдѣ между прочимъ, побуждая земляковъ къ писательству на родномъ языкѣ, помѣщаетъ стихотвореніе «Свячена вода», поясняя, что оно «написано панночкою, та ще и хорошою, тильки не скажу якою, бо вона ще молода и боязлыва». Вотъ это стихотвореніе.

Я бачыла—святу воду
Въ ричку вылывалы

---

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника.

Щобъ свяченои ногами
Люде не топталы.
А коханьня вирне, щире,
Якъ вода святая,
Бо воно грихивъ богато
Изъ души змывае.
Оттымъ то я своихъ думокъ,
Хочъ я и убога,
Зроду, звику не покыну,
Та людямъ пидъ ногы
У Господа Небесного
Ласки циле море,
То я въ Іого, якъ ту воду,
Вылью свое горе.

Приведенное стихотвореніе принадлежитъ перу проживавше въ домѣ Кн. Репниныхъ талантливой Александры Ивановны Псіолъ, сестры Г. И. Бурковской. Это—то самое стихотвореніе, о которомъ Шевченко не разъ вспоминалъ въ ссылкѣ и просилъ друзей прислать его въ письмѣ. «Пришлите мнѣ—пишетъ онъ Г. И. Бурковской изъ Орской крѣпости отъ 24-го февраля 1848 г.—*свячену воду*: она оросить мое увядающее сердце». Кн. В. Н. Репнина незадолго до своей смерти говорила намъ, что стихотвореніе *До сестры*, начинающееся словами: *не пытай ты моихъ писень*, принадлежитъ не Шевченку, но А. И. Псіолъ, и только по недоразумѣнію попало въ собраніе стихотвореній Шевченка, при чемъ, конечно, кн. В. Н. Репнина имѣла въ виду послѣднее изданіе (1889 г, Кіевъ), т. к. ни въ изданіи Кожанчикова, ни въ Петербургскомъ изданіи 1883 г. этого стихотворенія нѣтъ.

Сообщ. **Н. И. Стороженко.**

Дополненіе къ статьѣ о думѣ про Алексѣя Поповича. Большая популярность легенды о покаяніи грѣшника на морѣ ярко выразилась уже въ томъ, что легенда эта въ двухъ варіантахъ попала въ фацеціи *Поджіо* (Poggii Florentini Facetiarum liber), изд. первоначально въ Италіи въ 1470 г. и затѣмъ многократно переиздававшіяся, т. е. въ такой сборникъ фривольныхъ анекдотовъ, гдѣ никоимъ образомъ нельзя было ее ожидать. Приведемъ эти вар. въ латинскомъ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ.

Подъ *№ CCVII*: *«De quodam qui vovit candelam virgini Mariae»* Cum essem in Anglia, audivi facetum dictum cujusdam magistri onerariae navis, qui erat Hibernicus. Jactabatur magnis in mari

fluctibus navis et tempestate quassabatur adeo ut salutem omnes desperarent. Magister, si salva navis evaderet tempestatem, cuidam ecclesiae Dei Genitricis Virginis Mariae, *quae ante ob similia mirakula insignis erat*, vovit candelam ceream instar mali navis. Tum socius cum votum culparet ut difficillimum factu, cum in tota Anglia tantum cerae non esse affirmaret ut talis candela posset confici: «Oho! tace», inquit magister, «et quantumlibet Matri Dei pollicear dummodo periculum evadamus, sine. Nam si salvabimur candela parvi nummuli contenta erit». Переводъ: Во время моего пребыванія въ Англіи я слышалъ разсказъ объ одномъ капитанѣ купеческаго корабля, родомъ ирландцѣ. Его корабль былъ застигнутъ на морѣ жестокой бурей, и когда экипажу грозила гибель, капитанъ далъ обѣтъ поставить пресв. Богородицѣ, славной чудесами спасенія утопающихъ, восковую свѣчу, величиной съ мачту; когда его помощникъ сказалъ, что для такой свѣчи не хватитъ воску, то капитанъ замѣтилъ ему: «Молчи! Если избѣжимъ опасности, то можно обойтись и небольшой свѣчой». *Мотивъ о воскѣ* въ этомъ варіантѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ онъ роднитъ съ фацеціей конца XV в. одну болгарскую пѣсню (приведена мной въ статьѣ) въ сб. Миладиновыхъ, гдѣ купецъ, подвергшись бурѣ на морѣ, жертвуетъ воскъ и ладанъ на Аѳонъ святителю Николаю.

№ CCVIII «De alio qui fecit votum sancto Cyriako». In eamdem sententiam Anconitanus quidam mercator in S. Cyriacum (quem civitas barba promissa depictum patronum colit) jocatus est. Jactata magnis aliquando fluctibus navi, mortem veritus domum Cyriaco infra certum Tempus se daturum vovit. Eo elapso, id Antistiti ecclesiae per confessionem fassus est. Sacerdos (utile enim id sibi futurum erat) ad exsolvendum votum hortatur. Ille se tanto onere exsoluturum pollicitus cum saepius et non absque reprehensione promissi nimium dilati admoneretur, seu molestia sacerdotis tam frequenter momentis, seu impietate motus, semel interpellatus: «Ohe! ne me amplius hac de re obtundas», ait, «nam majorem quam qua Cyriacus est jam barbam decepi». Переводъ: Одинъ купецъ изъ Анконы, того города, гдѣ патрономъ былъ св. Киріакъ съ большой бородой, во время бури на морѣ, далъ обѣтъ выстроить церковь имени Киріака, о чемъ потомъ сказалъ священнику на исповѣди. Но онъ все откладывалъ исполнить свое обѣщаніе и когда священникъ (небезкорыстно) настаивалъ, то купецъ при одномъ напоминаніи сказалъ: «Не приставайте; я часто обманывалъ людей еще болѣе бородатыхъ, чѣмъ Киріакъ». Эта италіанская

версія легенды окрашена тѣмъ легкомысліемъ, которое процвѣтало въ Италіи въ эпоху возрожденія. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Пѣсня „Грыцю, Грыцю, до роботы!" Пѣсня «Грыцю, Грыцю до роботы» издавна считается народною: уже въ 1854 году А. Л. Метлинскій внесъ ее въ свой сборникъ народныхъ пѣсенъ [1]); этому примѣру слѣдовали и другіе собиратели, между прочимъ Ф. М. Пискуновъ [2]). Существуетъ, однако, мнѣніе, что пѣсня „Грыцю, Грыцю, до роботы" не представляетъ собою народное произведеніе, что она только воспринята народомъ, а сочинена никѣмъ другимъ, какъ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Квиткою-Основьяненкомъ. Такъ сообщилъ въ первый разъ Г. П. Данилевскій [3]), опираясь отчасти на слова Н. Ю. Квитки, отчасти на сходство судьбы Г. Ѳ. Квитки съ тѣми эпизодами, которые приводятся въ пѣснѣ. Едвали, впрочемъ, справедливо то или другое изъ приведенныхъ здѣсь двухъ предположеній. Вѣрнѣе ихъ, думаемъ, мнѣніе (уже также высказанное въ печати), что пѣсня, слышанная Квиткой отъ народа, дополнена имъ въ нѣкоторыхъ лично до него касавшихся подробностяхъ [4]) Новымъ подтвержденіемъ такого мнѣнія является списокъ этой пѣсни, печатаемый ниже съ автографа самого Квитки. Дѣло въ томъ, что пѣсня, цѣликомъ записанная Квиткой, въ сборники народныхъ пѣсенъ входитъ только въ извлеченіи; въ сборникахъ нѣтъ, именно, всей второй части пѣсни, начиная отъ фразы «Пишовъ Грыць зажурывся»; съ этихъ словъ, думаемъ, и идетъ прибавка Квитки; такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что вторая часть пѣсни очень напоминаетъ нѣкоторыми выраженіями обычные мотивы шуточныхъ стихотвореній Квитки, напечатанныхъ въ «Харьковскомъ Демокритѣ» и оставшихся въ рукописяхъ. Въ той же второй части находится и извѣстное выраженіе «въ ченци постригся», имѣющее несомнѣнное отношеніе къ монашеству Квитки и приводимое Г. П. Данилевскимъ, какъ доказательство принадлежности пѣсни перу автора «Марусі».

Списокъ Г. Ѳ. Квитки.

Грыцю, Грыцю, до роботы!
Въ Грыця порвани чоботы.

---

[1]) „Народныя южно-русскія пѣсни" (Кіевъ, 1854), стр. 467.

[2]) „Чайка, украинський альбомъ" (Кіевъ, 1876), № 15.

[3]) „Основьяненко" (С. П. Б. 1856), стр. 46.

[4]) См. „Кіевск. Стар." 1893. № 8, стр. 163 статья г. Науменка; замѣтимъ только, что г. Науменко неправильно назвалъ слова „прыйшовъ Грыць, зажурывсь" *началомъ пѣсни*: это *начало* только *второй части* пѣсни (см. ниже)

Грицю, Грицю, до Маруси!
Заразъ, заразъ приберуся.
Грицю, Грицю, врубай дровъ!
Ой! Грыць що сь то нездоровъ.
Грицю, Грицю, до Маруси! и т. д.
Грицю, Грицю, молотити!
Грыць не сдужае робити.
Грицю... и т. д.
Грицю, Грицю, до телятъ!
Въ Грыця ниженьки болятъ.
Грицю... и т. д.
Грицю, Грицю робы хлибъ!
Кахи, кахи, щось охрыпъ.
Грицю и т. д.
Грицю, Грицю, хочь женитися?
Не можу отговоритися!
Грыцю, Грыцю, кого взяти?
Краще Маруси не сыскати!
Марусенько, сердце мое,
Чи пидешь ты за мене?
Стыдкій, брыдкій, не люблю
И за тебе не пиду!
Пишовъ Грыць зажурився
Да и въ ченци постригся.
Теперь Грицю скучно жити,
Було Маруси не любити.
Грицю всюду не въ покой,
Грыць иде уже домой.
Грицю, Грицю, пошукай,
Краще Маруси выбирай.
Есть Наталка и Ганнуся
Та милишь нема Маруси.
Хотя изгину, пропаду,
Краще Маруси не найду. Вс. С.

Святочныя пѣсни елисаветградскаго и александрійскаго уѣздовъ Херсонской губ.

А) Колядки.

1.

А въ недилю по вечери
Ходыть Христосъ по всеяхъ (sic),
Рано росу збывае,
Дивку въ водою стричае.

„Ой, дай, дивко, воды пыты,
Славны уста прыкропыты“!
—Ны дамъ, Петре (sic), воды пыты,
Бо це вода ны чиста!—
„Ой, ты, дивка, ны чистая,
А це вода прычыстая:
Дива Марія сына спородыла,
У цій води похрастыла“.
Стала дивка та й умлила,
На нижинькахъ изомлила.
А Винъ каже: „ой, стій, дивко, ны лякайся,
„Та йды въ церкву, сповидайся
И попови прызнавайся“!
Скоро дивка въ церкву війшла,
По колина въ землю ввійшла.
Вси святы согланулысь,
Свята церква создвыгнулась.

(Большая Виска. Записалъ К. Харченко).

Варіантъ.

На Рыздво увечери
Ходывъ Христосъ по пещери,
Изійшовъ Христосъ на дорогу,
Зостривъ дивку изъ водою.
„Ой, дай, дивко, воды пыты,
Мои уста прикропыты!
Оця вода прычыстая,
А ты, дивка, нычыстая“!
Стоить див..а изомлила,
Съ плечей ведра упустыла.
„Постой, дивка, не лякайся,
Иды до церкви, сповидайся“!
Тикы дивка на поригъ ступыла,
Сыра зымля росступылась,
А та дивка провалылась.

(Д. Сазоновка. Запис. Н. Шуйскій)

2.

Дивное нарожденіе Божого Сына,
Его же днесь породыла Дѣва Марія,
Лягла спочывать.
Прылетилы тры ангелы Хрыста сберыгать.
Услышала Дѣва Марія цей ангельскый гласъ:
„Прыймай, прыймай дитё рожденое пры насъ,
Чы Гаврыилъ, чы Мыхаилъ прычистои Пани,

Ой, еще жъ бо мы не розызналы Божои тайны".
Услышало тры анголы, съ небесъ лытючы,
Темнои ночи, та все зъ завидою Хрыста несучи.
Якъ анголы Божымъ духомъ рѣки розлылы,
Что къ Рождеству Христову сады зацвилы,
Та зацвило всякое древо ще й разни цвиты,
Радуйтеся, хрыстіане ще й малы дыты
И вдаряйте и вславляйте въ неби житья
На циму свити нымного жыты.
Знаменуйтеся, хрыстіане, цареви и Богу
И ударяйте чоломъ Его престолу.

(Григоро-Денисовка александрійскаго у. Запис. Илличевская). Ср. Чуб. III, 336 № 64

Варіантъ.

Деннее нарожденіе Божого Сына.
Породыла Суса Хрыста Дива Марія,
Породывши Суса Хрыста, ляга спочывать.
Сославъ Господь съ небесъ ангола Христа согрнвать.
Господь съ Тобою, Дива Марія, цо ангельскій гласъ,
Возьми Дитя нарожденое и къ Соби до насъ!
А въ Кыиви на Подоли рикы потикли,
А къ Рожеству Хрыстовому сады зацвили.
Не такъ воны зацвилы, якъ иннемъ палы.
Молытыся, Божи крыстьяне и мали хлопци,
И дивчата, и мали диты,
Щобъ показалось всякое древо, разны цвиты.
А мы съ цему высылымся
И къ Рожеству поклонымся.

(Верблюжка, александр. у. Запис. Л. Котенко).

3.

Ой за горою за каминою
Тамъ собиралысь тры товарыщи:
Первый товарыщъ—краснее сонце,
Другый товарыщъ—свитлый мисяць,
Третій товарыщъ—крупный дощыкъ.
Свиты, свиты, сонце, у наше виконце!
Свиты, свиты, мисяцю, на наше пидвирья!
Иммый, ммый, дощыку, снигъ изъ подвирья!

(Петроостровъ, елисав. у. Запис. Н. Гавриленко). Вар. у Гол., III, 2, стр. 3; ibid. II, стр. 19.

4.

Чи дома, дома бидная вдова?
Славенъ есы, Славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы

Нимае дома, пишла до Бога.
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы!
Шо вона діе? Золото віе.
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы!
Дай, Боже, хочь одвіечки!
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы!
Подврувавъ Богъ тры ланы хлиба,
Ярый пшыныци на паляныци.
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы!
Тры ланы гречкы на варенычкы.
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы!
А ланъ вивса—вамъ колядка вся!

(Д. Сазоновка, елисав. у. Запис. Н. Шуйскій). Ср. Чуб. III, 370 № 94 и 421 № 148 в.

5.

Ишовъ ченчикъ лидкомъ, лидкомъ.
А за нымъ дивкы слидкомъ, слидкомъ.
На ченчику клобукъ новый,
Бо самъ ченчикъ чорнобровый.
На ченчику пидъязочка,
Бо самъ ченчикъ—якъ ясочка.
Ой чымрыкъ, съ рогомъ быкъ,
А Хома изъ двома,
А Ерема съ четырьмя.
Упавъ ченчикъ въ ополонку,
Дивки тягнуть за головку.

(С. Верблюжка алекс. у. Запис. Л. Котенко).

6, *А*.

1. Колядынъ—дынъ
2. Я у батька одынъ,
3. Мене не пытайте,
4. А калача дайте.

Варіантъ Б.

1 и 2 В = 1 и 2 А.

3. Де ковбасу чую,
4. Тамъ и ночую.

Варіантъ В.

1 и 2 В = 1 и 2 А.

3. Якъ начавъ молотыть,
4. Та все дганття лытыть.

7.

Колядки, колядки,
Сивъ пипъ за грядки
Передъ кутёю
Изъ попадёю.
(С. Митрофановия алекс. у. Запис. Н. Я Кремповскій).

8.

Колядъ—колядъ—колядныця!
Добра за медомъ паляныця,
А безъ меду ны така!
Дайте, дядьку, пятака!
Якъ не дасте пятака,
Возьму вола за рога,
А кобылу за чупрынку,
Та вывиду на могылку.
Отъ вамъ и колядка вся.
Выносьте ковбасу, а то хату рознису.
(Новоархангельскъ. Записалъ Шевко).

Варіантъ.

Колядъ—колядъ—колядныця,
Добра зъ медомъ паляныця,
А сухая ны такая,
Ны покыну, а въ торбу вкыну.
(Верблюжка алекс. у. Запис. Л. Котенко).

Б) Щедривки.

1.

Якъ пидыйду та пидъ свитлоньку,
Щедрый вечиръ—день, добрый вечиръ [1])!
А свитлонька та ни метеная,
Дивка Варька та ни чесаная:
Россердылася та на батенька,
Не такъ на батенька, якъ на матыньку,
Що юпочкы шилы тай укоротылы,
Черевычкы шилы—не позолотылы,
А й обризочкы та й у кисочкы.
Щедрый вечиръ!
(С. Алексѣевка елис. у. Записано мною).

2.

Дядина дижу мисе,
У дядины соплякъ висе.
Соплякъ у дижу впавъ,

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Такъ дядькови Богъ давъ—
На що бравъ дядину?
(Верблюжка. Запис. Л. Котенко).

3.

Ой на Меланки
Печуть оладки.
Чи спеклы, чи—ни,
Дайте и мени!
(Митрофановка и Браиловка, алекс. у. Запис. Н. Я. Кремповскій

В) Посѣвальная.

Дива Марія
Бога просыла
Зароды, Боже,
Жыто, пшеныцю,
Жыто, пшеныцю,
Всяку пашныцю!
(С. Лозоватка елисав. у. Запис. Т. Билапенко).

Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.**

Хожденіе со звѣздою и вирши на Рожд. Христово. Въ м. Носовкѣ нѣжинскаго уѣзда существуетъ еще хожденіе со звѣздою во время Рождественскихъ святокъ. Приготовивъ звѣзду и разучивъ помѣщаемыя ниже молитвы и вирши, участвующіе въ хожденіи наряжаютъ одного изъ своей среды «генераломъ-фельмальшаромъ війська запорижського»: надѣваютъ на него мундиръ, украшенный эполетами и орденами изъ разноцвѣтной бумаги, саблю и каску и отправляются по домамъ помѣщиковъ и зажиточныхъ крестьянъ. Въ благодарность они получаютъ отъ хозяевъ деньги и разную провизію (хлѣбъ, колбасы, сало); иногда выручка отъ подобнаго хожденія доходитъ до почтенной суммы; по словамъ одного изъ участниковъ, они выручили за три вечера 72 рубля, сами истративъ на сооруженіе звѣзды и мундира около 6 руб.

Войдя въ хату, парни хоромъ поютъ тропарь «Рождество твое, Христе Боже нашъ» и кондакъ «Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ», затѣмъ хоромъ же поютъ слѣдующія двѣ вирши:

1. Шедше тріе цари
Ко Христу судари (со дары);
Иродъ ихъ вопросывъ,
Куды идуть,—испросывъ.

Отвищаша ему:
„Идемъ ко Рожденому“.
—Къ Рожденому идите
И мнѣ возвистыте,
Аще поклонюся,
Предъ царемъ смируся;
Куда иде звизда,
Тамъ найдете вы Христа.—
Звизда иде чудно
Зъ востока на полудно,
Надъ вертепомъ сіяетъ,
Хрыста царемъ являетъ.
Ангелъ ихъ вищаетъ,
На путь наставляетъ:
„Инымъ путемъ идите
Ко Ироду не йдите“.
Прышлы въ свои страны,
Христа славословлять:
Чаемъ ёму быты,
На викъ ему служыты.

---

2. Младенецъ—первенецъ
Одъ дѣвы родыся.
Многая благодать
Всему мыру явыся.
Иродъ царъ супостатъ,
Дабы Хрыста убыты,
Сказавъ же: всихъ же
Всихъ младенцевъ побыты.
Чотырнадцять тысячей
Малыхъ дитей побѣдилъ;
Онъ за те себѣ
Вичну муку воспрыялъ.
Исусъ Хрыстосъ родывся,
Во Яслахъ положывся;
Многая благодать
Всему мыру явыся.
Слава Ти, Рожденый.
Одъ насъ похваленый!
Прымы мя человѣкъ
На вѣчная вѣки.

Послѣ этого выступаетъ впередъ «генералъ» и декламируетъ:

«Вирша, говорена генераломъ-фельмальшаромъ кавалеромъ війска запорижського»:

Хрыстосъ народывся,
Щобъ увесь мыръ веселывся;
Посли Адамова грыха родывсь,
Ни въ стáни, ни въ доми,—
Вотъ дыковына яка!
Звизда ясненька,
Ясна, кругленька
Прикотылась да й стала,
Де сама знала,
Кругомъ стéпа освитыла.
А пастушки зъ стену
Прыбиглы къ вертену,
По ягнятку прынеслы,
На дудочку гралы,
Якую зналы,
Да й знову додому пойшлы.[1]
Юсько старенькій
Йимъ бувъ раденькій,
Гостынчикъ прынявъ
И йимъ сказавъ:
— Сидте въ насъ,
Почастуемъ васъ,
Чимъ Богъ пославъ,—
По кухлыку варенухи,
А по каганьцю сывухи;
Воны якъ хлеснулы,
То сыдя й поснулы;
А Юзько й свитло потушывъ.
Иродъ царъ въ окно прыглядався,
Дуже прывырався,
Думавъ, що й до ёго волхвы зайдуть.
А дали схаменувся,
Якъ отъ сна проснувся,
Побелнвъ, якъ глына,
Тече зъ роту слыня,
А речи совсимъ нема;
Скрыгоче зубамы,
Дероця на стину рукамы,
Очы ёму скосыло,
Всéго ёго збесыло;
Надувся чубъ
И самъ стоить, якъ дубъ;
На військо скрычавъ:
—До Виѳлеема махайте

[1]) Здѣсь очевидный пропускъ—приходъ волхвовъ.

Малыхъ дитей побывайте!—
Якъ набигло вiйсько въ Виѳлеемъ,
Покололо малыхъ дитей,
А другыхъ и порозпыралы.
И крыкъ бувъ такъ дуже велыкъ,
Що до самого неба пронывъ.
Богъ пославъ на Ирода кару
За ёго невынну дытячую смерть:
У ёго пидъ очыма позеленило,
Пидъ носомъ почорнило.
Такъ якъ у собаки подъ хвостомъ,
Щобъ не гонявся за Хрыстомъ.

Окончивъ виршу, тотъ же генералъ поздравляетъ хозяевъ съ праздникомъ и провозглашаетъ:

„Богъ создатель всего свѣта,
Хозяину многа лѣта“!

Хоръ поетъ «многая лѣта»!

Такимъ же образомъ провозглашается многая лѣта хозяйкѣ и дѣтямъ.

А. Малинка.

Легенда о Спасителѣ и ап. Петрѣ (запис. въ м. Мринѣ, Нѣжинск. у. отъ пожилого крестьянина). Се жъ росказують, якъ ходывъ ще Спасытель по земли, дакъ зъ имъ ходывъ и апостолъ Петро. Отъ увыходять воны въ село, а тамъ человикъ бье жинку; Петру й жалько стало іи, дакъ винъ и каже: «Господы, чы не можнобъ такъ, щобъ жонки булы старше своихъ чоловиковъ?»—Дакъ хуже буде.—«Ни, не буде»!—Ну, нехай.—Отъ тамъ черезъ недилю, чы що, уже якъ жонки зробылысь старше одъ чоловиковъ, зайшлы воны зновъ у село да й просяться: «Пустить у хату переночовать.»—Да я радъ бы, каже чоловикъ: дакъ жинки боюся: лупцёвать и мене п васъ буде.—А самъ лагодыть сани. «А куды жъ се ты»?—Да по жинку въ шынокъ».—А дали пустывъ уже ихъ у хату, а самъ поихавъ за жинкой. Йиде вона, скрегочыть, чоловика лае. Увыходыть у хату: «А се хто такый спыть»?—Да се люде якись прохожи зайшлы.—«Осьь я имъ задамъ! «да зъ дручкомъ до лавки. Петро лежавъ зъ краю, вона й давай ёго лупыть; а посли кинулась до чоловика: «Я й тоби, такый—сякый, задамъ»! Лупыть й того, а Петро й каже: «Господы, пусты мене пидъ стинку, а Самъ ляжысь съ краю. Спасытель лягъ

съ краю. А жинка, покинувшы чоловика, зновъ до лавкп»: Ну, сего, що съ краю, уже добре попобыля; треба ще й другого, нидъ стинкой». Да й давай быть зновъ Петра.

Отъ уже якъ пошлы воны одъ тоея жинки, Петро й каже: «Ни, Господы, нехай буде по старому: самъ бачу, що лучче, якъ чоловикъ старши, нижъ жинка».

А. Малинка.

Какъ обращаются у насъ съ церковной стариной. Насколько еще наша провинція является мало тронутой культурой, насколько мало имѣетъ она представленія, напримѣръ, объ общественномъ значеніи изученія нашего прошлаго, сохраненія культурныхъ остатковъ его—показываютъ факты, приведенные недавно въ газетахъ. По словамъ этихъ газетъ, по Бердичевскому уѣзду разъѣзжаетъ житель Кіева, нѣкто Теленковъ, или Телиновъ, бывшій, какъ онъ говоритъ, подрядчикъ по постройкѣ церквей, и занимается скупкою старинныхъ церковныхъ вещей и книгъ, или обмѣниваетъ ихъ на новыя. По его словамъ, онъ побывалъ уже почти во всѣхъ уѣздахъ Кіевской губерніи: былъ въ Каневѣ, Черкасахъ, Умани, Таращѣ, мѣстечкѣ Бѣлиловкѣ, бердичевскаго уѣзда, и во многихъ другихъ мѣстахъ, и пріобрѣлъ массу старинныхъ, весьма цѣнныхъ вещей, сложенныхъ имъ въ разныхъ пунктахъ, преимущественно на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Въ каждой церкви есть много старыхъ вещей, лежащихъ безъ употребленія, уже замѣненныхъ новыми. Вещи эти пережили не одно поколѣніе. Спрятанныя по шкафамъ и ящикамъ, онѣ не обращали и не обращаютъ на себя ничьего вниманія. Церковные старосты смотрятъ на нихъ, какъ на ненужный хламъ, и рѣдкіе священники серьезно присматриваются къ нимъ, а еще рѣже оцѣниваютъ ихъ по достоинству. Неудивительно послѣ этого, если на предложеніе продать такія вещи или промѣнять на новыя они соглашаются очень скоро и дѣйствительно промѣниваютъ какую-нибудь старую драгоцѣнность на новую, мишурную, грошевую вещь, или продаютъ за безцѣнокъ. Присмотрѣвшись къ такимъ стариннымъ предметамъ церковной утвари въ бытность свою строителемъ церквей, г. Т., въ пріобрѣтеніи ихъ указаннымъ способомъ, составилъ для себя весьма выгодную профессію. Пользуясь небрежнымъ отношеніемъ къ нимъ и отчасти невѣжествомъ церковныхъ старостъ, онъ пріобрѣлъ не мало археологическихъ рѣдкостей. По его разсказамъ, онъ купилъ въ г. Таращѣ старую плисовую плащаницу, шитую

золотомъ, съ такою же бахромою, причемъ шитье вокругъ головы Спасителя было унизано жемчугомъ. Эта плащаница досталась ему очень дешево, такъ какъ церковный староста и священникъ приняли жемчугъ за бисеръ. У одного священника онъ купилъ два старыхъ Евангелія, изъ которыхъ одно писано на пергаментѣ. За эти Евангелія священникъ запросилъ 9 руб. (пять за печатное и четыре за писанное), а продалъ дешевле, такъ что писанное обошлось Т. въ три рубля. За послѣднее Евангеліе, высланное имъ въ Петербургъ, въ музей, онъ получилъ тысячу двѣсти руб. Въ другомъ мѣстѣ онъ вымѣнялъ старое уніатское архіерейское облаченіе, которое продалъ потомъ какому-то ксендзу за 600 рублей. При поѣздкѣ его по бердичевскому уѣзду при немъ было нѣсколько цѣнныхъ вещей: серебряная чаша старинной чеканки съ драконами, которую онъ вымѣнялъ за подризникъ; старая, прекрасной старинной серебряной парчи риза, риза прекрасной узорчатой турецкой парчи, риза французской шелковой стариной ткани, воздухи съ золотыми галунами и другія вещи. Перечисленныя вещи—это только весьма незначительная часть всѣхъ тѣхъ, которыми владѣетъ и владѣлъ Т.

Въ этомъ газетномъ сообщеніи приведены свѣдѣнія о дѣятельности лишь одного спекулянта церковной стариной, но такихъ господъ въ послѣднее время расплодилось очень много. Всѣ эти Телиповы, Богдановы, Столяровы и т. д. и т. д., какъ православные, такъ и евреи, набившіе немного руку, вращаясь среди любителей старины, очень часто поощряемые ими, иногда случайно, по большей же части систематически, устраиваютъ набѣги на наши села и уѣздные городки, заснувшіе непробуднымъ сномъ полной индиферентности и самодовольнаго презрѣнія ко всему, что выходитъ за предѣлы мелкой сплетни и зеленаго стола; въ такихъ дѣвственныхъ мѣстахъ способные на все, изворотливые и юркіе люди, пуская въ дѣло хитрость и обманъ, обдѣлываютъ свои дѣлишки,—это пока мелкіе, почти неграмотные, дѣльцы. Но есть господа и высшей пробы; они, прикрываясь зачастую тогой ученаго, «работаютъ» въ томъ же направленіи, какъ и ихъ младшая братія, но дѣйствуютъ при этомъ съ большимъ авторитетомъ и съ большимъ нахальствомъ. Добытые такимъ путемъ предметы только въ незначительномъ количествѣ и въ рѣдкихъ случаяхъ поступаютъ въ общественныя хранилища, большей же частью расходятся по частнымъ коллекціямъ, никогда не гарантированнымъ отъ всякихъ случайностей, или, что хуже всего, попадаютъ на заграничные рынки. А между тѣмъ, говоря въ частности о нашемъ краѣ, у насъ есть Цер-

ковно-Археологическое Общество, въ задачи котораго входитъ сохраненіе церковной старины, у насъ есть Церковно-Археологическій Музей, предназначенный для храненія ея... Если среди сельскаго, а также отчасти и среди городского духовенства еще мало развито сознаніе необходимости собиранія и храненія родной старины, если имъ не понята еще важность изученія ея, то на компетентной власти лежитъ обязанность принятія мѣръ, которыя предупреждали бы возможность осуществленія фактовъ, подобныхъ вышеуказаннымъ. Предметомъ спекуляціи служатъ церковныя вещи, вышедшія изъ употребленія и не внесенныя въ опись; отнятіе у причта права распоряженія ими по своему усмотрѣнію и обязательное храненіе ихъ, какъ бы они повидимому ни были малоцѣнны (напр., старая изломанная мѣдная и оловянная утварь, куски матерій отъ старыхъ ризъ, части рѣзного дерева отъ иконостасовъ, и т. п.), при томъ, храненіе въ приличномъ мѣстѣ (а не въ сырыхъ чуланахъ гдѣ нибудь на колокольнѣ или въ сараѣ, какъ это повсюду практикуется въ настоящее время), все это служило бы къ сохраненію ихъ, не давало бы возможности развиваться этой возмутительной спекуляціи, которая охватываетъ все большій и большій районъ. При условіи тщательнаго сохраненія въ церквахъ предметовъ старины, легко уже впослѣдствіи, при ревизіяхъ-ли епархій, или черезъ нарочно уполномоченныхъ свѣдущихъ людей, отбирать тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ научное значеніе, для помѣщенія въ назначенныхъ спеціально для этого мѣстахъ, какимъ, напр., въ Кіевѣ является Церковно-археологическій Музей.

Дѣло сохраненія нашей церковной старины—дѣло безотлагательное, тутъ важенъ каждый день, въ противномъ же случаѣ, очень легко можетъ статься, что и при желаніи нечего ужъ будетъ охранять.

„Малоизвѣстные, художественные уголки Малороссіи". Подъ такимъ заглавіемъ, 11 декабря прошлаго года, состоялось чтеніе Е. Н. Половцевой въ московскомъ Политехническомъ музеѣ [1]). Нельзя не отнестись сочувственно къ идеѣ г-жи Половцевой; художественныхъ уголковъ въ Малороссіи найдется не мало, не мало также забытыхъ историческихъ мѣстъ и памятниковъ, и ознакомленіе съ ними большой публики путемъ чтеній, иллюстрируемыхъ туманными картинами, какъ это было во время чтенія г-жи Половцевой,

---

[1]) Ранѣе, весной, такое-же чтеніе г-жи Половцевой имѣло мѣсто въ Петербургѣ.

заслуживаетъ полнаго вниманія и возможно широкаго распространенія. У насъ еще со всей силой царитъ будничная жизнь; за мелкими интересами мы не замѣчаемъ красотъ нашего края,—у насъ, напр., очень мало развиты лѣтнія экскурсіи и путешествія, мы не обращаемъ вниманія на то, что составляетъ наслѣдіе нашего прошлаго, не хранимъ его, мало знакомы съ нимъ; поэтому ознакомленіе съ ними, предложенное въ общедоступной формѣ чтеній, весьма и весьма желательно.

Въ своемъ чтеніи г-жа Половцева остановилась, прежде всего, на такъ называемой «Юрьевской Божницѣ»—развалинахъ церкви XII в., находящихся въ с. Старогородкѣ, возлѣ г. Остра. Послѣ краткаго историческаго очерка этой церкви, было описано ея жалкое настоящее состояніе, причемъ, демонстрировано нѣсколько видовъ развалинъ снаружи и извнутри. Дѣйствительно, печальна судьба этого памятника, одного изъ древнѣйшихъ представителей нашего зодчества,—всѣми забытый, никѣмъ не обслѣдованный научно, никѣмъ не поддерживаемый, онъ грозитъ скорымъ и полнымъ разрушеніемъ. Отъ древняго храма сохранилась лишь алтарная часть; она, даже въ томъ видѣ, какой имѣетъ теперь, представляетъ громадный интересъ для исторіи древнерусскаго искусства, такъ какъ, не смотря на совмѣстныя усилія природы и людского невѣжества, здѣсь сохранилось много фресокъ, которыми была покрыта вся алтарная часть. И нельзя не быть благодарнымъ г-жѣ Половцевой, которая совмѣстно съ мужемъ, не смотря на то, что они пріѣхали въ Старогородку въ качествѣ простыхъ туристовъ, постаралась сохранить эти драгоцѣнные остатки, снявъ почти всѣ фрески на кальку [1]); если и нужно признать, что кальки, вслѣдствіе спѣшности и неподготовленности къ такого рода работѣ, вышли не совсѣмъ удачны, то все таки, безъ нихъ, мы не имѣли бы ничего, а теперь фрески Юрьевской Божницы доступны для изученія и, по всей вѣроятности, снимки, сдѣланные г-жей Половцевой, останутся единственными, такъ какъ очень ужъ тяжелы на подъемъ наши ученые спеціалисты въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ничего не предвидится въ будущемъ, а развалины, между тѣмъ, скоро и совсѣмъ сравняются съ землей. Охарактеризовавъ, затѣмъ, вкратцѣ древнерусскую архитектуру и стѣнную живопись, г-жа Половцева сдѣлала параллельное сравненіе фресокъ Юрьевской Божницы съ аналогичными по содержанію мозаиками Кіево-Софійскаго собора.

---

[1]) Эти снимки съ фресокъ были выставлены въ залѣ чтенія.

Вторая часть чтенія была посвящена Батурину; послѣ краткаго историческаго очерка его, были даны краткія же характеристики Мазепы и гр. Кирилла Разумовскаго и, затѣмъ, описаны остатки былого величія Батурина — кое гдѣ сохранившіяся укрѣпленія и развалины дворца гр. Разумовскаго; и эта часть чтенія сопровождалась туманными картинами, представлявшими планы укрѣпленій, виды мѣстностей и развалинъ. При слушаніи характеристики гетмана Мазепы насъ привела въ недоумѣніе слѣдующая особенность: г-жа Половцева, перечисляя всѣ дурныя качества Мазепы, казалось, была лично раздражена противъ него; изъ дальнѣйшаго изложенія оказалось, какъ это ни странно, что это дѣйствительно такъ; причина гнѣва г-жи Половцевой на гетмана заключается въ слѣдующемъ: одинъ изъ предковъ Половцевыхъ пожертвовалъ въ церковь м. Бѣлой Церкви евангеліе; впослѣдствіи это евангеліе оказалось въ батуринской церкви, и г-жа Половцева предполагаетъ, что Мазепа похитилъ его изъ Бѣлой Церкви и перевезъ въ Батуринъ, нарушивъ такимъ образомъ, волю жертвователя, — inde ira [1]).

Заключила г-жа Половцева чтеніе описаніемъ достопримѣчательностей мѣстности, собственно къ Малороссіи уже не относящейся, именно, г. Гомля, гдѣ находится замокъ кн. Паскевича съ конной статуей кн. Понятовскаго, работы Торвальдсена.

Н. Б.

Третій отчетъ о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни [2]). Въ „Харьк. Вѣдом.“ и въ 5 т. *Сборника* Ист.-Фил.-Общ. были напечатаны первые два отчета. Послѣ того поступили еще слѣд. пожертвованія: отъ вдовы покойнаго профессора М. Ф. Потебни 317 руб. 63 коп., отъ Ф. А. Павловскаго 54 руб. и при его посредствѣ отъ Б. Г. Филонова 50 руб., В. И. Касперова 50 руб., Е. С. Гордѣенка 25 руб., П. П. Флота 25 руб., А. И. Іоннина 10 руб., затѣмъ отъ Н. А. Лавровскаго 15 руб. (черезъ Д. И. Багалѣя), отъ г. Беренштама и др. лицъ (черезъ Д. И. Багалѣя) 15 руб., отъ профессора Т. Флоринскаго и др. лицъ (изъ Кіева) 15 рублей, отъ редакціи Кіевской Старины отъ разныхъ лицъ 41 руб., отъ петербургскаго университета 22 руб., А. В. Ветухова 5 руб. 65 коп., отъ гим-

---

[1]) Какъ заявила г-жа Половцева, евангеліе это въ настоящее время находится у нея, — не знаемъ, какъ это могло произойти.

[2]) См. 1893 г. № 8.

назій юрьевской 15, аренсбургской 5, митавской 15, рижской имени Николая 14, нарвской 2 руб. 50 коп., варшавской III—5 руб., варшавской IV—3 руб., шавельской 4 руб., сѣдлецкой 5 руб. 75 коп., смоленской 9 руб. 88 коп., маріампольской 13 руб., уфимской 3 руб., петерб. I—8 руб., новгородской 2 руб., павлоградской 18 руб., елецкой 5 руб. 50 коп., минской 11 руб. 39 коп., владимірской 3 руб., гродненской 3 руб. 50 коп., прогимназій вознесенской 7 руб. 50 коп. и бобровской 17 руб., коллегіи Галагана 1 руб., реальныхъ училищъ изюмскаго 7 руб. 30 коп., юрьевскаго 9 руб., мелитопольскаго 1 руб., вольскаго 13 руб., самарскаго 3 руб., смоленскаго 4 руб., екатеринославскаго 4 руб. 40 коп., зарайскаго 7 руб., городскихъ училищъ бауcскаго 2 руб. 10 коп., пернавскаго 1 руб. 20 коп., фелинскаго 3 руб., митавскаго 1 руб., юрьевскаго 1 руб., итого *875 руб. 30 коп.*, а съ полученными ранѣе 1625 руб. 78 коп. выходитъ *2501 руб. 08 коп.*, къ этой суммѣ добавлены наросшіе % 52 руб. 50 коп., *итого 2553 руб. 58 коп.* Съ обращеніемъ этихъ денегъ въ государственные 4% билеты 100 руб. достоинства получилась сумма *въ 2600 руб.* и остатокъ на рукахъ секретаря къ 42 руб. 05 коп. Билеты, согласно съ постановленіемъ ист.-фил. общества 29 ноября 1893 года, съ согласія г. ректора университета, сданы въ депозиты университета.

Историко-Филологическое Общество приноситъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, сдѣлавшимъ пожертвованія, причемъ сообщаетъ, что вся сумма собрана.

Проф. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Еще объ ученическомъ сочиненіи Н. В. Гоголя. Помѣщая въ прошлой книжкѣ журнала вновь найденное мной ученическое сочиненіе Н. В. Гоголя и опредѣляя время его написанія, я упустилъ изъ виду работу Н. А. Лавровскаго «Гимназія Высшихъ Наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.)» Кіевъ. 1879 г., въ которой можно найти совершенно точное указаніе относительно этого сочиненія. На стр. 55-ой, въ примѣчаніи читаемъ: «Сохранился списокъ темъ для письменныхъ отвѣтовъ на окончательномъ испытаніи въ 1828 году, съ обозначеніемъ противъ каждой темы фамиліи студента, которому она досталась. Гоголю пришлось писать на слѣдующую тему: въ «какое время славяне дѣлаются извѣстными по исторіи, гдѣ, когда и какими дѣяніями они себя прославили до разселенія своего, и какое ихъ было разселеніе». Нужно признаться, что, считая время написанія этого сочиненія Гоголемъ незадолго до окон-

чанія курса, я невольно задумывался надъ слишкомъ рѣзко бьющей въ глаза неудовлетворительностью его, какъ со стороны содержанія, такъ и изложенія, а о грамотности и аккуратности ужъ и говорить нечего; но объяснялось мною все это тѣмъ, что работа эта, вѣроятно, классная, мимоходная, неважная, а потому, по общей ученической слабости, и отношеніе къ ней со стороны автора было небрежное. Оказывается теперь, что сочиненіе написано на *окончательномъ экзаменѣ*, представляя собой нѣчто болѣе важное, чѣмъ современное гимназическое *сочиненіе зрѣлости*, т. к. окончаніе Гимназіи Высшихъ Наукъ открывало прямую дорогу въ жизнь и въ общественную дѣятельность. И что-же? При всей неудовлетворительности и небрежности работы Гоголя, тогдашніе педагоги не только дали аттестатъ будущей знаменитости, но даже оцѣнили его успѣхи въ *россійской словесности* высшей отмѣткой—4. Фактъ этотъ слишкомъ поучителенъ и для современныхъ педагоговъ.

В. Науменко.

Нѣсколько словъ, посвященныхъ І. Ролле. Помѣстивъ въ настоящей книжкѣ нашего журнала некрологъ І. Ролле, мы, какъ мѣстный историческій органъ, исполняемъ этимъ наше первое обязательство и по отношенію къ читателямъ, и по отношенію къ ученому, значительную часть трудовъ своихъ посвятившему научной разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ жизнію края. Будущіе изслѣдователи дадутъ, конечно, безпристрастную и вѣрную оцѣнку всѣхъ трудовъ покойнаго, какъ со стороны научнаго ихъ достоинства, такъ и со стороны высказанныхъ въ нихъ общественныхъ воззрѣній и симпатій. Между прочимъ и мы надѣемся въ ближайшемъ будущемъ дать читателямъ статью объ историческихъ работахъ *доктора Антонія І*, касающихся Малороссіи, тѣмъ болѣе, что журналъ нашъ въ теченіе всего времени своего существованія постоянно пользовался этими работами, помѣщая ихъ на своихъ страницахъ въ переводахъ и извлеченіяхъ, и даже текущій годъ открылъ переводомъ послѣдней статьи покойнаго, печатавшейся въ «Bibliotek'ѣ Warszawsk'ой».

Благодарная память къ заслугамъ и трудамъ покойнаго позволяетъ намъ подѣлиться съ читателями слѣдующими строками, взятыми изъ письма одного частнаго корреспондента нашего.

«Утрата д-ра Ролле для насъ конечно тяжкая, незамѣнимая. Кромѣ своихъ научныхъ историческихъ трудовъ, онъ заслужилъ глубокое

уваженіе здѣсь, какъ докторъ и какъ дѣятель въ благотворительныхъ обществахъ, особенно въ Кам.-Под. Коммиссіи Импер. Человѣколюбиваго Общества, гдѣ онъ былъ казначеемъ и управляющимъ безплатной лѣчебницей и оспопрививательныхъ институтовъ. По своимъ знаніямъ прошлаго Подоліи это былъ единственный человѣкъ здѣсь въ Каменцѣ, готовый по первой просьбѣ дать и книгу, и справку, и руководство. Это для нашего захолустья, для насъ, захолустныхъ любителей исторіи, былъ человѣкъ нужнѣйшій; утрата его именно незамѣнима... Съ какою любовію, стараніями и затратами собиралъ онъ книги по исторіи нашего края и предметы старины.... Все это со смертію его потеряло значеніе, тѣмъ болѣе, что семейство его думаетъ часть продавать, а часть перевезти за границу, куда рѣшаетъ переселиться на житье (покойникъ Ролле, какъ извѣстно, былъ иностранный подданный).

Ролле умеръ неожиданно. Праздниками, правда, онъ былъ невполнѣ здоровъ,—у него была старая болѣзнь почекъ, и припадки этой болѣзни въ послѣднее время усилились. 9-го января въ воскресенье онъ весь день чувствовалъ усиленную боль и для облегченія ея принялъ двѣ горячихъ ванны—одну утромъ, другую вечеромъ. Послѣ второй ванны боль унялась, и онъ заснулъ у себя въ кабинетѣ, но это былъ послѣдній сонъ,—онъ уже не просыпался. Въ 9¼ ч. вечера пришли въ его комнату и застали уже тѣло его охладѣвшимъ... И въ гробѣ онъ былъ какъ будто спящій, съ доброй своей улыбкой.—Въ 9 часовъ вечера я пришелъ къ Ролле вмѣстѣ съ другими — и намъ сынъ его сказалъ, что послѣ цѣлодневнаго страданія отецъ уснулъ. Мы пошли домой и только впослѣдствіи узнали, что это былъ сонъ вѣчный, непробудный.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Гульдманъ. Населенныя мѣста Подольской губерніи. (Алфавитный перечень населенныхъ пунктовъ губерніи, съ указаніемъ нѣкоторыхъ справочныхъ о нихъ свѣдѣній). Каменецъ-Подольскій. 1893. 8 д. II+IV+636 стр.

Въ шестидесятыхъ годахъ Центральный Статистическій Комитетъ М—ва Вн. Дѣлъ предпринялъ было черезвычайно полезное изданіе—«Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», для каждой губерніи отдѣльно. Списки состояли изъ девяти графъ, при чемъ въ 1-й, обозначался № по порядку, во 2-й—названіе населеннаго мѣста, въ 3-й—обозначеніе при какой водѣ оно находится, въ 4-й и 5-й, разстояніе отъ губ. города (городовъ) и отъ уѣзднаго города и становой квартиры (для селъ, деревень и проч.), въ 6-й—число домовъ или дворовъ (для селъ, деревень и проч.), въ 7-й и 8-й—число жителей, мужч. и женщ., и въ 9-й—число церквей и другихъ молитвенныхъ зданій всѣхъ вѣроисповѣданій, учебныя и промышленныя заведенія, ярмарки, базары, пристани.—Населенныя мѣстности распредѣлены были въ книгѣ по уѣздамъ, а затѣмъ, въ уѣздѣ, они размѣщались по дорогамъ и рѣкамъ. Въ концѣ книги помѣщался общій алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстностей губерніи, съ указаніемъ номера по «Спискамъ».

Изданіе «Списковъ» было начато въ 1861 г., когда напечатаны были списки губерній Архангельской, Астраханской и Бессарабской, но затѣмъ, съ 1862 г., списки стали появляться уже не въ азбучномъ порядкѣ, а въ случайномъ. Къ концу шестидесятыхъ годовъ было напечатано около двадцати пяти губерній, но затѣмъ изданіе это почему то остановилось. Кромѣ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерній, не были напечатаны «Списки» губерній: сибирскихъ, кавказскихъ, при-

балтійскихъ, сѣверозападныхъ и юго-западныхъ. Такимъ образомъ, не имѣется этого изданія «Списковъ» и для губерній—Кіевской, Волынской и Подольской. Отсутствіе списковъ населенныхъ мѣстъ этихъ трехъ губерній чувствуется, между прочимъ, и при занятіяхъ научныхъ. Извѣстно, что Лѣвобережная Малороссія была колонизована, въ XVI и XVII вв., преимущественно выходцами изъ кіевской Украины, Волыни и Подоліи, которые переселяясь съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, очень нерѣдко переносили съ собою и названія своихъ родныхъ селъ. Впослѣдствіи, населеніе Лѣвобережной Малороссіи подвинулось далѣе на востокъ, перенося и туда, въ слободскую Украину, названія тѣхъ селъ, изъ которыхъ уходили эти переселенцы... Уже при изслѣдованіяхъ одного этого движенія, правобережныхъ выходцевъ на лѣвый берегъ и далѣе, чувствуется настоятельная потребность въ подробныхъ и точныхъ спискахъ населенныхъ мѣстъ Юго-Западнаго края. Для Кіевской губерніи недостатокъ этотъ до нѣкоторой степени, впрочемъ, восполнялся книгою Похилевича («Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи») и тѣмъ алфавитнымъ спискомъ населенныхъ мѣстъ этой же губерніи, который, лѣтъ десять назадъ, началъ печататься кіевскимъ губ. статист. комитетомъ при спискѣ кіевскихъ чиновниковъ. Но для губерній Подольской и Волынской всѣ данныя по этому предмету ограничивались частичными свѣдѣніями, которыя находятся въ Трудахъ Комитета для ист. стат. опис. Подольск. епарх.» и—въ печатающейся книгѣ г. Теодоровича—«Истор.-стат. опис. церквей и приходовъ Волынской епархіи.» (Почаевъ, 1888 и слѣд. г.г.) Съ появленіемъ книги г. Гульдмана, казалось, недостатокъ этотъ для Подольской губ. восполняется, но при ближайшемъ знакомствѣ съ этой работой приходится разочароваться... Дѣло въ томъ, что составитель этой книги, какъ будто и не слыхалъ о «Спискахъ Центр. Стат. Комитета» (въ предисловіи—о нихъ не упоминается) и свои списки населенныхъ мѣстъ напечаталъ въ такомъ видѣ, который испортилъ всю книгу. Всѣ населенныя мѣста губерніи въ книгѣ г. Гульдмана исчислены, въ азбучномъ порядкѣ, съ такими о нихъ свѣдѣніями, напр.,—„Ярославка, село летичевскаго уѣзда, меджибожской волости. 145 дворовъ, жителей 1193 д. об. пола, отстоитъ отъ уѣзднаго города въ 24 верстахъ и мѣстонахожденія волостнаго правленія въ 9. Ближайшая почтовая станція (куда адресуется корреспонденція) м. Меджибожъ (9 в.); ближайшая земская станція Меджибожъ (9 в.); ближайшая желѣзнодорожная станція—Деражня (25 в.); попутная къ губернскому городу м. Меджибожъ

(9 в.). с. Ярославка находится во второмъ станѣ, въ 6-мъ урядническомъ участкѣ, во 2 уч. судебно-мирового округ. (мир. судьи), въ 1-мъ участкѣ мир. посредника и во 2-мъ участкѣ судебнаго слѣдователя."

Сколько здѣсь—лишнихъ словъ и ненужныхъ свѣдѣній! Всѣ свѣдѣнія о томъ, въ какомъ участкѣ (судебн. слѣд., мир. посред. и урядн.) находится то или другое населенное мѣсто, (въ томъ числѣ и корчмы съ населеніемъ «въ 4 д. об. пола»), совершенно излишни, такъ какъ жителю даннаго поселенія эти свѣдѣнія извѣстны, а если и неизвѣстны, то онъ справится о нихъ не по книгѣ г. Гульдмана, а для иносельцевъ, могущихъ имѣть книгу г. Гульдмана подъ руками, свѣдѣнія эти окажутся нужными лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, при чемъ, при повторяющемся измѣненіи границъ того или другого участка, свѣдѣнія эти быстро старѣютъ и тогда становятся уже совершеннымъ баластомъ. Къ такимъ-же ненужнымъ свѣдѣніямъ должны быть отнесены и свѣдѣнія о разстояніи населеннаго мѣста отъ ближайшей земской станціи и отъ «попутной къ губернскому городу.» Затѣмъ, если бы населенныя мѣстности были перечислены въ такихъ графахъ, какія приняты въ «Спискахъ» Центр. Стат. Комит., то не пришлось-бы составителю называть тотъ или другой уѣздъ *столько разъ, сколько въ уѣздѣ населенныхъ мѣстъ!*—Загромоздивъ свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ ненужнымъ баластомъ, г. Гульдманъ не сообщаетъ при нихъ главнаго топографическаго признака каждаго населенія—названія водъ, при которой послѣднее расположено; въ книгѣ г. Гульдмана видимъ полное умолчаніе о рѣкахъ и рѣчкахъ, при которыхъ расположены подольскія села, и отъ того весь этотъ перечень населенныхъ мѣстъ является туманнымъ: на картѣ приходится искать эти „мѣста" ощупью, слѣдуя отъ одного села къ другому, тогда какъ при указаніи рѣки, послѣдняя и служитъ маякомъ. Нѣтъ въ книгѣ свѣдѣніяхъ г. Гульдмана также указанія—церквей, ярмарокъ, заводовъ и другихъ свѣденій, которыя конечно нужнѣе и важнѣе свѣдѣній объ урядническихъ участкахъ... Затѣмъ, въ книгѣ г. Гульдмана видится такая странность: хутора—показаны (стр. 509—531) не подъ собственными своими названіями, а подъ словомъ *хуторъ*, гдѣ и находимъ, въ азбучномъ порядкѣ,—Андріевку, Андріецъ, Бабу, Березину и т. д. Но при этомъ *не всѣ* хутора г. Гульдманъ перечисляетъ подъ словомъ хуторъ; у него есть хутора, которые въ азбучномъ порядкѣ занимаютъ и самостоятельное мѣсто, напр., Костельный хуторъ (стр. 223) Кохманъ

хут. (224), Крутой Яръ (234), Липняки (257) и т. д. Почему одни хутора указаны подъ общимъ словомъ хуторъ, а другіе отдѣльно—неизвѣстно. Очень неопредѣленны названія нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстъ, напр.—дача, односелье, ферма, выселокъ, слободка, поселокъ... Удобнѣе было г. Гульдману принять общую номенклатуру населенныхъ мѣстъ—села̀, деревни, ху̀тора; а если онъ пожелалъ ввести—особую, мѣстную, то долженъ былъ дать поясненія къ ней. Неправильно, по нашему мнѣнію, г. Гульдманъ поотдѣлялъ отъ мѣстечекъ ихъ предмѣстія («Лялинцы»—предмѣстье м. Чернаго Острова), а отъ селъ—ихъ «приселки» („Ластенія"—приселокъ с. Сиворогъ), такъ какъ это такія части того или другого „насел. мѣста", которыя составляютъ одно цѣлое, причемъ отдѣльныя названія этихъ предмѣстій и приселковъ явились вслѣдствіе значительности поселенія, которое, поэтому, потребовало особыхъ названій для нѣкоторыхъ своихъ частей, какъ требуетъ особаго названія та или другая улица города....

Вообще книга г. Гульдмана является работою, сдѣланною безъ обдуманнаго плана, загроможденною никому ненужными свѣдѣніями, въ родѣ „попутныхъ станцій", и не имѣющею свѣдѣній необходимыхъ, напр.—указанія воды. Приходится пожалѣть о потраченныхъ на изданіе средствахъ, и, попрежнему, ожидать—списковъ населенныхъ мѣстъ Подольской губерніи въ томъ видѣ, въ какомъ они нужны какъ для дѣловыхъ, такъ и для научныхъ справокъ.

А. Л.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. т. XVI-й Одесса 1993 г.

Настоящій томъ «Записокъ» является послѣ весьма долгаго перерыва въ изданіи ихъ: XV-й томъ вышелъ въ 1889 г. Причиной такого перерыва была, какъ можно думать изъ предисловія, недостаточность средствъ. Получивъ увеличеніе пособія, Общество надѣялось издавать ежегодно по одному тому въ объемѣ 20 печатныхъ листовъ, въ форматѣ in 8; для рисунковъ оно намѣрено употреблять преимущественно фототипію. Такой видъ имѣетъ и настоящій томъ. Программа «Записокъ» осталась безъ измѣненія и состоитъ изъ отдѣловъ: Археологіи, Матеріаловъ и Смѣси. Въ отдѣлѣ Археологіи г. *Э. фонъ Штернъ* разбираетъ *«новооткрытую ольвійскую надпись»* о дарованіи Босфорцу Ахэмену проксеніи (почести) и права граждан-

ства и относитъ ее къ IV в. до Р. Х.; интересно, что жители Ольвіи называютъ себя Борисѳенитами и пользуются правомъ пожалованія проксеніи и политіи, что показываетъ большее или меньшее развитіе культуры и государственной жизни въ греческихъ колоніяхъ южной Россіи.

О. В. Юргевичъ описываетъ три надгробные камня; изъ нихъ болѣе любопытенъ 3-й, какъ указывающій на участіе въ постановкѣ памятника городскаго совѣта и возбуждающій недоразумѣніе относительно города; онъ относится къ 140 г. по Р. Х.

Г. Борисъ Формаковскій посвятилъ обширную статью разбору трехъ керамическихъ фрагментовъ съ надписями, имѣющими важное значеніе для исторіи живописи.

Г. А. Бертье-Делагардъ указываетъ на важное значеніе для исторіи г. Херсонеса Таврическаго надписи, относящейся къ времени императора Зенона, объ исправленіи городскихъ стѣнъ. Надпись эта была издана 17 разъ, и авторъ подвергаетъ ее изслѣдованію въ связи съ исторіею г. Херсонеса.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ помѣщена *»Історія словеноболгарская о народахъ и царѣхъ и святыхъ болгарскихъ и о всехъ дѣянія и бытія болгарская. Собрано и нарядзено Паисіемъ іеромонахомъ»* etc. 1762 г.; издатели смотрятъ на эту «исторію» не какъ на матеріалъ историческій, а какъ на памятникъ историко—литературный.

«Документы, относящіеся къ исторіи г. Одессы», собранные г. П. Ивановымъ въ Николаевскомъ портовомъ архивѣ и изданные подъ редакціей г. А. Маркевича, имѣютъ весьма слабое значеніе для исторіи города и при томъ напечатаны безъ всякаго выбора системы; акты, дѣйствительно болѣе или менѣе важные и интересные, перемѣшаны со множествомъ совершенно ничтожныхъ. Въ предисловіи къ нимъ проф. Маркевича мы съ недоумѣніемъ прочли слѣдующее странное признаніе: «Къ сожалѣнію, вслѣдствіе спѣшности работы лица, которому поручено было дѣлать выписки (самъ г. Ивановъ, вслѣдствіе служебныхъ занятій, могъ сдѣлать лишь немного извлеченій), въ документы (т. е. въ копіи) вкралось не мало погрѣшностей; иныя изъ нихъ могли быть исправлены г. Ивановымъ, или нами (!); но другія, безъ сличенія съ подлинниками (sic!) исправлены быть не могутъ. Впрочемъ (по мнѣнію г. Маркевича), погрѣшности эти не таковы, чтобы онѣ могли повредить смыслъ документовъ (хотя исправить ихъ оказалось невозможнымъ!;) поэтому мы и сочли возможнымъ таковые напечатать, считая ихъ опубликованіе въ настоящее время особенно

своевременнымъ (авторъ имѣетъ въ виду приближеніе 100—лѣтняго юбилея Одессы). Не совсѣмъ ясно, впрочемъ (говоритъ онъ въ заключеніе), обозначено въ документахъ и то, изъ какихъ именно дѣлъ архива они извлечены».

Собранные г. А. Андріевскимъ *«Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній»* представляютъ весьма важный историческій источникъ для изученія жизни козачества въ періодъ 1743—1767 г.г.; они служатъ не столько для политической исторіи самого Запорожья, сколько вообще для исторіи Россіи, рисуя въ тоже время внутренніе распорядки въ Сѣчи. Матеріалы эти извлечены издателемъ изъ старыхъ дѣлъ Кіевской Губернской Канцеляріи; назовемъ нѣкоторые изъ этихъ дѣлъ, что-бы показать ихъ значеніе: развѣдываніе о татарскихъ и польскихъ обращеніяхъ въ 1743 г. грабежи запорожцевъ въ имѣніяхъ кн. Яблоновской въ 1746 г.; коммиссія въ запорожской сѣчи для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ въ 1749 г.; Высочайшія грамоты, опредѣляющія отношеніе гетманской и генералъ-губернаторской власти къ запорожью въ 1751 г.; жалобы запорожцевъ на учрежденные въ Гарду драгунскихъ и компанейскихъ полковъ караулы въ 1752 г.—рапорты кошевого атамана Кіевскому генералъ - губернатору въ 1752 г.; развѣдыванія о положеніи дѣлъ въ Крыму въ 1753; указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, государственной военной коллегіи Правительствующаго Сената и проч. по разнаго рода вопросамъ, касающимся запорожцевъ и т. д. Изъ приведеннаго перечня этихъ дѣлъ видна уже ихъ важность; матеріалы же не оканчиваются въ настоящемъ, хотя и здѣсь, не смотря на мелкій шрифъ, которымъ они напечатаны, они занимаютъ много мѣста.

Къ числу матеріаловъ отнесено и описаніе г. *А. Скальковскимъ* сборника историческихъ статей М. Новаковича; такіе сборники были часто списываемы въ прошломъ столѣтіи любознательными людьми и содержали въ себѣ статьи, показывающія политическіе, религіозные и нравственные интересы ихъ списателей; сборники назывались «Ateny» и содержали иногда такіе матеріалы, которые до сихъ поръ оставались неизвѣстными; изъ сборника Новаковича г. Скальковскій заимствуетъ краткое описаніе русскаго посольства къ хану крымскому въ концѣ XVIII в.; издатель относитъ это описаніе къ 1770-мъ годамъ.

Въ смѣси помѣщено одиннадцать некрологовъ почившихъ дѣятелей Новороссіи и Крыма или имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ одесскому обществу исторіи.

Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета. Выпускъ 6, подъ ред. Н. Яворовскаго и свящ. Е. Сѣцинскаго. Каменецъ-Подольскъ. Приложеніе къ Подольскимъ епарх. вѣдомостямъ.

Этотъ огромный томъ (болѣе 700 стр. большаго формата) предлагаетъ немало чрезвычайно любопытныхъ числовыхъ и иныхъ данныхъ о такомъ важномъ краѣ, какъ Подолія. Правда, данныя эти, по самой сути дѣла, довольно односторонни, такъ какъ касаются главнѣйше вѣроисповѣднаго и училищнаго вопросовъ; но въ предѣлахъ этихъ вопросовъ они отличаются и полнотою и, повидимому, значительной достовѣрностью, такъ какъ въ числѣ источниковъ, кромѣ свѣдѣній Губернскаго статистическаго комитета, указаны такіе, какъ спеціально католическій «Литургическій календарь Луцко-житомірской епархіи» (Kalendarium liturgicum diecesium Luceoriernsis et Zytomiriensis....), данныя котораго, отличающіяся отъ свѣдѣній губернскаго статистическаго комитета довольно значительно, тоже приведены въ книгѣ. Любопытно, что разница въ показаніяхъ относительно числа католическаго населенія въ Подоліи между данными католическаго календаря и губернскаго статистическаго комитета довольно велика—почти въ двадцать тысячъ! Такъ, по календарю, количество католическаго населенія въ Подольской губерніи выражается цыфрою 236738, а по даннымъ статистическаго комитета только въ 216765 душъ при общемъ количествѣ населенія въ губерніи въ 2661613 душъ. Указанная значительная разница между данными двухъ совершенно различныхъ и притомъ самостоятельныхъ источниковъ наглядно указываетъ, конечно, на продолжающуюся еще въ краѣ борьбу двухъ культуръ: русской и польской, двухъ исповѣданій: православнаго и католическаго, борьбу несомнѣнно, нарушающую правильный ходъ жизни населенія и, вѣроятно, немало задерживающую поступательное его движеніе.

Изъ сопоставленія различныхъ числовыхъ данныхъ можно сдѣлать нѣкоторые любопытные выводы, напримѣръ хотя бы и такой: въ какомъ взаимномъ отношеніи находится въ настоящее время въ Подольской губ. православіе и католичество? Отношеніе это для послѣдняго исповѣданія довольно благопріятно, особенно ежели принять въ разсчетъ историческую его, такъ сказать, нетуземность въ краѣ и исконную враждебность къ основному русскому населенію края. Католиковъ имѣется въ губерніи болѣе 8%, быть можетъ, даже около 9%, и они обладаютъ 148 церквами, такъ что на каждую цер-

ковь приходится, приблизительно, 1465 душъ. У православныхъ, коихъ считается около 78%, имѣется 1525 церквей, и число прихожанъ на каждую церковь выражается цыфрою, приблизительно, 1330 душъ. Впрочемъ, ежели сравнить подольскія вѣроисповѣдныя отношенія съ волынскими, то первыя, пожалуй болѣе благопріятны для основнаго русскаго населенія въ краѣ, чѣмъ вторыя.

А. Степовичъ.

Путь-Дорога, научно-литературный сборникъ въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Изд. К. Сибирякова. Спб. 1893 г. ц. 3 р. 50 к.

Въ книгѣ около 600 стр., и, кромѣ того, приложено 25 фототипій и цинкографій; эти обстоятельства, а равно высокая цѣль изданія заставляютъ насъ мириться съ довольно высокою цѣною книги. Вся книга—даръ нашихъ писателей и художниковъ бѣдному переселенцу, котораго тяжкая недоля побуждаетъ бросать насиженное мѣсто, родную землю, и искать себѣ на далекихъ окраинахъ нашего обширнаго отечества иныхъ, болѣе благопріятныхъ условій существованія. Въ сборникѣ немало весьма любопытнаго найдетъ для себя любознательный читатель, и мы отъ всего сердца рекомендуемъ эту хорошую книгу, которой, быть можетъ, суждено разбудить дремлющія силы нашего общества и взволновать его грознымъ вопросомъ, вопросомъ государственной и общественной важности—вопросомъ о переселенцахъ. Разбирать книги, не подходящей къ чисто историческому характеру нашего изданія, мы не станемъ, и лишь укажемъ нашимъ читателямъ тѣ статьи, въ которыхъ можно получить нѣкоторыя свѣдѣнія о судьбѣ переселенцевъ изъ южнорусскихъ губерній и областей. Такихъ статей собственно три: Переселенія и частный починъ (письмо съ сѣвернаго Кавказа Я. Абрамова), Къ вопросу о культурной роли пересселенцевъ въ Сибири и ихъ отношеніяхъ къ сибирякамъ-старожиламъ А. Кауфмана и «Вопросы переселенія и настоятельныя нужды переселенческаго дѣла» Н. Ядринцева, извѣстнаго знатока Сибири и всѣхъ ея важнѣйшихъ нуждъ и запросовъ. Въ статьѣ г. Кауфмана между прочимъ встрѣчаемъ любопытное свѣдѣніе о старожилахъ переселенцахъ изъ малороссійской части Воронежской губ., которые, говоритъ авторъ, „представляютъ единственный извѣстный намъ и изъ собственныхъ наблюденій, и изъ литературы примѣръ сохраненія всѣхъ принесенныхъ съ родины особенностей

хозяйственнаго быта». Статья г. Ядринцева представляетъ чрезвычайно тяжелую, почти даже страшную картину тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, особенно болѣзней, и той поразительной смертности, которыя преслѣдуютъ переселенцевъ на ихъ тяжкомъ, страдномъ пути..... Картина эта способна ужаснуть самое закоренѣлое сердце, самое лѣнивое воображеніе....

Въ чисто литературномъ отношеніи представляютъ извѣстный интересъ повѣсть г. Л. Толстаго «Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ», очеркъ г. Мамина-Сибиряка «Орелъ-городокъ» и нѣкоторые мелкіе разсказы гг. Чехова, Баранцевича, Н. Лѣскова, Н. Златовратскаго и нѣк. другихъ. **А. Степовичъ.**

Очерки по исторіи русскихъ нарѣчій. Черты южнорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII вв. В. Шимановскаго. Варшава. 1893 г. 8°, 101 стр.

Предметъ названной книги — обозрѣніе особенностей живой южнорусской рѣчи XVI—XVII вв., на сколько онѣ проявились въ письменныхъ памятникахъ того времени. Въ началѣ ея приведенъ краткій перечень памятниковъ, послужившихъ источниками для этого труда; затѣмъ слѣдуетъ систематическое разсмотрѣніе наиболѣе характерныхъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей южнорусской рѣчи того времени, а въ заключеніе отмѣчены черты польскаго вліянія на нее и предложены общіе выводы автора изъ разсмотрѣнныхъ имъ данныхъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ выводовъ, равно какъ и съ объясненіемъ нѣкоторыхъ явленій рѣчи, не вполнѣ можно согласиться. Но, въ общемъ, трудъ г. Шимановскаго, заключая въ себѣ довольно значительное число данныхъ о южнорусскомъ языкѣ XVI—XVII вв.,—старательно извлеченныхъ авторомъ изъ небольшого числа памятниковъ того времени и болѣе или менѣе правильно сгруппированныхъ имъ, — представляетъ несомнѣнный интересъ для историческаго изученія южнорусской рѣчи, и можетъ служить хорошимъ для него пособіемъ. **К. М.**

Русскимъ матерямъ, сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ цынги и тифа въ Воронежской губерніи. Москва 1892 г. 260 стр. ц. 1 р.

Такъ какъ къ книгѣ приложено нѣсколько недурныхъ рисунковъ, то цѣна ея оказывается весьма не высокой; но и помимо общедо-

ступности цѣны, сборникъ по самой своей цѣли заслуживаетъ всяческаго распространенія и поддержки. Сообразно, должно быть, съ этнографическимъ составомъ населенія, въ книгу вошли произведенія не только на общерусскомъ языкѣ, но и на малорусскомъ (Шевченка, Д. Марковича, Чайченка, Днипровой-Чайки), будучи объединены общей идеей «глубокаго благоговѣнія предъ материнской любовью и горячаго сочувствія материнскимъ и дѣтскимъ скорбямъ и страданіямъ». Въ книгѣ помѣщена большая часть уже извѣстныхъ вещей, но есть и кое что новое, наприм. «Первыя воспоминанія» Л. Толстаго.

Сборникъ имѣетъ чисто литературный характеръ и интересъ, и потому мы дольше на немъ останавливаться не будемъ: наша цѣль была лишь указать на него читателямъ и искренно совѣтовать имъ ознакомленіе съ нимъ. **А. С.**

Городъ Владиміръ Волынской губерніи въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Историческій очеркъ Н. И. Теодоровича. (Въ память 900-лѣтняго юбилея Волынской епархіи: 992—1892). Съ 9-ю гравюрами. Приложена статья: „Празднованіе 900 лѣтняго юбилея Волынской епархіи“. Почаевъ. 1893 г.

Городъ Кременецъ Волынской губерніи. Церковно-историческій очеркъ Н. И. Теодоровича Почаевъ 1890 г.

Городъ Заславль Волынской губерніи. Историческій очеркъ преподавателя Волынской Духовной Семинаріи Н. И. Теодоровича. Почаевъ 1891 г.

Мѣстечко Грицевъ Заславскаго уѣзда Волынской губерніи. Историческій очеркъ Н. И. Теодоровича. Почаевъ 1892 г.

Если бытовая и политическая исторія г. Владиміра въ изложеніи автора не достаточно полна и оставляетъ еще желать многаго то отдѣлъ церковно-историческій весьма богатъ фактами по исторіи монастырей, церквей, православной іерархіи и проч. Въ историческо-политической части своего труда г. Теодоровичъ останавливается главнымъ образомъ на велико-княжескомъ періодѣ; періодъ литовскаго и польскаго владычества, также какъ и время присоединенія края, представлены имъ въ самыхъ общихъ и блѣдныхъ чертахъ; главное вниманіе авторъ обращаетъ на исторію церкви; здѣсь онъ излагаетъ біографическія данныя о православныхъ епископахъ, не упускаетъ изъ виду уніятскихъ и католическихъ, сообщаетъ факты.

изъ исторіи церквей, монастырей и не обходитъ вниманіемъ положенія католической церкви; далѣе слѣдуетъ указаніе на дѣятельность мѣстнаго братства, описаніе его древлехранилищъ, археологическихъ особенностей окрестностей г. Владиміра и изложеніе судебъ училища. Въ приложеніи мы находимъ описаніе празднованія 900-лѣтняго юбилея Волынской епархіи, происходившее 10, 11 и 12 мая 1892 г., со всѣми относящимися къ описанію документами: программа празднествъ, церемоніалъ его, архипастырское воззваніе къ паствѣ, описаніе перенесенія чудотворной Почаевской иконы Богоматери, описаніе самого юбилейнаго торжества, проповѣди, рѣчи, адресы, привѣтствія, прекрасную содержательную рѣчь проф. И. И. Малышевскаго «объ участіи дворянъ въ защитѣ православія на Волыни», наконецъ описаніе юбилейныхъ торжествъ и молебствій въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Житомирѣ, Луцкѣ, Ковлѣ и друг. городахъ и во многихъ селахъ Волыни. Вообще эта книга служитъ прекраснымъ памятникомъ совершившагося торжества.

Въ описаніи гг. Кременца и Заславля, а также и м. Грицева авторъ пользуется по возможности всѣмъ изданнымъ матеріаломъ, но при этомъ ограничиваетъ свою задачу лишь краткимъ изложеніемъ политическихъ событій, дольше останавливаясь на событіяхъ и предметахъ церковныхъ и монастырскихъ; въ заключеніе рисуетъ современное состояніе города; такое ограниченіе задачи автора могло произойти и отъ того, что онъ не пользовался мѣстными городскими архивами и архивами присутственныхъ мѣстъ. Богатѣйшій матеріалъ для исторіи городовъ Волыни даютъ книги Центральнаго Архива университета св. Владиміра; въ нихъ, между прочимъ, находится и люстрація г. Кременца 1563 г., которую г. Теодоровичъ считаетъ погибшей; она напечатана проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи (ч. VII, т. 2-й, стр. 42 и слѣд.); въ архивѣ правленія университета заключается богатый матеріалъ и для исторіи просвѣщенія Волыни вообще и для характеристики лицейскаго образованія, какое получала польская шляхта въ Кременцѣ. Пожелаемъ автору удобнаго случая воспользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ, а для начала хорошо и то, что сдѣлано имъ—оно даетъ представленіе о характерѣ временъ, пережитыхъ юго-западнымъ краемъ и въ частности Волынью.

И. Каманинъ.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Томъ 5.—Труды педагогическаго отдѣла историко-филологическаго Общества, Вып. 1-й. Харьковъ 1893 г.

По обычаю «Сборникъ открывается протоколами засѣданій Общества за 1892—93 академ. годъ. Въ теченіе этого года оно имѣло 9 засѣданій; изъ нихъ было два административныхъ и одно торжественное; въ послѣднемъ прочтено четыре реферата, посвященные памяти А. А. Потебни и разбору его ученыхъ работъ. Въ остальныхъ шести засѣданіяхъ сдѣлано 15 сообщеній: по археологіи—1, по этнографіи—1, по греческимъ древностямъ—3 всеобщей исторіи—1, по всеобщей литературѣ—1, по исторіи церкви—2, по исторіи русской литературы—4, по исторіи просвѣщенія 2; къ протоколамъ приложены отчеты о дѣятельности и пріобрѣтеніяхъ Харьковскаго архива и по сбору пожертвованій на премію имени А. А. Потебни.

Въ неоффиціальномъ отдѣлѣ «Сборника» мы находимъ статьи и при нихъ матеріалы г. *М. Плохинскаго*: О поселеніяхъ грузинъ въ Малороссіи», г. *П. Иванова*: «Народные разсказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ», представляющіе собою матеріалъ для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда; какъ и въ прежнихъ своихъ очеркахъ, авторъ не ограничивается передачей суевѣрныхъ разсказовъ, но старается найти ихъ основаніе и объясненіе, что сообщаетъ смыслъ и значеніе этимъ разсказамъ темной массы крестьянъ. Въ дополненіе «Къ исторіи духоборцевъ харьковской губерній» г. *Савва* пересказываетъ одно дѣло о нихъ, хранящееся въ Харьковскомъ архивѣ; далѣе сообщаются «обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, Херсонской губ., записанные С. А. Чернявской; въ числѣ ихъ есть десятокъ историческихъ пѣсенъ, большею частью варіанты уже напечатанныхъ. *Д. И. Багалѣй* продолжаетъ печатаніе своихъ матеріаловъ по исторіи колонизаціи и быта Слободской украины и приступилъ къ «Описи дѣлъ Харьковскаго историческаго архива», за которую нельзя не выразить благодарности ему отъ лица всѣхъ занимающихся южно-русской исторіей; опись составлена весьма обстоятельно и подробно; но все-таки она не можетъ претендовать на ученость, которая была обѣщана въ предшествовавшихъ номерахъ «Сборника»; за отсутствіемъ въ нашихъ архивахъ вообще какихъ-бы то ни было толковыхъ описей, ученая опись представляла-бы собой уже большую роскошь. Къ неудобствамъ печатаемой описи нельзя не отнести 1) отсутствія указаній на листы

дѣла при описи отдѣльныхъ его документовъ, такъ какъ это затрудняетъ нахожденіе нужнаго документа, и 21) неточное обозначеніе даты дѣла; есть, напр., дѣла до 600 листовъ; несомнѣнно они тянулись нѣсколько лѣтъ; вотъ это-то и не отмѣчено въ заголовкахъ дѣла, какъ не приведены и самые заголовки ихъ,—общей описи дѣла нѣтъ; при краткости описи отдѣльныхъ документовъ трудно иногда представить себѣ общую мысль, самую суть дѣла, которая связываетъ между собою въ одно цѣлое разрозненныя бумаги; безъ общей описи дѣла обойтись нельзя никакъ, вслѣдствіе этого и самая опись кажется лишенной всякой научной системы, такъ какъ хронологическое основаніе рѣшительно не годится въ архивахъ, преслѣдующихъ ученыя цѣли. Въ концѣ «Сборника» приложенъ «Отчетъ о дѣятельности педагогическаго отдѣла Историко-филологическаго Общества»; къ отчету приложены и рефераты членовъ; всѣ они трактуютъ о больныхъ мѣстахъ нашей педагогіи и требуютъ спеціальнаго обозрѣнія, а это не входитъ въ нашу задачу.

И. Каманинъ.

И. Я. Акинфіевъ, Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу. Екатеринославъ 1893.

Авторъ названной книжки—по спеціальности ботаникъ—каждый годъ предпринимаетъ научныя экскурсіи на Кавказъ; при этомъ онъ большой любитель природы и путешествій, какъ важнаго образовательнаго и гигіеническаго средства; наконецъ,—онъ человѣкъ разнообразно-наблюдательный, и въ настоящей книжкѣ его, кромѣ картинныхъ описаній природы, читатель найдетъ много любопытныхъ замѣчаній по разнымъ областямъ жизни современной, а, въ связи съ нею,—и прошедшей, какъ то: по исторіи екатерининской желѣзной дороги, о каменоугольной промышленности юга Россіи, о лѣсоразведеніи, о семейной и соціальной жизни кубанскихъ козаковъ и объ экономической исторіи ихъ, о минеральныхъ водахъ и пр. Стоимость книги (50 к.) полностью поступаетъ въ кассу екатеринославской коммиссіи народныхъ чтеній для усиленія фонда на постройку аудиторіи. Все это побуждаетъ желать книгѣ г. Акинфіева полнаго успѣха.

Адресъ—календарь г. Елисаветграда и елисаветградскаго уѣзда на 1894 г. Елисаветградъ 1893.

Это уже не первая попытка изданія календаря для гор. Елисаветграда; настоящему адресъ—календарю предшествовали здѣсь уже два подобныхъ. Елисаветградъ—городъ уѣздный (херсонск. губ.), но довольно большой, и въ немъ довольно продолжительное время существовала даже своя ежедневная газета, о возобновленіи которой нельзя не пожелать; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если здѣсь является и адресъ-календарь, который несомнѣнно долженъ быть дѣломъ не безвыгоднымъ. Кромѣ обыкновенныхъ общихъ и мѣстныхъ календарныхъ и справочныхъ свѣдѣній, въ елисаветградскомъ календарѣ на 1894 годъ напечатаны также небольшія замѣтки о промышленности и торговлѣ Елисаветграда и его уѣзда, статистическія свѣдѣнія о населеніи того же города и уѣзда и статьи о травосѣяніи и о выборѣ пара и посѣвѣ озимей въ елисаветградскомъ у. Въ типографскомъ отношеніи книжка довольно удовлетворительна, хотя и не казиста.

Вновь вышедшія изданія Кіевской Археографической Коммиссіи:

1) Планъ г. Кіева 1695 г. . . . . ц. 1. р. —

2) Пятидесятилѣтіе Коммиссіи (1843—1893).

Историческая записка о ея дѣятельности, составленная О. И. Левицкимъ. ц. 1 р. —

3) Архивъ Юго-Зап. Россіи часть I томъ 9-й, заключающій въ себѣ Лиѳосъ, полемическое сочиненіе 1644 года . . ц. 2 р. —

4) Архивъ Юго-Зап. Россіи часть VIII, т. 1-й, матеріалы для исторіи мѣстнаго управленія въ связи съ исторіею сословной организаціи. Акты Барскаго староства XV—XVI в. . . . ц. 2 р. —

и 5) Отчетъ о юбилейномъ торжественномъ собраніи Коммиссіи 19 ноября 1893 года. . . . . ц. » 40 к.

Мякотини Е. Н. Соловьева, Н. В. Тулупова и многихъ другихъ (всего болѣе 80 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія. Я. В. Абрамова. Отчеты о засѣданіяхъ Спб. и Московскаго комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

1) Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки шесть рублей, съ доставкой 6 р. 50 коп., для иногороднихъ семь рублей, съ пересылкой за границу девять рублей.

2) Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени" и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

ВЪ 1894 ГОДУ
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
будутъ издаваться
по прежде утвержденной программѣ:
„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ",
ЖУРНАЛЪ
научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ".

Указомъ Св, Синода отъ $^{3}/_{19}$ февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи". такъ и на „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ„ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи"—7 г.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ при Кіевской Духовной Академіи въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л: Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56 XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVI (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—

68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 г. г. (въ сброшюрованомъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1893 гг. по 7 р. съ пересылкою. **Экземпляры "Трудовъ" за 1884 г. всѣ распроданы**

Мѣсячныя книжки „Трудовъ" 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1894 гг. по 1 руб.

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподователяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподованія по полугодіямъ.
5. Програмы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учубной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколѣ, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи паачнаго содержанія),

дальнѣйшее усовершенствованіе газеты, какъ во внутреннемъ литературномъ отношеніи, въ полнотѣ и изобиліи свѣдѣній и статей, приближаясь по мѣрѣ возможности, къ выработанному типу наилучшихъ заграничныхъ изданій.

Въ газетѣ „Одесскія Новости" помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы искусства науки и техники. Кромѣ спеціально посвященныхъ одному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки и разсказы, журнальное обозрѣніе, театральное обозрѣніе и научно-техническій фельетонъ. Все это иллюстрируется цинкографическими портретами и рисунками. Кромѣ того, на праздникъ Рождества Христова, выдается подписчикамъ иллюстрированный „Дѣтскій нумеръ" содержащій разсказы, стихотворенія, и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитымъ является въ „Одесскихъ Новостяхъ" областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 66 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и кромѣ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ заведены болѣе прочныя сношенія заграницей и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	3 „ 75 „
„ 6 „	4 „ 50 „	„ 6 „	5 „ — „
На годъ	8 „ — „	На годъ	9 „ — „

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала второю полугодія 4 р.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

ВЪ ОДЕССѢ, въ Главной Конторѣ: Ланжероновская ул. (Пале-Рояль), соб. домъ.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ Богополѣ, Бериславѣ, Белградѣ, Бобруйскѣ, Виннницѣ, Вознесенскѣ, Верхнеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гейсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомирѣ, Измаилѣ, Киліи, Крив.Рогѣ, Крив.Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Козатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ-Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргіевскѣ, Николаевѣ, Нѣжинѣ, Оргѣевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ Сорокахъ, Тирасполѣ, Тальномъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Өеодосіи.

Редакторъ-издатель **А. Старковъ**

Съ 16 ноября газета „Одесскія Новости" будетъ печататься новымъ шрифтомъ.

2—3.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсроча: при подпискѣ—4 руя., 1 Мая—2 руб., и 1 Іюля—руб., а для служащихъ въ административныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ разсрочка допускается ежемѣсячными взносами по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ въ году (1 Янтаря по 1 Августа включительно)

Подписка для иногороднихъ принимается въ главной конторѣ редакціи Трехсвятительская ул., № 16 (у церкви Андрея Первозваннаго).

Подписавшіеся на 1894 годъ получать всѣ номера газеты, вышедшіе въ текущемъ 1893 году.

Издатели: *І. П. Мануковъ и М. Е. Краинскій.*
Редакторъ *М. Е. Краинскій.*

2—3

ОТЪ РЕДАКЦІИ „СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА".

„Сборникъ Саратовскаго Земства" имѣетъ выходить въ 1894 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года.

„Сборникъ" будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Сборникъ Саратовскаго Земства". I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. III. Монографіи и статьи по предметамъ, входящимъ въ программу „Сборника". IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Намѣчены и подготовляются Редакціей слѣдующія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Мелкій кредитъ по проекту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ на хлѣбъ. Кустарный земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обозрѣніе земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими Уѣздными и Губернскими Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растеній и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ посѣвовъ Н. Маклецовъ. О вліяніи величины и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе Н. Черненко.

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ В. Круберъ, и др.

Приложенія: I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы коммиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная недѣля. VI. Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ, VII. Библіографія и библіотека, книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. IX. Картограммы, діаграммы, карты и образцы. X. Экстренныя приложенія.

Приложенія, кромѣ X-го будутъ выпускаться и разсылаться подписчикамъ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со „Сборникомъ", приложеніе же V-е

будетъ выходить изъ печати по пятницамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

Такъ какъ, не смотря на ближайшую свою цѣль, „Сборникъ" и „Приложенія" уже въ текущемъ году представляли значительное разнообразіе, а въ предстоящемъ 1894 г. Редакція разсчитываетъ располагать еще болѣе разнообразнымъ матеріаломъ, то, дабы сдѣлать „Сборникъ", не смотря на значительные расходы по изданію его, болѣе доступнымъ для лицъ, интересующихся имъ въ полномъ составѣ или лишь въ отдѣльныхъ частяхъ его, открыты особыя подписки: А—на „Сборникъ" безъ приложеній, Б—на „Сборникъ" съ нѣкоторыми лишь приложеніями и В—на „Сборникъ со всѣми приложеніями.

Подписная цѣна: А.- За „Сборникъ" безъ приложеній: на годъ безъ пересылки 3 руб. 60 коп., съ пересылкой и доставкой въ Саратовѣ 4 р., на полгода безъ перес. 1 р. 80 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 2 р, на четверть года безъ перес. 90 к., съ перес. 1 р., на 1 мѣсяцъ безъ перес. 31 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 35 к.,

Б.—За постоянныя приложенія къ общей цѣнѣ на „Сборникъ" прибавляется:

1. За I приложеніе „Труды Саратовскаго Губернскаго Земства"—журналы, доклады, отчеты и проч. на годъ безъ пересылки 1 р. 80 к., съ пересылкой и дост. въ Саратовѣ 2 р., на 1 мѣсяцъ безъ пересылки 90 к., съ пересылк. и доставк въ Саратовѣ 1 р.

2. За еженедѣльное V-е приложеніе на годъ безъ пересылки 2 р. 70 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 3 р., на полгода безъ перес. 1 р. 35. к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 2 р., на четверть года безъ перес. 1 р. 10 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 1 р. 20 к, на одинъ мѣсяцъ безъ пересылк. 45 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 50 к.

3. За остальныя ежемѣсячныя приложенія на годъ безъ пересылки 1 р. 80 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 2 р, на полгода безъ перес. 1 р., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 1 р., на четверть года безъ перес. 90 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 1 р., на одинъ мѣсяцъ безъ пересылки 27 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 30 к.

В.--За „Сборникъ" со всѣми приложеніями на годъ безъ пересылки 8 р., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 9 р., на полгода безъ перес. 5 р. 40 к, съ перес. и дост. въ Саратовѣ 6 р., на четверть года безъ перес. 3 р. 60 к., съ пер. и дост. въ Саратовѣ 4 р., на одинъ мѣсяцъ безъ перес. 1 р. 35 к., съ пересылк и дост. въ Саратовѣ 1 р. 50 к.

Цѣна экстреннымъ приложеніямъ будетъ опредѣляться каждый разъ особо, о чемъ будетъ публиковатсья заблаговременно.

Подписка на приложенія безъ „Сборника" не принимается и розничная продажа приложеній не производится.

Гг. Земскимъ Начальникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, извѣстнымъ Редакціи, допускается разсрочка подписной платы по полугодьямъ и четвертямъ года, при условіи уплаты каждый срокъ впередъ, безъ увеличенія годовой подписной цѣны.

Для Волостныхъ Правленій годовая подписная цѣна съ пересылкой установлена.

За „Сборникъ"	безъ приложеній		3 р.
„	„ съ I-мъ приложеніемъ		4 р.
„	„ съ V-мъ приложеніемъ		4 р.
„	„ съ остальными, кромѣ экстрен. приложеній		4 р.
„	„ со всѣми приложеніями, кромѣ экстренныхъ		6 р.

вѣстій" считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложеній къ „Извѣстіямъ" будутъ печататься:

1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. „Мордовско русскій словарь" М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія" выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета Ѳ. Мищенко, И. Смирновъ.

НАСТОЛЬНЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Изд. съ 44-го вып. Т-ва А. Гранатъ и К°, бывш. Т-ва А. Гарбель и К°.

Изданіе имѣетъ цѣлью въ общедоступномъ и сжатомъ изложеніи дать точныя и достаточно полныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ явленіямъ жизни; оно стремится открыть возможность для каждаго значительно пополнить пробѣлы образованія, содѣйствовать болѣе разностороннему развитію и облегчить сознательное отношеніе къ каждому крупному вопросу науки, литературы, искусства и общественнаго быта въ его прошломъ и настоящемъ.

Все изданіе составитъ 108—115 выпусковъ или 8 томовъ (10000 столбц. убор. печати) и будетъ закончено въ 1894 году.

Вышло 75 вып., т. е. 5 томовъ и 5 вып. 6-го тома, въ которыхъ изд. доведено до сл. НѢМЕЦКОЕ ИСКУССТВО.

Цѣна выпуску (въ 3 печ. листа) на обыкновен. бум. 30 коп., на луч. бум.—40 к., тому безъ перепл. на об. бум.—4 р. 20 коп., на лучш. бум. 5 р. 60 к., тому въ перепл. на об. бум. 4 р. 50 коп., на лучш. бум. 6 р. За пересылку приплачив. 10 к. па рубль стоимости, за перес. каждой серіи „Снимковъ" (9 картинъ) 28 коп. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Учащіе, учащіеся, учебныя заведенія, равно какъ и всѣ казенныя и общественныя учрежденія при совмѣстной подпискѣ не менѣе 3 лицъ пользуются уступкой въ 10%. Допускается разсрочка съ ежемѣсячнымъ платежомъ отъ 1 р. 20 к. на условіяхъ, изложенныхъ въ проспектахъ. Гг. служащіе и лица съ высшимъ образованіемъ, пользуясь разсрочкой, получаютъ при подпискѣ всѣ вышедшіе тома изданія.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію безплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій пер., д. № 3.

и листъ отъ Головкина графа до Наумова приложенъ. До жени о повоженню моемъ и чтобъ висилала сюда запасъ по первихъ писмахъ, а особливе каѳанъ и кунтушъ новопошивши, тютюну тур., каѳани бѣліе, юпочку на груди. Увѣдомился я, что генералная старшина пріехали въ Москву зъ С. П. Бурху, и Петръ Апостолъ, и свойственникъ духовниковъ Петръ Яковлевичъ, и Василій Даниловичъ. (Перекрестовъ).

Субота. 13. Сегодня рано былъ я у г-ла С. Л.; вечеромъ оттуда заездилъ до монастира Грецкого и увидѣлъся зъ п. Жураховскимъ, бувшимъ асауломъ енер.[1]), а обѣдалъ зъ отцемъ духовникомъ и ново зъ С. П. Бурху пріехавшими Петромъ Лукяновичемъ, швакгромъ духовниковимъ, и Василіемъ Даниловичемъ, синомъ Данила Івановича Перекрестова. Былъ же у мене секретаръ бывшій колегіи малор. Артѣлний.

Неделя. 14. Сегодня службы Божой слухалемъ въ монастирѣ Богоявленскомъ, а обѣдалемъ зъ Антоновичемъ вкупѣ, зъ отцемъ духовникомъ. По обѣдѣ, ездилемъ къ Новодѣвичому, где забавился долго, въ ночъ; у отца Василія, куда пріехалъ карлъ царици государинѣ, зъ которимъ братство завзялемъ и оному, въ знакъ любвѣ, 5 чер. подарилемъ, и пріехалемъ позно въ свою квартиру. Несторовичъ повернулся зъ С. П. Бурху и привюзъ писмо ко мнѣ отъ архиерея новагор., а другое до ясневел. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р.

Понеделокъ. 15. Рано былемъ у адмирала и писма отъ ясневел. и родителя отдалемъ. Былемъ же у Петра Апостола, сина гетманского[2]), а обѣдалемъ у себе зъ Несторовичемъ и Максимовичемъ; у вечеру Василь Даниловичъ былъ и Яснополскій. Купилемъ минеію праздниковъ за 1 р., октоихъ въ двохъ книжкахъ, за 1 р. и 23 а., объ ординахъ книжку за „ “ р.

---

[1]) Жившимъ въ это время, въ Москвѣ, въ ссылкѣ, за участіе въ протестахъ Полуботка. См. Кіевск. Стар. 1888 г., № 11, стр. 365.

[2]) Петръ Даниловичъ Апостолъ, третій сынъ гетмана, жилъ въ это время въ Москвѣ въ качествѣ заложника, и воспитывался подъ наблюденіемъ Меншикова. Говорятъ, что онъ написалъ свои мемуары, будто бы хранящіеся въ Екатеринославѣ, у Алексѣевыхъ.

Во втор. 16. Сегодня, по обѣдѣ, ездилисмо до князя Дмитрія Михайловича Голѣцина и писма оному отъ ясневел. и родителя отдалемъ, и отъ него зайшолемъ до сина его князь Алексѣя Дмитріевича и мало посидѣвши, отехали, а заездили до Волинскаго, оттоль былемъ у Степана Лукича и посидѣвши, пріехалемъ въ квартеру свою.

Середа. 17. Сегодня рано ездилемъ въ Новодѣвичой монастиръ, до отца Василія и до Максимовича, которому и о ссорѣ нашей съ Федоромъ Максимовичемъ говорилемъ, чтобъ бить въ компленацѣи за водку. У вечеру билемъ у Стефанова и листи отъ ясневел. и род. отдалемъ, включилемъ 40 чер.

Четвер. 18. Сегодня рано былемъ зъ Несторовичомъ у князя Михайла Михайловича Голѣцина, фелтмаршала, и листи отдалемъ оному, а поехавши оттуда, заездилемъ до Стефанова, а обѣдалемъ у духовника зъ Василіемъ Даниловичемъ и другими. По обѣдѣ же, у вечеру, былемъ у Петра Апостола, гетманского сина, которого просилемъ, чтобъ онъ собою мѣтиговалъ гнѣвъ отца своего на нашъ домъ увесь оберненний невинно, и обѣщался.

Пятокъ 19. Сегодня купилемъ книгъ 6, полскихъ, за 7 р. зъ гривнею, а именно: Speculum Saxonum, статутъ, конституціи коронніе, Твардовскій, о турецкомъ государствѣ и полѣтику Аристотелесову. Особливо книжку о небоземныхъ глобусахъ, за полтину. Тамъже, въ аптецѣ, по рецепту Бидлова, тоея жъ мѣрою, купилемъ декоктъ, species, конфектъ ляксуючихъ, да spiritum, мазать, и за то далемъ 3 р. и 5 а. зъ копѣйкою. Цукру канарского голову, фунтъ по полкопи зъ копѣйкою. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р.

Субота. 20. Сегодня рано былемъ у отца Василія, у Новодѣвичого, а обѣдалемъ зъ Несторовичомъ; по обѣдѣ, были у князь Мих. Мих. Голѣцина, и Шипову отдалъ листи.

Неделя. 21. Сегодня службы Божой слухалемъ у Богоявленскомъ монастиру, а по службѣ Божой билемъ у Жураховского, асаули генер., и Корецкого, а обѣдалемъ у п. Петра Апостола, гетманича, где видѣлемся зъ повернувшимися зъ С. П. Бурху посланними гетманскими, Стишевскимъ, Забѣлою, Стороженкомъ и Лукашомъ. П. Петро

Апостолъ обявилъ мнѣ, что якобы онъ до отца своего писалъ, интерцедуючи за нами, якъ и обѣщался. Писалемъ въ домъ чорезъ Левка Прійму, до род., жени, ясновел. и п. Михайла Скоропадского, зъ обявленіемъ писма п. Петра Апостола.

Понеделокъ. 22. Сегодня рано былъ у мене Тернавскій, а пообѣдивши, мы были у Василія Перекрестова, оттоль былемъ у князя Голѣцина, фелтмаршала, где и ужиналемъ. Яснополскій, сотникъ крижскій, полку сумского, отехалъ въ домъ свой.

Вовтор. 23. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р. Пообѣдавши, зъ Несторовичемъ поехалемъ до Вишневского архимандрити, оттуду до Курбатова, у которого зъ Тернавскимъ посидѣвши и отъ его къ Тернавскому поехавши, потомъ въ свою пріехалемъ квартеру.

Середа. 24. Сегодня рано былъ я у графа Головкина, а оттоль заездилъ въ городъ покупать книгъ, и у библіотекара купилемъ книгъ, а именно: болшихъ 5 за 6 р. и 20 сор., (коп.), полскихъ 3, за полтора рубля, а себторновъ (?) диспутаціи медическихъ 35 за 35 а.; обѣдалемъ у себе зъ Несторовичемъ и Максимовичемъ Іваномъ; по обѣдѣ былемъ у князя Сергія и Алексѣя Дмитріевичевъ Голѣциновихъ, зъ которихъ старшому и писмо отдалемъ отъ ахтир. полковника. Вѣжевскому далемъ въ росходъ 11 р. Ночовалъ у мене Петро Мировичъ, секретаръ государинѣ цесаревни [1]).

Четвер. 25. Сегодня принималемъ проносное лѣкарство, конфектъ 3 конци, на ночъ, и доволную имѣлъ пургацѣю. Обѣдалисмо вкупѣ зъ Максимовичемъ и Антоновичемъ. 3 мѣсяци, януаръ, августъ и декавр. минеи, три книги, купилемъ за 2 р. зъ грив.

Пятокъ. 26. Ездилемъ въ слободу нѣмецкую, где Гарнову часовнику далемъ свои часи до поправки, за якіе, тако жъ до онихъ за путло, 2 р. зъ полтиною. Въ аптецѣ Гутбертовой купилемъ алексѣру sopr. schragel. ℨi за зол. зъ грошемъ. Купилемъ оливокъ свѣжихъ зеленихъ, полъ 6 фунта въ бочонку, фунтъ по 4 а. и лимонѣй свѣжихъ 4 по 2 а. Заездилемъ до Новоспаского монастира,

[1]) О Петрѣ Федоровичѣ Мировичѣ, сначала секретарѣ цесаревны Елисаветы Петровны, а потомъ енисейскомъ воеводѣ, см. у Костомарова, Мазепа и Мазепинцы, 697 и 698.

где былъ у архимандрити и отца Крулѣка[1]), и оттоль во свою квартеру пріехалъ позно. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, пріехалъ сюда зъ Глухова за квартерами особамъ, зъ гетманомъ мѣючимъ сюда пріехати.

Субота. 27. Сегодня рано былемъ у Петра Апостола и зъ Холодовичемъ ездилемъ до графа Головкина, а обѣдалемъ у Василія Данилова; по обѣдѣ ездилемъ до Горленка, оттоль до Петра Апостола и позно пріехалемъ во свояси.

Неделя. 28. Сегодня службы Божой слухалемъ у Заиконного Спаса, где колегіумъ, а обѣдалемъ у себе, по обѣдѣ ездилемъ до князь Дмитрія Мих. Голѣцина, оттоль до Ве...(?), и тамъ отвечеравши, пріехалемъ въ свою квартеру.

Понеделокъ. 29. Сегодня обѣдалисмо у себе, а съ нами Мировичъ, Максимовичъ Іванъ, отецъ Василій и Ломик вскій; по обѣдѣ ездили до двора прапорщика Бутирского полку Леоптіева, которій для ясневел. торговалъ на мѣсяць (квартиру?) по 3 р., у его такъ запросившого; оттоль были у князь Мих. Мих. Голѣцина.

Вовтор. 30. Сегодня службы Божой слухалемъ у соборной церквѣ въ Кремлѣ, а обѣдалемъ у отца духовника зъ Миколаевичомъ, Василіемъ Даниловичемъ, по обѣдѣ ездилемъ до князь Мих. Голѣцина, которому и публѣкацѣи презентовалемъ, оттоль заездилъ до Курбатова, и пріехалъ въ свою квартеру. Купилемъ молочникъ, суденце цѣновее, за 4 гривни. Въ Китай-Городѣ, у посадского человѣка, Івана Миронова сына Кологривова, наняли изби низшіе 3, зъ кладовою и погребомъ, на мѣсяць по 3 р.

Середа. 31. Сегодня рано ездилемъ къ Новодѣвичому и заездилемъ до Лизогубовъ, и видѣлся зъ обоима, Яковомъ, бунчучнимъ, и Семеномъ. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р. и записалемъ въ реестрѣ. По обѣдѣ, ездилемъ на Мясницкую и билъ въ дому архиерея новгородского, оттоль билъ въ новой своей квартерѣ, и заехавши до Василія Даниловича, тутъ просидѣли долго, забавляю-

[1]) Феофилъ Круликъ учился въ Кіевѣ, затѣмъ съ 1712 г. былъ префектомъ московской академіи и архимандритомъ сначала Чудова м-ря, а потомъ—Новоспасскаго.

чись въ карти. Василій Даниловичъ подарилъ мнѣ трубку въ пуделку, иноземскую.

Мѣсяць февруар. Четвер. 1. Сегодни рано ездилъ я до отца Копи, где видѣлъся зъ отцемъ Ковпецкимъ, недавно пріехавшимъ зъ Амстердама въ Москву, зъ синомъ графа Головкина. Купилемъ ложко (кроватъ) за 10 а. зъ 5 копѣйками. Переехалисмо зъ Несторовичомъ на квартеру новую, до Івана Миронова сина Кологривова, въ Китай-Городъ, не подалеку Москворецкихъ воротъ.

Пятокъ. 2. Сегодня никуда не ездилъ зъ своей квартери. П. судя енер. Чарнишъ пріехалъ зъ С. П. Бурху въ Москву, и сталъ зъ Горленкомъ.

Субота. 3. Сегодня, рано, ездилемъ до Новодѣвичого монастира, а потомъ обѣдалемъ въ своей квартерѣ зъ Максимовичемъ и Несторовичемъ, а потомъ ездилемъ до князь Мих. Мих. Голѣцина, оттоль до архиепископа новогородского Прокоповича, где и долго просидѣлемъ.

Неделя. 4. Сегодня, после полудня, входъ былъ імператорского величества въ Москву, изъ Всесвятского; воротъ тріумфалнихъ до Кремля города 3 было, отъ первихъ воротъ даже до самого Кремля, верстъ у нѣсколко, стояли полки пѣшо, по обоимъ сторонамъ, по 2 лави; когда же зближился его величество къ первимъ воротамъ, то сиgналъ дано зъ ракети, такъ же и у другихъ воротъ, и заразъ пойшла рота гвардіи гранадѣрская, зъ перами на головахъ, за нею порожніе карети господъ всякихъ, потомъ заводніе лошадѣ государеви, въ дорогихъ чапракахъ, потомъ, всякое шляхетство и протчіе зъ служителей двору государева и камергери, а потомъ нѣсколко десятъ человѣка кавалерgардіи, передъ которими ехалъ Мамоновъ, за ними самъ его величество въ каретѣ, противъ его же сидѣлъ Остерманнъ Андрей Івановичъ, дядя чили обергофмайстеръ; карета была визолочена, на верхи, по серединѣ карети, извнѣ стояла корона імператорская, лошадей подъ него было 8, около карети ехали: зъ одной сторони Ягушинскій, а зъ другой Салтиковъ; за каретою потомъ ехали минѣстри, въ своихъ каретахъ, а именно: адмиралъ, канцлеръ, князь Димитр. Голѣцинъ,

князь Мих. Мих. Голѣцинъ и другіе. Обѣдалисмо сами у себе, и съ нами Антоновичъ. При вечеру ездилемъ до Василія Даниловича, оттоль до Шереметева. Братъ Андрей преставился въ Ромнѣ.

Понеделокъ. 5. Сегодня я рано ездилемъ до Василія Петровича Шереметова, оттоль до Горленка, где зъ п. Чарнишемъ, судіею, видѣлемся, а потомъ заехали до Кропотова, генерала маэіора, тамъ и обѣдали; едучи оттоль, заехали до Василія Даниловича, а вечеромъ ездилемъ до полковники Безобразова, оттоль билъ у Курбатова и посидѣвши, пріехалемъ на свою квартеру.

Вовтор. 6. Отъ часовника часи зискалемъ, а за направку ихъ и за пуделко 2 р. съ полт. Былемъ у Остермана и писма оному вручилемъ отъ ясневел. и род. Обѣдалемъ у себе, когда пріехали попъ отецъ Василій и Максимовичъ. По обѣдѣ, ездилемъ до полковника Еропкина и до Панѣна.

Середа. 7. Сегодня обѣдалемъ у отца Василія, зъ п. Чарнишемъ и Максимовичемъ, и Несторовичомъ, откуду пріехавши, дома былъ для вчорайшого болю грудей.

Четвер. 8. Сегодня, рано, пріехалъ Семенъ Цилюрикъ отъ родителя, и рано былъ я во дворе и отдалъ князь Алексѣю Григоріевичу Долгорукову, а обѣдалъ у себе зъ Несторовичемъ и Александромъ, слугою ясновел. По обѣдѣ ездилемъ до князь Мих. Мих. Голѣцина, откуду позно пріехалемъ въ свою квартеру. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р., що и записано въ его реестрѣ.

Пятокъ. 9. Сегодня о полднѣ пріехала ясневелможная и родитель мой, зъ братами Семеномъ и Маркомъ, Кондзеровскимъ, въ Москву. Панѣ стали квартерою у дяка Автомона Михайлова, противъ двора Прозоровского, а родитель у мою квартеру пріехалъ, и сталъ въ оной.

Субота. 10. Сегодня рано былисмо у Курбатова, отца духовника и обѣдали у себе. По обѣдѣ, были у графа Головкина и князь Дмитрія Мих. Голѣцина, а пріехали въ свою квартеру позно, а ясневел. рано была у царици, и на ночъ туда жъ поехала, у вечеру были у Володимера Шереметева. Купилемъ рукавички тепліе, бобромъ опушеніе еленѣи, за 3 а. и 4 д. Вѣжевскому далемъ

на росходъ 10 р., що и въ реестрѣ записалемъ. Царици Евдокіи Федоровнѣ, по сказнѣ Шеремет., учинено опредѣленіе его величества въ годъ 6000 р., а на 40000 р. запасами, цуковъ зъ каретами 6 и проч.

Неделя. 11. Сегодня рано ездилъ я до Новодѣвичого, где и службы Божой слухалемъ, а по службѣ пріехалемъ въ свою квартеру, и обѣдалисмо тутъ. У вечеру ездили зъ ясневел. до князь Мих. Мих. Голѣцина. Алексѣй, слуга, пріехалъ въ Москву, зъ обозомъ моимъ въ 10 возахъ, а 2 вози род.

Понеделокъ. 12. Рано ездилемъ къ Донскому монастиру, обѣдалемъ дома.

Вовтор. 13. Рано былисмо зъ родителемъ у адмирала, а обѣдалемъ у Еропкина.

Середа. 14. Сегодня рано ездили въ Кремль, обѣдалисмо зъ Тернавскимъ, у вечеру ездилемъ до Курбатова. У попа церкви с. Ирини наняли склепъ, на мѣсяць по 2 р.

Четвер. 15. Сегодня обѣдалисмо купно зъ ясневел., у ея квартерѣ, а по обѣдѣ были у князя Івана Федоровича Боратинского.

Пятокъ. 16. Сегодня рано ходилъ я въ лавки и купилъ осятра, 2 лососѣ и 10 стерлядей, за 3 р.; особливе сіомgу солоную купилъ пудъ по 1 а., кавяру полъ пуда, фунтъ по 5 коп., вина церковного gалiонковъ 5, по 7 а. По обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола. Вѣжевскому далемъ на расходъ 10 р.

Субота. 17. Сегодня отправились отсюду въ домъ люди мои сварковскіе, и черезъ нихъ покупка тая вчорайшая послана до жени, и бочонокъ оливокъ, столикъ круглий. Имъ же на дорогу далемъ 3 р. и 20 а. и барилце горѣлки. Писалемъ до родителки, тако жъ до отца протопопи роменского и до отца Іоиля Савѣцкого, писара печерского и кіевского, зъ прилогомъ вѣршей архиерея новогородского, на привѣтъ его величества, въ Новагородѣ випечатаних.

Неделя. 18. Сегодня обѣдалисмо у Василія Шереметева; по обѣдѣ были у Еропкина.

Понеделокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо у себе. Гетманъ Даніилъ Апостолъ, зъ многими старшинами, пріехалъ въ Москву. Увѣдомилисмося, что братъ п. Андрей преставился въ Ромнѣ.

Вовтор. 20. Сегодня рано былисмо у гетмана и кланялись ему, которій и не посмотрѣлъ на насъ. Оттуду были у князь Івана Долгорукова, обѣдали у ясневелможной, по обѣдѣ у вечеру ездили до княгинѣ Мещерской. Вѣжевскому на росходъ далемъ 4 р. Купилемъ баулъ за 3 р. съ полтиною.

Середа. 21. Сегодня рано былисмо у Наумова, которий израдно поччовалъ. Оттуду заездили до гофъ-мейстера государева Адріяна Никифоровича Елаgина, а потомъ были у ясневелможной, где и обѣдали. Бандурка давній мой Алексѣй приходилъ ко мнѣ, а служить онъ на годъ сталъ у атютанта князя Боратинского, Давидова. Цесаревна Анна Петровна, герцогиня Голштинская, родила въ первомъ часу, сина именемъ Каролюса, а къ крещенію онаго прошени были: цесаръ римскій, императоръ россійскій и королева шведская, которихъ и имени ему жъ дани—Карлъ, Петръ, Улрихъ.

Четвер. 22. Сегодня были рано у Наумова, обѣдалисмо у ясневел.

Пятокъ. 23. Сегодня рано ездилъ я до Елаgѣна и копію чолобитный ему далъ. Отдалъ родитель чолобитную графу Головкину.

Субота. 24. Сегодня рано былисмо у Наумова зъ род., оттоль у князя Василія Лукина Долгорукова и у Елаgѣна, а обѣдали у ясневел. Мировичи ночовали у насъ, зъ которихъ старшему позичилемъ 2 р.

Неделя. 25. Коронацѣя імператора Петра Второго была въ оборной церквѣ, о которой порядку, якому самъ былъ я смотритель, будетъ нижей. Пожаловано въ фельтмаршали: князь Василій Волод. Долгорукій и князѣй Трубецкихъ, въ генерали поручтики—Воладимеръ Шереметевъ и Кропотовъ.

Понеделокъ. 6. Сегодня обѣдалисмо у себе. Аудіенцѣя была всѣмъ знатнимъ лицамъ въ грановитой палатѣ, где по чинамъ духовенство, генералитетъ и гетманъ, со всѣми малороссіянами, где и мы были у ручки его імператорского величества, въ 4-мъ часу

по полуднѣ. Ездили у вечеру въ Новодѣвичій монастыръ, и были у руки государинѣ царици.

Вовтор. 27. Сегодня радо ездилъ я до п. Михайла Скоропадского и обѣдали у ясневел.; у вечеру, на Цариціномъ Лугу фейверкъ былъ, где посерединѣ стояли 3 плани болшихъ, на которихъ горѣли фѣкгури разніе зъ надписами, а по сторонамъ обоихъ 6 пѣрамидъ, по 3 зъ одной, также и зъ другой сторони.

Середа. 28. Сегодня ездилъ я рано до п. Петра Апостола, и уобъ обѣщаніи его, чтобъ ему бить медіяторомъ до своего родителя поминался; заездилъ до швакгровъ своихъ, а обѣдалемъ въ дому. Заподлинно увѣдомилемся где жена швакгра моего Якова Полуботна, дочъ Жураковского, а плѣмѣнница гатмана, умерла.

Четвер. 29. Сегодня рано ездилъ я до швакгровъ своихъ Полуботковъ, где прійшолъ и Федоръ Максимовичъ, и братъ его Іванъ, такожъ и зъ . . . . . . (?) пріехалъ и Іванъ Максимовичъ отъ Новодѣвичого, где заводъ . . . . (?) приговорили зъ Федоромъ Максимовичемъ, чтобъ я ему далъ 100 р., а Иванъ Максимовичъ, братъ его, далъ мнѣ карту зъ порукою до декавр. сего году, въ 70 вѣдрахъ гор. двойной.

М-цъ мартъ. Пятокъ. 1. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной Рано ездилъ я до Елагѣна.

Субота. 2. Сегодня рано заездили до Шипова, а обѣдали у ясневелможной, у вечеру были у князь Мих. Мих. Голѣцина, а я былъ у п. Михайла.

Неделя. 3. Сегодня рано были у Курбатова, оттоль у Наумова, обѣдали у ясневелможной. У вечеру былъ асамблей у грановитой палатѣ, где и гетманъ нашъ былъ; а я у вечеру ездилъ до п. Михайла Скоропадского.

Постъ вел. Понеделокъ. 4. Сегодня ездилисмо, оба зъ родителемъ, до п. гетмана, которого видѣти не удостоилися, хочай до ночи просидѣли, а такъ и повернулись назадъ.

Вовтор. 5. Сегодня родитель ездилъ до князь Мих. Мих. Голѣцина и до Наумова, а я до Курбатова. Родитель подарилъ мнѣ 50 чер.

Середа. 6. Сегодня на службѣ Божой были у Богоявленского монастира, оттоль ездили до гетмана, а я заездилъ до швакгра своего Якова Полуботка, отежджаючого въ домъ свой, зъ которимъ и простилемся. Знову, у вечеру, былисмо у гетмана и имѣли честь очи его видѣти, а родитель и разговоръ имѣлъ. Родитель былъ у Курбатова.

Четвер. 7. Братъ п. Семенъ віехалъ зъ Москвы въ домъ, черезъ которого послалемъ книжокъ 11, по реестру, якого здэ копія; да писалемъ черезъ него до родителки зъ поздравленіемъ, да до жени своей—о висилцѣ виправи сюда, а именно: 50 носат. гор. оковитой и 100 пуд. табаку, а остатній табакъ тамъ продать, не менше рубля; тако жъ, чтобъ сюда вислала скотини и овецъ на продажу, а воли тамъ бы продани были, буде отпаслись, да зъ виправою, чтобъ коня ступака сюда прислала, да на низъ Якова Дуброву вислала бъ; а по облѣgахъ денги виправивши, отдала бъ архиереєви кіевскому.

Пятокъ. 8. Сегодня никуда я не ездилъ, а пріездилъ ко мнѣ Іванъ Максимовичъ, Димитріевъ синъ, и привезлъ облѣgъ на 70 вѣдеръ оковитой гор., якую онъ повиненъ отдать въ декавр. м-цѣ сего жъ году., да въ той же картѣ швакгеръ мой п. Андрей Полуботокъ порукою написался, дли чего я довадячіеся денги Федору Максимовичу, Івановому брату, 100 р. послалъ черезъ Вѣжевского до Полуботка, которій такіе денги взялъ и росписку отобрать у Федора, за отдачею денегъ, обѣщалъ.

Субота. 9. Сегодня рано приобщалисмося тайнамъ святымъ и обѣдали у ясневел. У вечеру ездилисмо до князь Мих. Мих. Голѣцина, где видѣли пол. Веревкина, пріехавшого зъ Ромна, которій сказалъ себе имѣючого писма зъ дому до насъ писанніе. Да онъ же говорилъ, что публѣкованно еще родителя, по отездѣ его зъ дому сюда, въ Москву, а такъ, чтобъ тіи, которіи на его чоломъбитствовали, подписивались, а на чомъ онъ не знаетъ.

Неделя. 10. Сегодня, по службѣ Божой, тожъ у ясневелможной обѣдалисмо, а я потомъ ездилъ до швакгра своего Андрея Полуботка, которій обѣщалъ взять росписку у Федора Максимовича, за

денги отъ мене черезъ его Максимовичу данніе. Заездилемъ до архиерея новогородского, где позабавился зъ Миклашевскими.

Понеделокъ. 11. Сегодня хозяинъ нашъ Іванъ Мироновичъ Кологривой[1]), въ лѣтехъ своей жизни 74 бывшій, преставился. Ездилемъ до пол. Веревкина и писма отъ его получилемъ, одно отъ жени о посилаючомся дипліомѣ, якій и отобралемъ у его, а другое отъ братовой п. Андреевой о терновскомъ прикажчику Бруханову, збидившомъ ея, писаніе.

Вовтор. 12. Сегодня рано ездилъ я до Елаѕѣна, заездилъ до Тернавского, обѣдалъ у себе, по обѣдѣ были у князь Дмитрія Мих. Голѣцина и Стефанова.

Середа. 13. Получилемъ карту отъ Федора Максимовича за 100 р., отъ мене ему верненніе. Былисмо вечоромъ у гетмана, где Селивановъ внѣ ума явился. Хазяинъ нашъ покойній. Кологривовъ погребенъ. Вѣжевскому далемъ на росходъ денегъ 3 р.

Четвер. 14. Сегодня обѣдали сами у себе, а по обѣдѣ родитель ездилъ до графа Головкина, а я до ясневел. и въ лавки. Дефаршъ былъ у мене, которому 40 папушъ тютюну подарилемъ. Вѣжевскому далемъ на расходъ 10 р.

Пятокъ. 15. Сегодня купилемъ кулбаку нѣмецкую, совсѣмъ за 5 руб.

Субота. 16. Сегодня, передъ обѣдомъ, ездилемъ до п. Михайла Скоропадского и архиерея новогородского, а обѣдали у ясневел.

Неделя. 17. Сегодня былисмо рано у князя Мих. Мих. Голѣцина, а обѣдали у духовника, отца Тимоѳея (Надаржинскаго); ездилемъ до Еропкина. Писмо до жени моей писанное отослалемъ до п. Михайла, для пересилки.

Понеделокъ. 18. Сегодня исторію полскую, въ томахъ 3-хъ, купилъ я за 2 р. У вечеру зъ ясневелможною былемъ у архиерея новогородского.

Реляція о коронаціи императора Петра II[2]).

---

[1]) Ив. Кологривый—бывшій есаулъ глуховской сотни. См. о немъ Опис. Ст. Малор., II, 485.

[2]) Здѣсь слѣдуетъ реляція о коронаціи, напечатанная въ изданіи 1859 г. т. I, стр. 272.

Вовторокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до генерала лейтенанта Володимера Шереметева.

Середа. 20. Сегодня на поминанiи покойного хазяйна нашего обѣдалисмо съ протчiими, где игуменъ Воздвиженского монастира сказивалъ, что княгиня князя Менщикова жена померла. Рѣку Москву, гораздъ пониже Каменного мосту, роспустило.

Четвер. 21. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной, а по обѣдѣ ездилемъ на Каменний мостъ и до Стефана Гамалѣи.

Пятокъ. 22. Сегодня Вѣжевскому далемъ на росходъ 5 р. и записалемъ. Хустку у Несторовича взялемъ, новообраз евую бавелняную, за 14 а.

Субота. 23. Сегодня обѣдалисмо дома, а по обѣдѣ ездили до князя Михайла Михайловича, откуду я заездилъ до ясневелможной.

Неделя. 24. Сегодня ездилисмо рано до ясневелможной, где по службы Божой и пообѣдалисмо. По обѣдѣ прiехалемъ въ свою кватиру и не ездилемъ никуди, потому что на очи захоровалемъ.

Понеделокъ. 25. Сегодня рано были въ ясневелможной и службы Божой совокупне тамъ слушали, обѣдалемъ дома, а родитель у сестри Наумова.

Вовтор. 26. Сегодня обѣдалисмо у себе сами, а родитель у ясневел. и Наумова; по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и програлемъ 1 р.

Середа. 27. Сегодня принималемъ лѣкарство, зъ малимъ дѣйствiемъ, проносное.

Четвер. 28. Сегодня въ себе обѣдалисмо, а ясневелможная въ нашей квартерѣ била и милася въ банѣ. Сестра Уляна Iвановна (Толстая) прiехала сюда. Указъ публѣкованъ печатнiй о подкиненномъ писмѣ 24-го марта, у Спаскихъ воротъ, въ которомъ извиняетъ бывшого князя Меншикова, которiй за многiе вини достоинъ былъ смерти, а сосланъ въ силку ради милосердiя. Сегодня купилемъ книжку рускую Синопсисъ давнiй, за полтину, а картузъ табаку за полтину жъ и образъ тушенiй за полтину жъ. Окулярей 2, зеленiеи бѣлiе, зъ футлярами, за 4 гривни и 2 а. купили.

Субота. 30. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до князь Мих. Мих. Голѣцина, где и вечералемъ.

Неделя. 31. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ зъ ясневел. и сестрою, которая и отехала, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, Стефана Гамалѣи, Василія Даниловича, п. Михайла Скор. и архиерея новогородского, откуду позно въ свою квартеру пріехалемъ.

Мѣ-цъ априль. 1. Понеделокъ. Сегодня далемъ лосиную шкуру пекроить себѣ и пошить обранне и рукавички, за 7 гривенъ, а обѣдалисмо у себе.

Вовтор. 2. Сегодня ездилемъ рано до Курбатова, отца Копи, отца Берла, отца Досиѳея Любинского, Савинского архимандрита, Веляминова и ясневелможной, где и обѣдалемъ.

Середа. 3. Сегодня обѣдалисмо у себе и никуда не ездили. Вѣжевскому на росходъ далемъ 13 р., зъ которихъ казалемъ дать всѣмъ своимъ служителямъ по 2 р.

Четвер. 4. Сегодня ездилемъ до п. Михайла Скор., а обѣдалисмо у себе, тогда жъ заездилемъ до Гамалѣи, Івана и Григорія.

Пятокъ. 5. Никуда неездилемъ. Несторовичъ захоровалъ.

Субота. 6. Сегодня службы Божой у ясневел. прихожой церкви слушалемъ, а обѣдалемъ у себе зъ Іваномъ Максимовичемъ, Петровимъ синомъ.

Неделя. 7. Обѣдалисмо у ясневел., по обѣдѣ ездилемъ до Еропкина и Курбатова. Импер. в-во изволилъ кушать у пана гетмана Даніила Апостола, зъ многими минѣстрами, где пожаловалъ сина гетманского Петра Апостола, въ полковники лубенскіе, къ чому заговаривалъ нѣкоторій камеръюнкеръ Алепли, бывшій въ кухмистрахъ при покойномъ господару Волоскомъ.

Понеделокъ. 8. Сегодня ездилемъ рано въ слободу нѣмецкую и былемъ у Дефарша, и съ нимъ у доктора Быдлова и другихъ; потомъ заехалемъ до п. Михайла Скор. и тамъ при картахъ позабавившись, повернулемся.

Вовтор. 9. Сегодня у ясневелможной зъ п. Михайломъ Скор. обѣдалемъ. Несторовичъ у вечеру отъ фебри терціянки вилѣченъ порохомъ зъ виномъ полиннимъ.

Середа. 10. Сегодня рано ездилемъ въ слободу нѣмецкую, а обѣдалемъ въ дому. По обѣдѣ ездилисмо зъ родителемъ до князь Мих. Мих. Голѣцина. Вѣжевскому на росходъ далемъ 6 р. и въ реестрѣ зиписалемъ ему.

Четвер. 11. Сегодня рано ездилемъ до Елаѓѣна, оттоль до ясневелможной, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ заездилемъ до Тернавского, и въ свою пріехалемъ квартиру. Въ аптецѣ великой куплено лѣкарствъ 3, одно—масть, другое конфектъ ляксуючихъ, третее, empl. demyscellag., за которія дано 2 р., 4 а.

Пятокъ. 12. Принималемъ проносное лѣкарство въ конфектѣ. Алексѣй принюсъ отъ Ханенка barometrum и thermometrum, за полтора рубля. П. Михайло посѣщалъ насъ.

Субота. 13. Сегодня обѣдалисмо у себе сами зъ Несторовичемъ и ченцемъ игуменомъ, съ Сѣбира пріехавшимъ, малороссіяниномъ.

Вѣханіе Христово. Неделя. 14. Сегодня рано ездилъ родитель до п. Апостола, а я до Наумова, у которого обѣдали ясневел. и родитель, а я зъ п. Кондзеровскимъ тамъ.

Понеделокъ. 16. Сегодня Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р., зъ которихъ всякому зъ служителей моихъ, и ему, казалемъ видать по 4 а., до первей даннихъ грошей. Онъ же Вѣжевскій купилъ панчохъ нитчанихъ белнихъ, двѣ пари за 17 а., голову цукру за 8 а. фунтъ, флирку простую за полтину, ойста на пистолета, зъ контурками малими, за 7 гривенъ.

Вовтор. 16. Сегодня въ дому, чи въ квартерѣ, сидѣли и сами кушали.

Середа. 17. Сегодня въ квартерѣ своей былисмо.

Четвер. 18. Сегодня, по службѣ Божой, обѣдалисмо у ясневелможной.

Пятокъ Ст. 19. Сегодня въ дому жъ былисмо безотлучно. Купили въ слободѣ нѣмецкой вина красного, доброго, бутилка по 10 а., а тутъ купили зеленихъ оливокъ солонихъ, фунтъ по гривнѣ.

Субота. 20. Пріобщались сегодня святимъ тайнамъ.

Воскресеніе. Неделя. 21. Сегодня рано былисмо у князь Михайла Мих. Голѣцина, а по службѣ Божой кушалисмо у ясневел-

можной. Пріехалъ зъ Глухова, отъ жени моей, дворянинъ нашъ Ѳедоръ Бѣлополовскій и привезлъ кунтушъ новий легкій, каѳанъ тако жъ отласовий, жовтий, новий же и 3 каѳани бѣлихъ, легкихъ, барилце горѣлки, стоянець ягодъ, шаблю неоправлюваную и спонокъ 2 золотихъ. У вечеру былисмо у пана гетмана, князь Василія Лукича Долгорукова и въ свою квартеру позно пріехали.

Понеделокъ. 22. Сегодня рано былисмо у графа Головкина, Павла Ів. Ягушинского, Веляминова, а обѣдали у ясневелможной.

Вовторокъ. 23. Сегодня былисмо у ясневел., где и кушалисмо, а по обѣдѣ были у князь Дмитрія Михайловича Голѣцина и у князь Мих. Мих. (Голицына).

Середа. 24. Сегодня рано ездилемъ зъ Еропкинимъ до Матюшкина, а незаставши его самого, поздравилемъ праздникомъ жену его Софію Дмитровну; по обѣдѣ езднлисмо въ слободу нѣмецкую, въ дворець государевъ. Алексѣй взялъ у Федора, ключника ясневел., 24 р. и отдалъ Вѣжевскому.

Четвер. 25. Сегодня проносное принималемъ лѣкарство, а по обѣдѣ ездилисмо зъ п. Михайломъ до Еропкина и Ртищева и Володимера Петровича Шереметева, у которого доволно посидѣвши, повернулись назадъ. А родитель ездилъ до Остерманна, Андрея Івановича, зъ поздравленіемъ. Его величество изволилъ поехать въ околичніе мѣста, зъ охотою мисливною [1]).

Пятокъ. 26. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола, у кототого посидѣвши доволно, повернулемся въ свою квартеру.

Субота. 27. Сегодня рано ездилисмо въ Новодѣвичій монастиръ и до п. Чарниша заѣхали, а потомъ повернулись въ свою квартеру и тутъ обѣдалисмо, а по обѣдѣ ездили до пана гетмана, откуду я передомъ пріехалъ въ свою квартеру, затимъ, что еще отъ 25-го числа заболѣлемъ на діарею, и отъ полдня до свѣта имѣлемъ около 40 sedes.

---

[1]) Мисливець— охотникъ. Мисливная охота—здѣсь, охота съ собаками.

Неделя, 28. Сегодня я за своею болѣзнію никуда не ездилъ, но страдалъ дома.

Понеделокъ. 29. Исцѣлѣлся я водкою цитваровою, випивши оной cum elex.-diascondio.

Вовтор. 30. Сегодня тожъ въ своей обрѣтался квартерѣ.

М-цъ май. Середа. 1. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной. Родитель захоровалъ, a speciei febris tercianae. Ездилемъ вечоромъ до Курбатова, у которого доволно посидѣвши, повернулемся.

Четвер. 2. Сегодня послалемъ писмо до п. Михайла, якое писано до жени моей, въ отвѣтъ на ея писмо черезъ Федора бѣлополовского ко мнѣ отправленное. По обѣдѣ, ездилемъ до архиерея новогородского, у которого увѣдомилемся, что онъ рекомендовалъ мене пану гетману. Ясневел. поехала безъ п. Михайла до Яковлева. Купилемъ 3 соболѣ за 100 папушъ табаку и 7 р.

Пятокъ. 3. Сегодня ездилемъ по обѣдѣ до Андрея Миклашевского и п. Михайла, тако жъ Андрея Полуботка и повернулемся назадъ позно.

Субота. 4. Сегодня по обѣдѣ ездилемъ до слободи нѣмецкой, зъ Несторовичомъ, где зъ Дефаршомъ видѣлисмося, а потомъ заехавши до князь Мих. Мих. Голѣцина, повернулись назадъ. Цесаревна Анна Петровна, супруга герцога Голштинского, преставилась.

Неделя. 5. Сегодня рано поехалисмо зъ п. Михайломъ въ Яковлево, и, пріехавши туда на обѣдъ, застали тамъ ясневел., зъ которою и, обѣдалисмо и передновалисмо.

Понеделокъ. 6. Сегодня тамъ же обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехавши, повернулись при заходѣ слонца въ Москву. Его величество изволилъ назадъ повернутись зъ охоты своей въ Москву. Свита посла цесарского пріехала въ Москву.

Вовтор. 7. Сегодня въ дому обѣдалисмо зъ Заруцкимъ, а по обѣдѣ ездилемъ въ слободу до Бидлова, однако жъ его не засталемъ.

Середа. 8. Сегодня обѣдалемъ у ясневел., а родитель ездилъ до князь Мих. Мих. Голѣцина и оттуду пріехавши, захоровалъ, которому докторъ Захарій Захаріевичъ кровъ пускалъ зъ медіани,